

3 1952

К. Я. Гротъ.

# АВСТРО-ВЕНГРІЯ

или

## КАРПАТО-ДУНАЙСКІЯ ЗЕМЛИ

ВЪ СУДЬБАХЪ СЛАВЯНСТВА

и

ВЪ РУССКИХЪ ИСТОРИЧЕСКИХЪ ИЗУЧЕНІЯХЪ.

Третье изданіе.

Выручка отъ продажи въ пользу жертвъ великой освободительной войны съ германствомъ.



ПЕТРОГРАДЪ.

Типографія Министерства Путей Сообщенія  
(Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К<sup>о</sup>), Фонтанка, 117.  
1915.









31952

К. Я. Гротъ.

# АВСТРО-ВЕНГРІЯ

или

## КАРПАТО-ДУНАЙСКІЯ ЗЕМЛИ

ВЪ СУДЬБАХЪ СЛАВЯНСТВА

и

ВЪ РУССКИХЪ ИСТОРИЧЕСКИХЪ ИЗУЧЕНІЯХЪ.

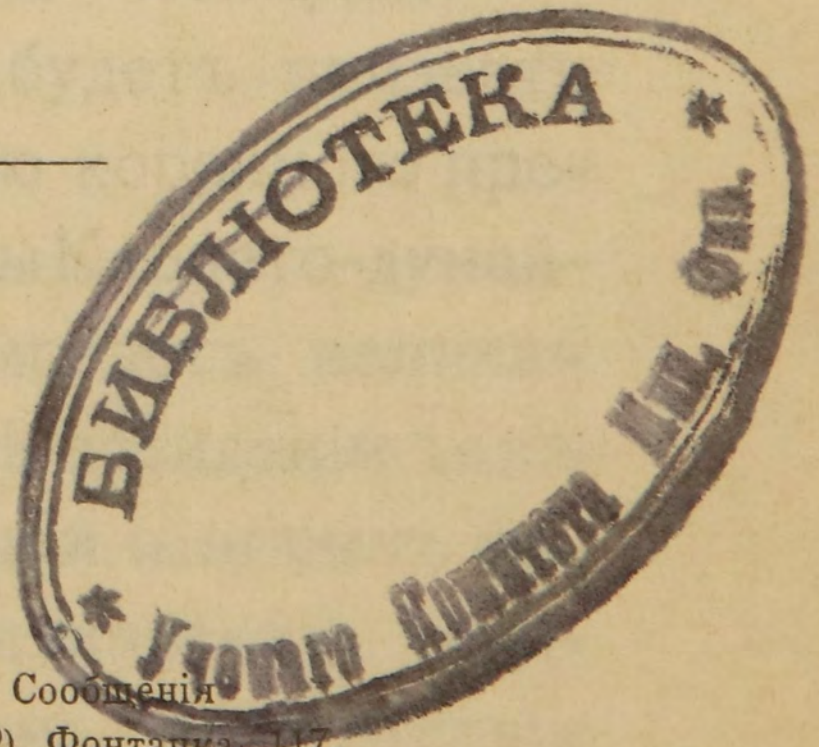
Третье изданіе.

Выручка отъ продажи въ пользу жертвъ великой освободительной войны съ германствомъ.



ПЕТРОГРАДЪ.

Типографія Министерства Путей Сообщенія  
(Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К<sup>о</sup>), Фонтанка, 117.  
1914.



~~39981~~

39



h

K. H. DOLF

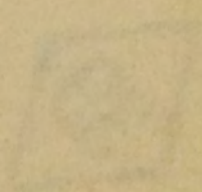
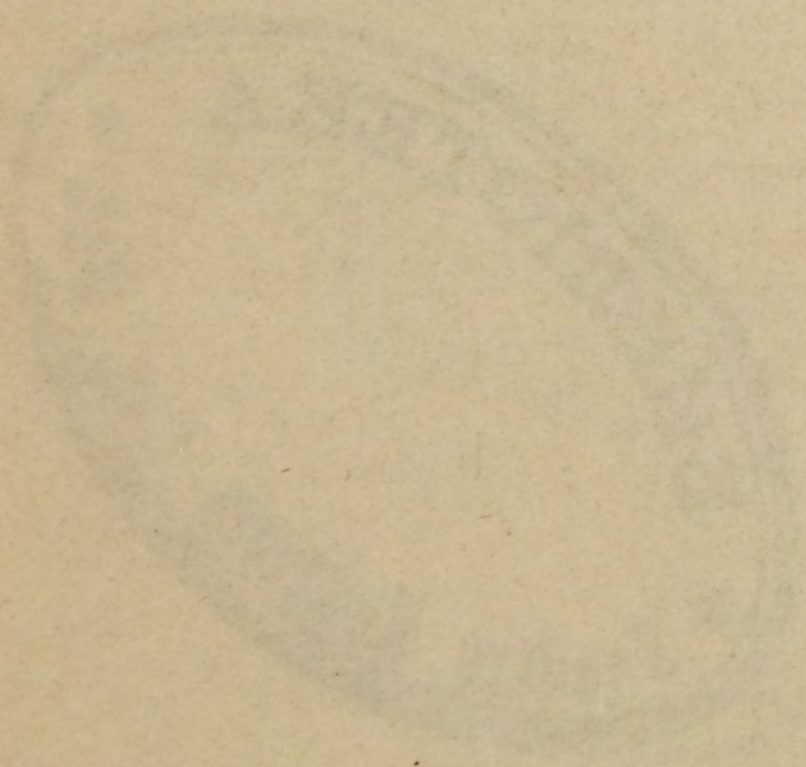
ABCTPO-BENTPIA

KAPITAO-IVHANCIE BEMIN

PICTO-IVHANCIE BEMIN

PICTO-IVHANCIE BEMIN

87184





Быстро надвигающійся, съ послѣдовательнымъ разгромомъ военныхъ силъ Австро-Венгріи, моментъ рѣшенія дальнѣйшей судьбы этого государства—тюрьмы и вѣкового насильника Западнаго Славянства — застааетъ, до нѣкоторой степени, врасплохъ и весь дипломатическій міръ и русское общество... Непредвидѣнно рѣшительный и быстрый ходъ событій ставитъ насъ передъ лицомъ цѣлаго ряда сложныхъ и трудныхъ вопросовъ, выдвигаемыхъ историческимъ прошлымъ, національными, политическими и экономическими интересами и взаимными отношеніями отдѣльныхъ составныхъ частей „лоскутной“ монархіи.

Если Провидѣнію угодно будетъ призвать вскорѣ Россію къ осуществленію коренного преобразованія политической карты Карпато-дунайскихъ земель, то на ея долю выпадетъ великая и отвѣтственная роль въ дѣлѣ созиданія тамъ новаго прочнаго порядка вещей и новыхъ независимыхъ національно-политическихъ единицъ или группъ — въ прямомъ соотвѣтствіи



съ народными интересами и національно-историческими правами нашихъ братьевъ-славянъ австрійскихъ и венгерскихъ.

Россія обязана всемѣрно готовиться къ едва ли теперь уже отвратимому распаду отжившаго и во всѣхъ отношеніяхъ несостоятельнаго организма и къ авторитетному и вліятельному участию въ плодотворной созидательной работѣ на его развалинахъ.

Мы не сомнѣваемся, что наше правительство готовится къ этому дѣятельно и основательно. Не можетъ, однако, не принять живого участія въ освѣщеніи и обсужденіи назрѣвающихъ важныхъ вопросовъ и русское общество.

Матеріаломъ и основаніемъ для этого должны служить не только близкая и всесторонняя освѣдомленность о современномъ положеніи дѣлъ и внутреннихъ отношеніяхъ въ сосѣдней Дунайской монархіи, но также—и это не менѣе важно — твердыя историческія данныя, ихъ критическая оцѣнка и основательное знакомство съ прошлымъ Карпато-дунайскихъ земель, объединенныхъ въ искусственный государственный организмъ германскимъ напоромъ на славянскій востокъ и австро-габсбургскимъ насиліемъ, и съ поучительными уроками исторіи.



Къ сожалѣнію, наша историческая литература объ Австро-Венгріи крайне ничтожна и скудна. Она сравнительно очень бѣдна даже въ научной своей части, не говоря уже о популярной. Она мало обогатилась и въ послѣдніе годы, когда вниманіе нашего общества было направлено событіями балканскихъ войнъ преимущественно на Балканскій полуостровъ, на судьбу, интересы и взаимныя отношенія нашихъ южныхъ братьевъ — болгаръ и сербовъ.

Это обстоятельство и внушило мнѣ мысль переиздать вновь настоящую статью — свой скромный трудъ, не новый, но по условіямъ его появленія знакомый лишь очень небольшому кругу читателей\*) и, думается, не поте-

---

\*) Этотъ очеркъ былъ напечатанъ въ юбилейномъ Сборникѣ учениковъ В. И. Ламанскаго, въ честь нашего знаменитаго слависта („Новый Сборникъ статей по славяновѣдѣнію“. СПб. 1905), и написанъ былъ еще до японской войны, болѣе 10-ти лѣтъ тому назадъ, когда мы, толкаемые той же Германіей и императоромъ Вильгельмомъ, увлекались дальневосточными предпріятіями и политикой, слѣпо предоставивъ Балканскій полуостровъ и южное славянство, вообще такъ называемый „Ближній Востокъ“, проискавъ и притязаніямъ Австро-Венгріи и германскому напору и преступно забывъ о страдавшихъ въ тяжкихъ австрійскихъ тискахъ нашихъ единокровныхъ русскихъ и единоплеменныхъ славянскихъ братьяхъ въ Австріи и Венгріи. Обратитъ должное вниманіе русскихъ людей на эти Карпато-дунайскія земли и указать на этотъ вопіющій пробѣлъ въ нашихъ знаніяхъ и исторической литературѣ и было задачей этой статьи, которая, впрочемъ, не могла тогда проникнуть въ широкіе круги въ такомъ специальномъ изданіи.



рявшій, нѣкотораго интереса для болѣе широкихъ круговъ русскаго общества, особенно въ данный моментъ, какъ очеркъ, дающій хоть общее историческое освѣщеніе тѣмъ сложнымъ задачамъ, коихъ настоящая оцѣнка и дѣловое, практическое рѣшеніе будетъ по всѣмъ признакамъ уже скоро поставлено на очередь самой судьбою.

*К. I.*

Петроградъ. 16 сент. 1914.



## ОГЛАВЛЕНИЕ.

---

Введение . . . . .	1
I. Какъ мы донинѣ относилсь къ изученію этихъ странъ? . . . . .	6
II. Общій взглядъ на Карпато-дунайскую территорию съ географической и исторической точекъ зрѣнія . . . . .	13
III. Эпоха до-угорская (Велико-моравская) (до нач. X в.).	27
IV. Старая славяно-мадьярская Угорія (до конца XIII в.).	34
V. Мадыро-славянская Угорія въ эпоху расцвѣта и Габсбурго-австрійская угроза (до турецкаго погрома) . . . . .	45
VI. Эпоха турецкаго господства, водворенія Габсбурговъ и образованія германо-австрійской имперіи (до конца XVII в.). . . . .	55
VII. Эпоха внутренняго сложенія австрійской разноплеменной имперіи, національный вопросъ и развитіе австрійской государственной идеи и политической миссии (до 1867 г.). . . . .	68
VIII. Дуализмъ и новѣйшая Австро-Венгерія . . . . .	82
IX. Карпато-дунайскія земли и Австро-Венгерія въ русскихъ историческихъ изученіяхъ. . . . .	99

---







„Наша образованность и наша общеобразовательная литература, за исключеніемъ немногихъ добрыхъ и свѣтлыхъ явленій, страдаетъ еще великими пробѣлами, недостатками, даже крупными пороками. Въ нашей школѣ, въ нашей образовательной и ученой литературѣ, въ русской образованности вообще еще очень мало здороваго, сочнаго, своего русскаго, національнаго. Рядомъ съ немногимъ сравнительно свѣтлымъ и хорошимъ, что въ нихъ имѣется, сколько въ нихъ близорукой, ограниченной подражательности“...

*В. Ламанскій:* „Три міра“ („Славян. Обозр.“ 1892 г.).

„Въ этихъ земляхъ Закарпатскихъ и Задунайскихъ русской наукѣ и образованности предстоятъ великія завоеванія. Есть сотни и сотни болѣе или менѣе важныхъ и крупныхъ вопросовъ языкознанія, археологіи, исторіи, этнологіи и этнографіи, которые ждутъ правильной постановки, изслѣдованія и разрѣшенія преимущественно, быть можетъ, исключительно отъ русскихъ ученых“.

*В. Ламанскій:* „Очерки Венгрии“ (Изв. Слав. Благ. Общ. 1888 г., № 6—7).







Если есть область, въ которой еще и нынѣ ярко выражаются и бросаются въ глаза наша русская культурная несамостоятельность и подражательность, наше часто безотчетное западничество и „европеизмъ“, ложно отождествляемый еще многими съ всечеловѣчностью, наша порой рабская зависимость отъ идей и точекъ зрѣнія западнаго, и преимущественно германскаго міра, то это—область нашихъ *историческихъ изученій*, т. е., какъ научнаго, такъ и школьнаго изученія не только исторіи общеевропейской и міровой, но и исторіи нашего собственнаго *средняго*, греко-славянскаго міра. Скажемъ болѣе: эта черта не могла не отразиться неизбежно и на характерѣ, приѣмахъ и успѣхахъ изученія и оцѣнки матеріала даже нашей отечественной исторіи, оставляющихъ желать еще многого въ смыслѣ расширенія кругозора послѣдней, особенно въ сторону славянства, и оплодотворенія ея истинно національнымъ воззрѣніемъ и творческою мыслью.

Мнѣ кажется, достаточно окинуть взглядомъ нашу научную и популярную историческую литературу о Европѣ, о ея Западѣ и Востокѣ, взвѣсить хоть слегка содержаніе и взаимное отношеніе ея отдѣловъ, наконецъ, просмотрѣть наши русскіе учебники и программы по всеобщей и русской исторіи, а кстати и географіи,



чтобы, не углубляясь даже въ характеристику господствующихъ въ ней воззрѣній и направленія, убѣдиться въ справедливости высказаннаго утвержденія.

Слишкомъ очевидны замѣчаемые при этомъ несообразности и пробѣлы, поразительныя странности въ нашемъ масштабѣ и перспективѣ: вмѣсто того, чтобы, сознавая свое особое мѣсто въ мѣрѣ, естественно смотрѣть кругомъ своими глазами, судить и оцѣнивать и себя и окружающее по своему разуму, подъ своимъ собственнымъ угломъ зрѣнія, мы—повторяя зады нашего полунѣмецкаго ученичества—продолжаемъ смотрѣть на себя и на весь мѣрѣ глазами глубоко намъ чуждаго и враждебнаго европейскаго Запада, главнымъ образомъ германскаго, и готовы—съ чужого голоса—оцѣнивать факты и явленія не только мѣровой и общеевропейской, но и своей славянской исторіи исключительно съ этой западной, quasi-общечеловѣческой точки зрѣнія. Вслѣдствіе того, у насъ естественно выдвигается, преувеличивается то, что для насъ далеко и чуждо, второстепенно и неважно, подавляя все остальное, и напротивъ умалывается, а часто совсѣмъ забывается и замалчивается самое для насъ близкое, существенное и важное. Не говоря уже о невниманіи ко всему Востоку, судьбы того мѣра, который связанъ съ нами органически и неразрывно, отъ отношеній къ которому зависитъ осуществленіе нашихъ мѣровыхъ культурно-историческихъ задачъ и національныхъ интересовъ, словомъ, все наше будущее, занимаютъ въ нашихъ историческихъ изученіяхъ болѣе чѣмъ скромное мѣсто, притомъ въ самомъ разрозненномъ, безсвязномъ и отрывочномъ изложеніи, полномъ недомолвокъ, пробѣловъ и заблужденій. Я уже не говорю объ отсутствіи



пониманія самыхъ крупныхъ и важныхъ вопросовъ историческихъ взаимоотношеній, о превратности взглядовъ, ложномъ освѣщеніи явленій и такой же ихъ окраскѣ, идущихъ все изъ того же источника.

Удивительно ли при такомъ еще господствующемъ у насъ направленіи, что западно-славянская географическая номенклатура донинѣ является въ нашихъ изданіяхъ и усваивается въ школѣ въ безобразно-искаженной нѣмецкой формѣ—намъ на стыдъ, а врагамъ нашимъ на потѣху, что въ нашихъ школьныхъ программахъ и руководствахъ по всеобщей исторіи вездѣ на первомъ и главномъ мѣстѣ стоятъ германцы, а уже какъ придатокъ къ нимъ и въ качествѣ ихъ „сосѣдей“ славяне—наряду съ финнами, что исторіи западныхъ и южныхъ славянъ не отводится въ этихъ программахъ почти никакого мѣста подъ предлогомъ „фактической сложности и запутанности ея содержанія и недостаточной разработанности ея вопросовъ въ наукѣ“ (!?) <sup>1)</sup>, что вообще о самыхъ для Россіи капитальныхъ и животрепещущихъ историческихъ вопросахъ, намъ

<sup>1)</sup> См. „Примѣрныя программы и объяснительныя записки по исторіи“ (стран. 10; 40—41), составленныя комиссіею по реформѣ средней школы въ министерство ген. П. С. Ванновскаго.—Къ подобному же недоумѣнію относительно направленія и пониманія задачъ нашего русскаго историческаго преподаванія можетъ дать поводъ и встрѣченная нами случайно записка одного изъ нашихъ почтенныхъ ученыхъ для школы кн. Тенишева „Матеріалы для плана общеобразовательнаго курса по исторіи человѣчества“. (Памятная книжка Тенишевскаго училища, годъ I. Спб. 1902, стран. 87). Здѣсь Россія и Славянство не только не являются естественной исходной сферой наблюденій и не поставлены въ центрѣ изученій, но, можно сказать, почти совсѣмъ отсутствуютъ...



наиболѣе близкихъ и въ практическомъ, матеріальномъ, и въ духовномъ смыслѣ, къ каковымъ прежде всего принадлежатъ вопросы балканскій и турецкій, называемый нами, по вѣчному обезьянству— „восточнымъ“ (тогда какъ для насъ онъ вовсе не восточный, а южный, или, точнѣе, юго-западный, и австро-славянскій, мы выносимъ изъ школы въ лучшемъ случаѣ лишь самое смутное и неопредѣленное представленіе.

Вопросъ объ изученіи историческихъ судебъ нашего міра въ связи съ исторіей Россіи и западной Европы вообще заслуживаетъ всесторонняго вниманія. Не задаваясь пока широкой задачей его освѣщенія, я хочу отмѣтить и рассмотреть здѣсь одинъ особенно бросающійся въ глаза пробѣлъ въ нашихъ русскихъ изученіяхъ исторіи сопредѣльныхъ намъ западныхъ странъ и народовъ, какъ въ научной, такъ и въ школьной (и популярно-литературной) сферѣ.

Я разумѣю судьбы *Карпато-дунайскихъ* или нынѣшнихъ *австро-венгерскихъ* земель, во всѣ фазы ихъ историческаго прошлаго.

## I.

Какъ мы донынѣ относились къ изученію судьбы этихъ странъ?

Что, дѣйствительно, исторіи этихъ Карпато-дунайскихъ странъ въ границахъ старой Угріи, а равно и поглотившей ее Австріи, а потомъ Австро-Венгріи, у насъ до сихъ поръ не удѣлялось ни въ наукѣ, ни въ ея популяризаціи подобающаго имъ по значенію вниманія, что, напротивъ, эта область оставалась всегда



въ какомъ-то странномъ пренебреженіи и запущеніи, — этого нечего доказывать.

Посмотрите только и общую и специальную литературу предмета, и васъ поразитъ ея необыкновенная скудость и, такъ сказать, случайность ея содержанія. Загляните въ наши историческія программы — и вы будете тщетно искать въ нихъ отдѣловъ и вопросовъ, характеризующихъ интересное прошлое этихъ, во всѣхъ отношеніяхъ близкихъ намъ, странъ <sup>1)</sup>).

Причины этого явленія — многоразличны. Я не стану ихъ изслѣдовать здѣсь подробно, но не могу не высказать нѣсколько соображеній, могущихъ до нѣкоторой степени уяснить дѣло.

Данная территорія своими географическими, этнографическими и культурными условіями издавна занимала среди другихъ земель совершенно особое положеніе, наложившее своеобразный характеръ на всю ея исторію и всѣ ея отношенія къ западу и востоку Европы. Здѣсь изначала происходила встрѣча и столкновеніе различныхъ расъ, міровъ и культурныхъ типовъ. Что-то среднее, промежуточное, переходное опредѣляло историческую роль и отношенія этихъ земель. Нашъ средній, греко-славянскій міръ, къ которому онѣ принадлежатъ во всѣхъ отношеніяхъ, перемѣшался здѣсь съ надвинувшимся сюда романо-германскимъ Западомъ, и создалась чрезвычайная сложность и запутанность отношеній — какъ въ прошломъ, такъ особенно въ современномъ ихъ состояніи. Это не

---

<sup>1)</sup> Достаточно сказать, что въ вышеупомянутыхъ „Примѣрныхъ программахъ“ (по средней и новой исторіи) нѣтъ даже имени старой Угрии (или Венгрии), а Австро-Венгрія также почти что забыта.



европейскій Западъ и не славянскій или азіатскій Востокъ, а пестрая полоса соприкосновенія, взаимнаго натиска, самозащиты и вѣчной борьбы другъ другу чуждыхъ и по существу враждебныхъ стихій и силъ на почвѣ племенной, культурной и религіозной. Кинутые въ теченіе вѣковъ на эту западную окраину средняго міра, въ среду славянства (съ которымъ должны были сrostись) обломки племень и ордъ дикаго азіатскаго Востока, ставъ здѣсь новымъ историческимъ факторомъ, не могли не принять виднаго участія въ борьбѣ Востока съ напорающимъ на него Западомъ, служа то тому, то другому, выступая то въ роли оплота греко-славянскаго міра противъ захватовъ и поглотительныхъ стремленій германской части Европы, то въ качествѣ союзника и орудія послѣдней противъ славянства. Германскій міръ рано понялъ важное значеніе Карпато-дунайскихъ земель, и изстари всѣ его усилія и политика были направлены къ тому, чтобы постепенно захватить ихъ въ свои руки, стать въ нихъ твердой ногой, сдѣлать изъ нихъ базу для своихъ агрессивныхъ дѣйствій на югъ и востокъ, что ему въ значительной степени и удалось...

Но какъ ни важна и ни величественна эта стародавняя народная и міровая борьба на Дунаѣ, восточно-славянскій или нашъ русскій міръ—по условіямъ и обстоятельствамъ своего роста и развитія и благодаря инымъ географически- и исторически-обусловленнымъ направленіямъ своихъ тяготѣній—не могъ и не умѣлъ въ теченіе долгихъ вѣковъ принимать въ ней активнаго участія, дѣятельно въ нее вмѣшиваться. Наши историческіе взоры, національное вниманіе и культурные интересы попеременно обращались то на сѣверъ



и на азіатскій ближній и дальній востокъ, гдѣ мы рано начали и въ новѣйшее время стихійно продолжаемъ осуществлять свое культурное призваніе, то на югъ и на юго-западъ, гдѣ мы искали свободнаго выхода въ открытое море и боролись съ исламомъ, то, наконецъ, на ближній (Польша) и крайній западъ Европы, откуда мы сперва окольными путями и черезъ вторыя руки, а потомъ непосредственно черезъ „прорубленное Петромъ окно“ жадно восприняли западно-европейскіе образованность и обликъ со всѣми ихъ истинными и дивными благами, но и со всѣми зловредными, насъ извращающими и обезсиливающими, элементами.

И, какъ это ни странно, всего менѣе во всѣ времена насъ влекло въ Карпато-дунайскія области, которыми мы всегда интересовались какъ-то ужасно мало, несообразно съ ихъ значеніемъ (развѣ урывками, какъ въ 1848/9 гг.), несмотря на то, что именно въ эту сторону вдается въ среднюю Европу большимъ клиномъ коренная часть русскаго племени, политически издавна оторванная отъ своего народнаго ствола и обреченная вѣками изнывать подъ чужимъ тяжкимъ игомъ, въ чемъ, несомнѣнно, играетъ извѣстную роль именно этотъ недостатокъ участія къ ней и вообще вниманія къ Карпатскимъ и Закарпатскимъ странамъ свободной и сильной братской Россіи.

Итакъ, въ этихъ равнодушныхъ отношеніяхъ, несомнѣнно, одна изъ главныхъ причинъ того прискорбнаго забвенія и запущенія, въ которомъ находятся эти земли и въ нашихъ историческихъ изученіяхъ.

Этнографическій составъ этихъ земель, именно образованіе здѣсь среди славянской племенной семьи и въ значительной мѣрѣ на ея счетъ двухъ такихъ



компактныхъ и цѣпкихъ народностей, какъ Мадьярская и Румынская, игралъ тутъ также немаловажную роль, ибо эти народности, замкнутыя въ себѣ, не представляя сами ничего культурно-значительнаго и не принимая виднаго участія въ великихъ и міровыхъ событіяхъ и движеніяхъ Европы, оставались для насъ, несмотря на давнія историческія взаимодействія, все же чужды—со своими столь мало намъ доступными и трудно усвояемыми языками. Къ сожалѣнію, однако, мы распространили наше близорукое равнодушіе и пренебреженіе къ этимъ народностямъ и на нашихъ соплеменниковъ—Карпато-дунайскихъ славянъ, которыхъ судьба съ ними связала и частью, именно одной изъ нихъ, подчинила и которые, напротивъ, конечно, требовали нашего всяческаго вниманія и участія. Оттуда явилась какая-то разобщенность и отчужденность смежныхъ земель и народовъ одного и того же міра, отсутствіе между ними живыхъ непрерывныхъ и разнообразныхъ сношеній и взаимнаго близкаго, непосредственнаго знакомства.

Это явленіе, несомнѣнно, отразилось неблагоприятно и на нашихъ международныхъ отношеніяхъ, внѣшнихъ дѣлахъ и политическихъ успѣхахъ.

Съ одной стороны, рѣшая—послѣ многовѣкового соперничества и борьбы съ братскимъ, но культурно-чуждымъ и оттого враждебнымъ намъ польскимъ народомъ—вопросъ о нашей западной окраинѣ, мы, присоединяя къ своимъ владѣніямъ значительную часть польскаго племени, пренебрегли и пожертвовали именно той исконно-русской (восточно-галицкой) землей и тою свыше 3-хъ-милліонною частью русскаго народа, которая прилегаютъ къ Карпато-дунайскимъ областямъ и соединеніе съ которыми, несомнѣнно, открыло бы по-



слѣднія для нашего разносторонняго вліянія и возстановило бы живую связь, нѣкогда существовавшую между народами и государствами по обѣ стороны Карпатъ.

Съ другой стороны, преслѣдуя упорно наши культурныя и государственныя задачи на юго-западѣ, на Балканскомъ полуостровѣ, увлекаясь борьбою съ турками и освобожденіемъ нашихъ южныхъ братьевъ, словомъ, стремясь къ разрѣшенію, такъ называемаго, „восточнаго“ (для зап. Европы) вопроса, мы опять фатально погрѣшили одностороннимъ и узкимъ его пониманіемъ, ограничивая его сущность судьбою Балканскаго полуострова, его единоплеменныхъ намъ и единовѣрныхъ народностей, Константинополя и проливовъ и упуская изъ виду неразрывную историческую, вѣковую связь балканскаго вопроса съ угро- и австро-славянскимъ вопросомъ въ Карпато-дунайскихъ земляхъ, этой *главной* аренѣ борьбы и наступленія еропейскаго Запада на Востокъ.

Исконная и естественная взаимная близость и тяготѣніе земель, прорѣзываемыхъ Дунаемъ, не только въ среднемъ, но и въ нижнемъ его теченіи, т. е. странъ Балканскихъ и странъ Прикарпатскихъ, проходящія красною нитью черезъ всю ихъ исторію и обусловленныя отчасти и этнографіей ихъ (особенно современи извѣстныхъ массовыхъ сербскихъ переселеній изъ-за Дуная), не были въ должной мѣрѣ оцѣнены и взвѣшены у насъ—вообще и въ частности въ нашей балканской освободительной политикѣ. Вслѣдствіе вышеотмѣченнаго пассивнаго отношенія русскаго міра къ судьбѣ Закарпатя, отсутствія основательнаго знанія и пониманія его исторіи, у насъ въ большинствѣ не понимали и всего объема и смысла „восточнаго“ вопроса, какъ преимущественно *славянскаго* въ самомъ широ-



комъ значеніи. Не принималась въ расчетъ сложность и, такъ сказать, двойственность этого вопроса, именно: что развязка его не только за Балканами, на Босфорѣ, но въ то же время и въ меньшей мѣрѣ и на среднемъ Дунаѣ; что расположенный здѣсь государственный организмъ унаслѣдовалъ отъ далекой старины, отъ своей исторической предмѣстницы, Угріи, исконныя тяготѣнія и притязанія на сосѣднія Балканскія области и народности; что какъ старая Угрія, такъ и нынѣшняя Австро-Венгрія всегда страстно и стихійно стремились къ политическому и экономическому господству на югѣ; что первой удавалось временами и отчасти осуществлять его, что послѣдняя уже достигла его на нашихъ глазахъ въ Босніи и Герцеговинѣ; что были эпохи, когда Карпато-дунайская территорія входила въ извѣстной мѣрѣ въ политическую сферу великихъ Балканскихъ державъ — Византійской и Турецкой въ пору расцвѣта ихъ силъ: напр., при Комнинахъ въ XII в. и въ XVI—XVII вв., когда центральная Угрія была въ турецкихъ рукахъ; что, слѣдовательно, съ постепеннымъ ослабленіемъ и устраненіемъ турецкаго владычества за Дунаемъ и за Балканами, естественно и традиціонно возстаютъ прежнія властолюбивыя притязанія средне-дунайской державы, а именно ея господствующихъ факторовъ, мадьяръ и нѣмецкихъ Габсбурговъ, на сосѣднія Балканскія земли; что, несомнѣнно, со всѣмъ этимъ придется считаться при какомъ бы то ни было рѣшеніи турецкаго вопроса, а это рѣшеніе и благопріятный для славянства оборотъ дѣлъ за Балканами будетъ зависѣть не отъ одной только нашей политики на полуостровѣ, но и отъ такого же, намъ и вообще Славянству благопріятнаго, преобразованія госу-



дарственной жизни, національныхъ отношеній и общей политики въ Карпато-дунайскихъ земляхъ, иначе отъ коренного рѣшенія вопроса австрійскаго.

Итакъ, интересоваться и заниматься этими землями, исторически изучать ихъ, пополняя этотъ существенный пробѣлъ нашей науки и образованности, намъ въ высшей степени важно и необходимо, если мы хотимъ быть на высотѣ предстоящихъ намъ міровыхъ историческихъ задачъ и оказать желательное вліяніе на рѣшеніе славянскаго вопроса во всемъ его объемѣ.

Чтобы содѣйствовать сколько-нибудь привлеченію вниманія русскихъ людей къ этой области, полезно будетъ бросить хотя бы общій взглядъ на положеніе, характеръ и историческое прошлое этихъ земель, на ихъ роль въ судьбахъ славянства и въ отношеніяхъ послѣдняго къ европейскому Западу.

## II.

Общій взглядъ на Карпато-дунайскую территорію съ географической и исторической точекъ зрѣнія.

Подъ *Карпато-дунайскою* областью должно бы собственно, въ буквальномъ смыслѣ, разумѣть территорію, окаймляемую Карпатскою горною системою на востокѣ, сѣверѣ и сѣверо-западѣ, восточно-альпійскою—на западѣ, рѣками Савой и отчасти Дунаемъ—на югѣ, т. е. приблизительно въ границахъ старой Ургіи или современной Венгріи—Транслейтаніи. Но мы, съ нашей исторической точки зрѣнія, по большей части, говоря о „Карпато-дунайскихъ земляхъ“, понимаемъ ихъ въ болѣе широкомъ смыслѣ, включая сюда и прилегающія къ собственно-угорской территоріи, съ ней исто-



рически и этнически связанныя окрайныя Австро-венгерскія области, т. е. болѣе или менѣе въ объемѣ Австрійской монархіи въ ея цѣломъ, объединившей Галицію и Карпато-угорскія вѣтви славянства съ его крайними западными форпостами въ Чехіи и у Адриатики <sup>1)</sup>).

Достаточно извѣстно, какую большую роль въ судьбѣ земель и народовъ играютъ природный характеръ, строеніе и географическое положеніе занимаемой ими территоріи. Карпато-дунайская область не составляетъ, конечно, исключенія. Характернымъ для нея является расположеніе въ ея центрѣ обширной средне-дунайской низменности, соединенной Дунаемъ съ малой угорской низменностью на западѣ и большой молдо-валашской на востокѣ (а тѣмъ самымъ и съ великой русской равниной) и закрытой съ востока, сѣвера и запада высокими и сплошными горными системами, образующими на востокѣ замкнутую возвышенную область—Трансильванію, а на крайнемъ сѣверо-западѣ уже въ бассейнѣ Лабы, но тяготящую къ Дунаю, также вполне замкнутую Чешскую горную область и низину. Дунай, орошая и тѣсно связывая своими обильными притоками горныя и низменныя части территоріи, своимъ теченіемъ съ запада на востокъ опредѣляетъ и направляетъ главное теченіе народной, политической и экономической жизни дунайскихъ земель. Широкая средне-дунайская низменность роднитъ и связываетъ эти земли съ главнымъ туловищемъ средняго міра, съ великой восточно-европейской равниной, а черезъ нее и средне-азіатской; она опредѣляетъ ихъ

<sup>1)</sup> Точнѣе было бы назвать эту территорію *Карпато-судетогальпійско-дунайскою*, но мы предпочитаемъ болѣе краткій терминъ „Карпато-дунайской“.



историческую судьбу и ихъ роль по отношенію къ востоку и западу. Но и горнымъ системамъ, ее окружающимъ, принадлежитъ, разумѣется, своя значительная роль въ исторіи. Въ этомъ отношеніи всего важнѣе значеніе Карпатской цѣпи, съ ея отовсюду замкнутою Трансильванскою твердынею. Нельзя отрицать ея роли, какъ существенной географической преграды между землями по обѣ ея стороны и какъ природнаго оплота для странъ Дунайскихъ. Она до нѣкоторой степени обуславливаетъ ту разобщенность и ту отчужденность, о которой мы говорили выше, останавливая или парализуя и безъ того слабая влеченія сосѣдняго русскаго міра въ эту сторону. Но это значеніе ея много ослабляется этническими условіями: одноплеменность и народно-культурная взаимность какъ румынъ въ Молдо-Валахіи, Буковинѣ и Трансильваніи, такъ и русскаго населенія въ Предкарпаты и Закарпаты тѣснѣйше связываютъ между собою эти области и дѣлаютъ дунайскія земли доступными съ сосѣдняго востока всякимъ вліяніямъ, прежде всего культурнымъ, на что у насъ, въ Россіи донынѣ не обращалось должнаго вниманія.

Если горные кряжи, окружающіе Чешскую землю (Судетская система etc.), имѣли значеніе нѣсколько аналогичное съ Карпатами въ смыслѣ защиты отъ напора сосѣдей, то этого уже никакъ нельзя сказать о восточно-альпійской горной системѣ, которая и по строенію и по направленію своему и по положенію относительно сосѣдняго германскаго міра искони служила, напротивъ, завоевательнымъ задачамъ послѣдняго, облегчая ему наступательное движеніе на востокъ, въ равнины средне-дунайскія—по долинамъ Альпійскимъ



и теченію Дуная и его правыхъ притоковъ. Что касается южныхъ предѣловъ занимающей насъ территоріи, то тутъ должна быть принята въ должное вниманіе отмѣченная уже выше, но, къ сожалѣнію, часто упускаемая изъ виду естественная и тѣсная связь земель, расположенныхъ съ обѣихъ сторонъ Дуная, обуславливающая взаимное ихъ тяготѣніе и взаимную ихъ экономическую и политическую зависимость, подтверждаемая всей ихъ исторіей.

Но каково бы ни было значеніе тѣхъ или другихъ окраинъ карпато-дунайской территоріи, тѣхъ или иныхъ особенностей ея орографіи и гидрографіи, все же главную, всеопредѣляющую роль въ ея исторической судьбѣ, да и въ исторіи средней Европы вообще, несомнѣнно, сыграла раскинувшаяся въ ея центрѣ большая Тиссо-дунайская низменность, являющаяся продолженіемъ какъ низменности нижнедунайской, такъ и обширной восточной, т. е. южно-русской равнины. Такая важная историческая роль этой низины обуславливалась, разумѣется, ея географическимъ положеніемъ на пути главныхъ народныхъ передвиженій и набѣговъ съ европейскаго и азіатскаго востока на западъ и югъ Европы и степнымъ, особенно благопріятнымъ для кочевниковъ, ея характеромъ. Она была какъ-бы нарочно создана здѣсь въ центрѣ, между Востокомъ и Западомъ, чтобы служить стоянкой и убѣжищемъ для новыхъ народовъ, передвижавшихся на рубежѣ христіанской эры на западъ какъ-бы для обновленія старой Европы, и особенно для тѣхъ туранскихъ или урало-алтайскихъ племенъ и полчищъ, кочевыхъ и дикихъ дѣтей Азіи, которыхъ судьба не даромъ забрасывала періодически въ эпоху средне-вѣковья въ среду европейскихъ арійцевъ, заставляя



вмѣшиваться въ ихъ отношенія. Она, эта область оставаясь въ сферѣ средняго міра, стала какъ бы преддверьемъ романо-германскаго Запада для греко-славянскаго Востока и обратно, промежуточнымъ звеномъ и переходнымъ поясомъ между двумя сложившимися тысячу лѣтъ тому назадъ на западѣ и востокѣ Европы самобытными культурно-историческими мірами, издавна связанными и сплетенными между собой множествомъ матеріальныхъ и духовныхъ нитей и элементовъ и одновременно непримиримо раздѣленными традиционнымъ антагонизмомъ племеннымъ, политическимъ и культурнымъ и упорною вѣковой борьбой, въ которой наступательная роль всегда принадлежала только одному изъ нихъ, т. е. Западу, въ лицѣ германизма.

87/84  
Вторгавшіеся сюда и располагавшіеся здѣсь, на равнинахъ средняго Дуная, въ разныя времена, насильники-азіаты монгольскаго, турецкаго, тюрко-финскаго племень, приносили гибель, разореніе и гнетъ одинаково для всего арійскаго населенія этихъ странъ; ихъ услугами часто пользовались во взаимной борьбѣ обѣ враждовавшія стороны; но временно порабощая и притѣсня славянъ, эти чуждые восточныя племена силою вещей и обстоятельствъ сживались и сrostались (если не ассимилировались) съ окружавшею ихъ этническою средою греко-славянства, умножали силы послѣдняго и становились невольно или вольно его оплотомъ, и вмѣстѣ грозою и бичемъ для европейскаго Запада. Если этому послѣднему удавалось, въ свою очередь, привлекать къ себѣ иныхъ изъ нихъ и обращать ихъ временно въ орудіе своихъ цѣлей (какъ было и происходитъ съ мадьярами и въ новѣйшее время), то зато сколько разъ эти пришельцы являлись въ критическій моментъ



исторической жизни, при надвигавшейся съ запада грозной опасности, союзниками народовъ греко-славянскаго міра и уже однимъ своимъ появленіемъ на среднемъ Дунаѣ, а тѣмъ болѣе истребительными и побѣдоносными наѣздами на западъ (авары, угры, татары, турки) надолго останавливали или задерживали напоръ германскаго міра на славянскій въ областяхъ средняго Дуная, на Балканскомъ полуостровѣ и даже въ сосѣднихъ восточно-альпійскихъ и чешскихъ земляхъ.

Ближайшимъ же и прямымъ послѣдствіемъ этого постояннаго привлеченія въ среднедунайскую равнину восточныхъ ордъ, приведшаго уже въ исходѣ IX в. къ прочному завладѣнію ею такой пришлой и чуждой Европѣ расой, какъ мадьяры, нельзя не признать то распредѣленіе племенъ и тотъ своеобразный этническій составъ, которые отличаютъ Карпато-дунайскую территорію и придаютъ ей такой исключительно-пестрый характеръ.

Славяне, первобытная родина которыхъ въ Европѣ, несомнѣнно, охватывала значительную (во всякомъ случаѣ сѣверо-восточную) часть Карпатской области, послѣ передвиженія въ первые вѣка христіанской эры германскихъ племенъ на западъ и въ Италію, остались господствующимъ въ этихъ земляхъ осѣдлымъ народомъ, неудержимой волной разлившимся отсюда по всему Балканскому полуострову, по берегамъ Адриатики, на западъ—въ края Альпійскіе, а на сѣверѣ составившимъ одно сплошное цѣлое съ сѣверо-восточными соплеменными вѣтвями. Но именно этотъ стихійный разливъ славянства вширь и вдаль, его центробѣжныя стремленія не могли не ослабить его въ самомъ центрѣ (по своему природному характеру менѣе благопріятномъ



для быстрого освоения земледельческой культуры) и не лишить его способности отразить именно здѣсь напоръ съ противоположныхъ концовъ новыхъ, чуждыхъ народныхъ элементовъ и могучихъ силъ.

Послѣднимъ удалось прорвать въ Карпатахъ и на среднемъ Дунаѣ нѣкогда непрерывную славянскую этническую цѣпь и образовать постепенно широкую иноплеменную полосу—румыно-мадяро-нѣмецкую, занимающую весь средній поясъ нынѣшней Австро-Венгрии, а затѣмъ нѣмцамъ и мадярамъ удалось занять и политически-господствующее въ новой Дунайской державѣ положеніе. Тѣмъ не менѣе этнически (численно) славяне на югѣ и сѣверѣ въ своей совокупности продолжаютъ преобладать надъ каждою изъ трехъ разорвавшихъ ихъ народностей и неудержимо тяготеютъ другъ къ другу, повинувшись центростремительному закону (при всѣхъ своихъ центробѣжныхъ, поддерживаемыхъ государствомъ, сепаратистскихъ наклонностяхъ) и опираясь на непосредственно преыкающихъ соплеменниковъ на сѣверѣ и югѣ.

Звенья раздѣлившей славянъ чуждой полосы существенно разнородны. Между тѣмъ, какъ западное изъ нихъ, нѣмецкое, всецѣло принадлежа европейскому Западу, является исконнымъ и опаснѣйшимъ аванпостомъ западнаго, прежде всего германскаго міра, центральное—мадярское и восточное—румынское изначала принадлежали міру среднему, греко-славянскому и въ самомъ своемъ историческомъ образованіи, своей этнологіи и языкѣ, своемъ народно-бытовомъ и культурномъ развитіи безчисленными нитями глубоко связаны съ окружающимъ ихъ славянствомъ. Но издавна начавшійся послѣдовательный и неослабный завоевательный политическій и культурный натискъ западнаго,



германскаго клина на его мадьярское и румынское продолженіе, имѣющій цѣлью овладѣть этимъ центральнымъ поясомъ, окончательно оторвать эти народности отъ славянскаго тѣла, уже успѣлъ достигнуть значительныхъ результатовъ, особенно на мадьярской почвѣ. Понятно, что задача и интересъ славянства состоятъ въ томъ, чтобы всячески противодѣйствовать срастанію и союзу этихъ раздѣляющихъ его на Дунаѣ народностей съ Западомъ и для этого помогать умноженію и укрѣпленію ихъ давнихъ историческихъ и культурныхъ связей съ тѣмъ міромъ, которому они принадлежатъ природою вещей и единеніе съ которымъ дѣйствительно обеспечиваетъ имъ самобытное національное существованіе и въ будущемъ, ибо германскій Drang имѣетъ въ виду въ концѣ концовъ лишь одно: поглощеніе и германизацию всего, что попадаетъ въ его политическую, экономическую и культурную сферу.

Настоящее господство сохранившихъ еще много азіатскаго въ своей природѣ мадьяръ надъ славянами и румынами въ Венгріи и Трансильваніи есть искусственная, аномальная политическая система, созданная все тѣмъ же завоевательнымъ напоромъ германизма, мадьярамъ самимъ не менѣе враждебнаго; а съ желательнымъ возстановленіемъ рано или поздно въ этихъ восточно-дунайскихъ земляхъ естественнаго равновѣсія народныхъ стихій и силъ, мадьяры не остались бы одинокими и обособленными, какими они въ сущности являются теперь, а если пожелаютъ сойтись и примириться съ окружающими ихъ племенами, то станутъ сильными и обеспеченными этимъ единеніемъ и сплоченностью передъ общимъ врагомъ на Западѣ.



Въ виду этого возможное сближеніе и разнообразное общеніе мадьярской и румынской народностей съ сердцевиной славянскаго міра, съ величайшимъ и сильнѣйшимъ его народомъ, на почвѣ взаимнаго изученія въ прошломъ и въ настоящемъ, чрезвычайно желательны; но если съ нашей стороны и, пожалуй, съ румынской осуществленіе этого сближенія зависитъ лишь отъ роста и расширенія уже существующаго сознанія истинной пользы такихъ взаимныхъ изученій, то мадьярамъ еще, повидимому, далеко до необходимаго для этого отрезвленія и исцѣленія отъ заимствованной ими у нѣмцевъ безмысленной славянофобіи.

Что касается самого Карпато-дунайскаго славянства, то его этнической составъ и распределеніе отводитъ занимающей насъ территоріи особо важное, поистинѣ въ этомъ смыслѣ центральное положеніе и какъ-бы объединительную роль въ славянскомъ мірѣ, какъ этнологическомъ цѣломъ. Ибо вокругъ среднедунайской равнины сгруппированы почти всѣ разновидности славянскаго племени,—фактъ, который естественно подалъ поводъ къ извѣстной старой, какъ наша первая лѣтопись, не выдерживающей однако же, научной критики теоріи о расселеніи всѣхъ славянъ изъ этого первобытнаго средоточія, съ береговъ Дуная. Здѣсь, въ Карпато-дунайскихъ предѣлахъ сходятся и имѣютъ своихъ представителей и русскіе, и поляки, и чехо-словенская народность (чехи и словаки) и словенцы, и хорваты, и сербы, и, наконецъ, даже болгары (нѣкогда въ Трансильваніи), но почти всѣ эти племена или части племенъ тяготеютъ къ своимъ внѣшнимъ народнымъ и культурнымъ средоточіямъ, къ главнымъ массамъ своимъ и государственнымъ организмамъ на сѣверѣ, во-



стокъ и югъ, и это условіе отразилось одинаково сильно какъ на ихъ исторической судьбѣ, такъ и на исторіи тѣхъ дунайскихъ политическихъ образованій, которыя ихъ послѣдовательно объединяли.

Непрерывающіяся многоразличныя историческія связи переплетаютъ исторію старой независимой Угріи, позднѣйшей Австріи и нынѣшней Австро-Венгріи съ судьбами государствъ и народовъ западно-, восточно- и южно-славянскихъ,—очевидно слѣдовательно, что и изученіе тѣхъ и другихъ не можетъ быть никакъ обособлено и разрознено. Между тѣмъ, этой необходимой связи, равномерности и параллельности изученія у насъ донынѣ именно не доставало, благодаря вышеотмѣченному недостатку вниманія къ исторіи Карпато-дунайскихъ земель вообще.

Вводя еще кое-какъ, хотя и въ очень скромной мѣрѣ, въ кругъ своихъ историческихъ изученій судьбы Польши, Чехіи и южнаго славянства, мы оставляли безъ всякаго вниманія и забывали исторію тѣсно этнически-связанныхъ съ ними славянъ Карпато-дунайскихъ, подобно тому, какъ и въ нашей русской исторіи мы всегда или удѣляли слишкомъ ничтожное мѣсто политически-оторваннымъ отъ насъ карпатскимъ братьямъ, или вовсе ихъ забывали.

Возможно было еще одно: знакомиться съ судьбами этихъ славянъ въ исторіи другъ друга смѣнявшихъ державъ дунайскихъ, но именно этотъ отдѣлъ западной, европейской исторіи (куда его включили), какъ мы уже видѣли, оказывался у насъ почему-то въ полномъ пренебреженіи: эпоха предмадьярская оставалась для насъ смутною, односторонне освѣщенною; исторія Угорской державы была для насъ совсѣмъ terra incognita.



gnita; наши изученія ея вовсе не касались; почти столь же мало мы интересовались старой Австріей и ея отношеніями, и нѣкоторое исключеніе дѣлалось лишь для новѣйшей ея исторіи съ XVIII вѣка.

Такимъ образомъ, и съ этой стороны и съ этой точки зрѣнія судьбы Карпато-дунайскаго славянства оказывались для насъ чужды, неясны и туманны.

Фактически почти выброшенная изъ общаго нашего историческаго кругозора, эта область составляла огромный вопіющій пробѣлъ въ нашемъ знаніи и пониманіи своего особаго, греко-славянскаго міра; для полноты и цѣльности этого пониманія недоставало именно тѣхъ среднихъ, центральныхъ звеньевъ, которыя одни могутъ связать и объединить въ нашемъ представленіи и міровоззрѣніи разрозненные, судьбой разобщенные и разбросанные члены одного органически-единаго и этнически-однороднаго цѣлаго—*всеславянства*.

Дѣйствительно, по срединному своему положенію, по важности въ исторіи средне-дунайской равнины и карпатской твердыни, по своей связующей въ этническомъ отношеніи роли въ славянствѣ—Карпато-дунайскія земли, какъ своего рода узелъ, въ которомъ сходились и переплетались исторически всѣ почти корни или вѣтви могучаго славянскаго дерева, могли бы съ удобствомъ занимать и центральное мѣсто въ изученіи какъ исторической этнографіи, такъ и политической и культурной исторіи греко-славянства въ его цѣломъ, служить центромъ отправленія для параллельнаго и связнаго обозрѣнія судьбы всѣхъ славянскихъ народностей. Какъ съ высокихъ вершинъ славянскихъ Карпатъ, этого самаго возвышеннаго и центрального пункта нашей всеславянской родины, всего легче



охватить взглядомъ всѣ страны греко-славянскаго міра: на сѣверѣ и востокѣ широкую, безпредѣльную Русь, на сѣверѣ и сѣверо-западѣ—земли польскія съ остатками родственныхъ имъ славянъ прибалтійскихъ и полабскихъ, на западѣ—земли чешско-словенскія, съ ихъ передовымъ и сторожевымъ чешскимъ аванпостомъ, на юго-западѣ и югѣ, отъ восточныхъ Альпъ и береговъ Адриатики до Чернаго, „русскаго“ моря, широко раскинувшіяся къ югу земли словенцевъ, хорватовъ, сербовъ и болгаръ,—такъ точно и въ обзрѣніи историческихъ судебъ всего Славянства въ его совокупности, особенно удобно поставить точкой отправленія ту же центральную Карпато-дунайскую территорію, которая искони играла такую исключительно-важную роль въ этихъ судьбахъ,—тѣ области, въ которыхъ болѣе тысячи лѣтъ тому назадъ забились впервые народно-политическая и христіански-культурная жизнь славянства, на почвѣ которыхъ впервые встрѣтились и вступили въ вѣковую борьбу народы западной Европы съ выходцами Азіи, новый европейскій міръ съ древнимъ (греко-римскимъ), Византійская имперія съ новой Священной имперіей германской націи и Римомъ, Восточная церковь съ папствомъ и латинствомъ, греко-славянство съ романо-германствомъ, западные славяне съ нѣмцами и воинствующимъ германизмомъ, и откуда, наконецъ, всего виднѣе и яснѣе обрисовываются политическія и народно-культурныя стремленія, притязанія и дѣйствія всѣхъ міровыхъ силъ восточной и средней Европы, старой Византіи и смѣнившей ее Турціи, и Венеціи, и папскаго Рима, и Западной имперіи, и германскаго міра и проч., кончая старой и новой Россіей...



Вотъ, слѣдовательно, какъ сама исторія заставляетъ насъ смотрѣть на историческое значеніе для славянства Карпато-дунайскихъ земель. Пусть же безпристрастный читатель судить самъ, можно ли намъ мириться съ той поразительной несообразностью, что мы, русскіе, и въ нашей научной и популярной исторіографіи, и въ нашей школѣ усердно разрабатывая, подробно изучая и излагая исторію западной Европы, судьбы Германіи и Англіи, Италіи и Франціи, Испаніи и Португаліи и другихъ мелкихъ, далекихъ и чуждыхъ намъ государствъ и земель, лишь кое-какъ, отрывочно и случайно вводимъ въ эти изученія судьбы Чехіи, Польши, Византіи и Южнаго славянства, и почти совсѣмъ забываемъ и устраняемъ изъ нихъ исторію Угріи, старой Австріи, мадьяръ, румынъ и славянъ Карпато-дунайскихъ...

Я не имѣю здѣсь въ виду начертать сколько-нибудь цѣльную и полную картину историческаго прошлаго Карпато-дунайскихъ земель. Для уясненія ихъ значенія въ судьбахъ славянства достаточно будетъ бросить общій взглядъ на это прошлое, отмѣтить и охарактеризовать его главные эпохи и моменты. Этотъ бѣглый критическій взглядъ не можетъ не убѣдить cadaго въ томъ, что установленныя нами особенности природнаго характера, географическаго положенія и этническаго состава этой области и ея отношеній къ прилегающимъ землямъ европейскаго Востока и Запада—создали ей и судьбу, исключительную по своей важности и разностороннему значенію въ исторіи славянства и Европы, что и въ историческомъ



отношеніи эти земли издревле заняли центральное мѣсто и великую роль въ самыхъ крупныхъ и основныхъ событіяхъ и явленіяхъ политическаго и международнаго, національнаго и религіозно-культурнаго порядка въ греко-славянскомъ мірѣ.

Всматриваясь умственнымъ взоромъ въ эту историческую жизнь, перебирая и оцѣнивая послѣдовательный ходъ смѣнявшихъ другъ друга событій и эпохъ, мы замѣчаемъ нѣсколько крупныхъ, выдѣляющихся періодовъ, на которые вполне естественно распадается историческій путь, пройденный Карпато-дунайскими землями и ихъ народами.

Эти періоды слѣдующіе:

I. Со времени расселенія славянъ (V в.) до конца IX и нач. X в., т. е. до водворенія мадьяръ на среднемъ Дунаѣ.

II. Съ начала X до конца XIII в., т. е. до прекращенія народной угорской династіи и образованія подъ бокомъ сильнаго Австро-габсбургскаго ядра.

III. Съ конца XIII или начала XIV в. до 1526 г., т. е. до турецко-габсбургскаго разгрома Угріи, потери ею самостоятельности и раздробленія.

IV. Съ 1526 г. до конца XVII в., т. е. до изгнанія турокъ изъ Венгріи и почти полнаго и окончательнаго поглощенія Угріи—Австро-германской державой.

V. Съ конца XVII в. до послѣднихъ десятилѣтій XIX в. (до 1867 г.), до созданія искусственной системы дуализма, до сильнѣйшаго обостренія внутреннихъ австро-венгерскихъ отношеній.

VI. Съ 1867 г.—новѣйшая эпоха дуализма и крайняго осложненія и обостренія внутреннихъ народныхъ



отношеній, которыя должны привести, повидимому, или къ распаденію Австро-Венгріи или къ созданію въ этой монархіи какой-либо иной государственной системы или группировки.

Вглядимся же поближе въ эти періоды и отмѣтимъ ихъ самыя крупныя опредѣляющія черты, моменты и общій характеръ. Этимъ путемъ естественно и должна выясниться историческая роль и значеніе нашей территоріи въ судьбахъ нашего славянскаго міра во всѣ эпохи ея исторіи.

### III.

#### Эпоха доугорская (Велико-моравская)

(до нач. X в.).

*Первый* періодъ (VI—IX вв.)—это пора еще несложившихся этническихъ и политическихъ отношеній: опустошительныхъ набѣговъ и временнаго господства кочевыхъ азіатскихъ насильниковъ, послѣдовательныхъ передвиженій и расселенія подъ шумъ этой грозы славянскихъ массъ въ направленіи къ западу и югу,—пора первыхъ попытокъ у славянъ средне-дунайскихъ и окраинныхъ на западѣ къ политической организаціи и объединенію въ видахъ самозащиты и отпора враждебнымъ силамъ, начинающимъ надвигаться съ запада,—наконецъ, пора первыхъ рѣшительныхъ движеній и ударовъ этихъ западныхъ силъ въ лицѣ германства на образующійся въ его сосѣдствѣ міръ славянской,—первыхъ схватокъ начинавшейся между ними борьбы, въ которую въ исходѣ IX в. вмѣшались но-



вые азіатскіе пришельцы и создали здѣсь новое положеніе и въ этническомъ и политическомъ отношеніяхъ.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что пока въ другихъ областяхъ, исподволь занимаемыхъ славянами на востокъ, сѣверъ и югъ отъ нашей территоріи, народная жизнь развивается еще довольно медленно и почти невозмутимо, происходитъ мирная колонизація и приспособленіе къ новымъ условіямъ, устанавливаются болѣе или менѣе миролюбиво *modus vivendi* и взаимныя отношенія съ тѣмъ населеніемъ и жизненнымъ строемъ, которые уже застаютъ новые поселенцы,—въ это время Карпато-дунайскіе земли, особенно западныя ихъ части, переживаютъ уже цѣлый рядъ важныхъ историческихъ событій и переворотовъ, видятъ у себя первыя усилія и шаги славянства на пути народно-политическаго и національно-культурнаго развитія, первую его враждебную встрѣчу и первые моменты борьбы съ будущими соперниками и поработителями.

Уже въ пору перваго выступленія славянъ на сцену исторіи, въ эти земли вторгаются, располагаются въ нихъ и громятъ отсюда западную и южную Европу полчища азіатовъ, то гунновъ, то аварь, сыгравшихъ такую важную роль въ первоначальной исторіи славянства. Гунны, освободивъ славянъ отъ готовъ, оттѣснили главныя массы германцевъ изъ Карпато-дунайскихъ областей на западъ, устроили ихъ своими дикими наѣздами и показали путь славянамъ въ дунайскія и балканскія земли. Авары довершили ихъ дѣло, помогши многочисленнымъ славянскимъ племенамъ среди грозы опустошительныхъ походовъ въ предѣлы Византійской имперіи, съ одной стороны, и франко-германскихъ владѣній съ другой—наводнить собою средне-



дунайскія, восточно-англійскія и южныя, задунайскія земли (до береговъ Адриатики и за самыя Балканы).

VII вѣкъ ознаменовался уже первой попыткой образованія здѣсь, въ крайнихъ западныхъ предѣлахъ славянскаго расселенія, политическаго союза Само, правда, очень недолговѣчнаго, но доказывающаго внушительную численность и силу новыхъ поселенцевъ. Какъ гроза аварская, такъ еще болѣе эта объединительная попытка Само вызвали серьезныя опасенія и сознание необходимости энергичнаго отпора въ сосѣднемъ западномъ мѣрѣ, гдѣ вскорѣ быстрое развитіе франко-германской политической мощи и образованіе монархіи Карла Великаго, а особенно возсозданіе въ союзѣ съ папствомъ новой Священной римской имперіи и церковный расколъ породили широкіе завоевательные, религіозные и культурные замыслы, а тѣмъ самымъ и рѣшительное наступательное движеніе на Востокъ, на возникающій здѣсь новый славянскій мѣръ, котораго естественное сближеніе и сродненіе съ старой, но еще полной жизни, какъ-бы упраздняемой теперь Западомъ Восточной имперіей и съ ея церковью являлось чѣмъ-то предопредѣленнымъ и неотвратимымъ, и должно было предусматриваться и предчувствоваться въ Европѣ.

Сближеніе это было обоюдное, основанное на общихъ интересахъ. Византія, идя ему навстрѣчу (еще во время грозы аварской), надѣялась почерпнуть въ новыхъ полезныхъ поселенцахъ новыя силы и не ошиблась... Славяне, частью вторгущіеся, частью привлеченные въ ея государственныя предѣлы, естественно вошли въ ея культурную сферу и потянули за собой другихъ. И въ этомъ процессѣ культурнаго срастанія



двухъ національныхъ стихій и образованія греко-славянскаго культурно-историческаго цѣлаго на долю Дунайскихъ земель досталась первая роль, ибо именно здѣсь совершились въ IX вѣкѣ событія не только все-славянскаго, но, можно сказать, мірового значенія: новая замѣчательная попытка политическаго объединенія славянъ—Великоморавскій политическій союзъ—ознаменовалась достопамятною, безконечно-плодотворною дѣятельностью славянскихъ апостоловъ въ Панноніи и Моравіи. Здѣсь полагалось начало народной церкви и національно-славянской христіанской образованности, созидались основы и опредѣлялись характеръ и направленіе всей будущности, всего послѣдующаго историческаго развитія славянства, его міровая роль и отношенія къ романо-германской Европѣ, къ Западу и къ азіатскому Востоку. Христіанизация народныхъ массъ и ихъ быта, обращеніе къ греческой церкви, насажденіе церковно-славянской письменности и образованности на славянскомъ югѣ, у болгаръ и сербовъ, и на востокѣ—у русскихъ, а частично и у другихъ западныхъ славянъ было лишь продолженіемъ того дѣла, которое было заложено Кирилломъ и Меѳодіемъ и могло, къ сожалѣнію, лишь очень не долго продержаться въ средне-дунайскихъ земляхъ. Отсюда, изъ Великой Моравіи, потекли обильные струи славянской церковной письменности и обрядности, общаго церковнаго языка, а съ тѣмъ вмѣстѣ и національнаго самосознанія по всѣмъ направленіямъ—въ соплеменные страны: на сѣверъ—къ полякамъ, на западъ—къ чехамъ, на югъ—къ словенцамъ, сербо-хорватамъ и болгарамъ (сюда непосредственно черезъ изгнанныхъ учениковъ Меѳодія) и, наконецъ, на востокъ—на Русь,



гдѣ они прочно пустили корни, особенно съ этого времени, если даже и относить первое насажденіе христіанства и славянской письменности у русскихъ славянскими апостолами—еще къ эпохѣ „хазарской“ ихъ миссіи, т. е. ко времени до ихъ проповѣди на Дунаѣ <sup>1)</sup>).

Но этотъ первый подъемъ духовныхъ силъ славянства, обѣщавшій самостоятельное развитіе политическое и культурное, отнюдь не былъ въ видахъ и интересахъ западныхъ сосѣдей, франко-германской державы и римской церкви, и здѣсь же на Дунаѣ молодому насажденію славянскихъ апостоловъ и моравскихъ князей привелось испытать и первые разрушительные удары превосходившихъ ихъ враждебныхъ силъ и уступить ихъ стремительному напору. Паденіе Велико-моравскаго политическаго союза и разрушеніе нѣмецкой интригой кирилло-меѳодіевскаго дѣла въ Панноніи и Моравіи имѣли нечислимые послѣдствія для всего славянства. Предпринятое германствомъ и Римомъ могучее завоевательное движеніе на востокъ—подъ знаменемъ латинской церкви и съ помощью колонизаціи и онемеченія—направилось прежде всего внизъ по Дунаю, въ восточно-альпійскія области и къ средне-дунайской равнинѣ, т. е. именно въ ту центральную, по природнымъ условіямъ мало еще населенную и незащищенную полосу, завладѣніе которой, создавая надежный и удобный для цѣлей Запада клинъ, разобщило бы южныя

---

<sup>1)</sup> Какъ это остроумно и убѣдительно стремится доказать въ своемъ новомъ интересномъ изслѣдованіи В. И. Ламанскій, см. „Славянское житіе св. Кирилла—etc“. Журн. М. Нар. Пр. 1903—4 гг.



вѣтви славянства отъ сѣверо-западныхъ. Успѣхамъ этого наступательнаго движенія благопріятствовали еще несложившійся политическій бытъ, несплоченное и неустойчивое состояніе славянскихъ племенъ. Плоды самобытнаго духовнаго развитія на почвѣ народной церкви и письменности, заложенныхъ славянскими просвѣтителями, привились и пустили корни лишь тамъ, гдѣ этому не было помѣхъ и противодѣйствія, т. е. на югѣ и на востокѣ славянскаго міра. Здѣсь же, на среднемъ Дунаѣ и въ западныхъ славянскихъ земляхъ, подвергшихся напору и раннему стихійному воздѣйствію латино-германскаго Запада, эти плоды были гдѣ быстро, гдѣ постепенно истреблены, хотя и успѣли оставить кое-гдѣ глубокой слѣдъ и сказывались болѣе или менѣе сильно и ярко въ послѣдующей судьбѣ западныхъ славянъ, въ развитіи ихъ народной жизни и культуры. Не слѣдуетъ забывать, что это боевое движеніе германскаго міра на востокъ было въ сущности стихійнымъ возвращеніемъ его въ земли, которыя его племена уже однажды занимали, хотя бы и не очень долго и не прочно, и въ которыхъ могли оставаться не только слѣды жизни и дѣятельности, но и частицы этихъ племенъ при расселеніи по ихъ стопамъ славянъ. Это обстоятельство не могло не затруднять и не осложнять дѣла самозащиты и отстаиванья этими передовыми частями славянства своей народной и духовной независимости... При самомъ зарожденіи у нихъ сознательной народной жизни и первыхъ элементовъ образованности и христіанскаго просвѣщенія (какъ результатовъ кирилло-меѳодіевской миссіи) они съ разныхъ сторонъ были охвачены, пронизаны и, такъ ска-



зять, опутаны неудержимо распространявшейся съ запада и естественно вліявшей на нихъ стихіей германской и въ то же время церковно-римской, и выпутаться изъ-подъ этихъ вліяній, несмотря на всѣ усилія, имъ съ той поры и донинѣ не было суждено.

Однако жъ гибель первыхъ славянскихъ политическихъ и культурныхъ начинаній на среднемъ Дунаѣ къ концу IX в. подъ ударами Запада, могла бы стать еще болѣе роковой и непоправимой для всего западнаго славянства, если бъ не новыя важныя событія и не новый крупный историческій дѣятель, явившійся въ этотъ критическій моментъ передъ германскимъ фронтомъ въ равнинѣ средне-дунайской.

Погромъ *мадьярскій* въ исходѣ IX в., водвореніе здѣсь этого потуреченнаго и одичалаго финскаго (или собственно угорскаго) приуральскаго племени, его полвѣка длившіеся грозные и хищническіе наѣзды и опустошенія западныхъ и, прежде всего, германскихъ земель и образованіе имъ въ X в. Угорской державы произвели рѣшительный переворотъ на среднемъ Дунаѣ, измѣнили соотношеніе силъ въ происходившей неравной борьбѣ, положили на время предѣлъ и задержали наступательное движеніе романо-германскаго міра въ эту сторону и направили на новый историческій путь Карпато-дунайскую область и славянство какъ бывшей Великой Моравіи, такъ и сосѣднее, съ нимъ связанное.

Таково великое значеніе въ судьбахъ греко-славянскаго міра крупныхъ событій, разыгравшихся на Дунаѣ въ исходѣ IX и началѣ X вѣка и открывшихъ для этихъ странъ новую историческую эпоху.



## IV.

## Старая славяно-мадьярская Угрія

(до конца XIII в.).

Исторія Дунайскихъ земель съ начала X в. по конецъ XIII в. есть періодъ сложенія и своеобразнаго устроенія и развитія Угрии, этой новой славяно-мадьярской державы подъ народной династіей, на основѣ естественнаго сближенія и взаимныхъ интересовъ племень, въ теченіе котораго она, постепенно расширяя свои границы, вліяніе и притязанія и входя въ политическую сферу сосѣднихъ западно-славянскихъ державъ и народовъ, еще, правда, не порывала вполнѣ первоначальныхъ, унаслѣдованныхъ отъ кирилло-меоодіевской эпохи связей съ восточнымъ греко-славянскимъ міромъ, но неудержимо подпадала вліянію западныхъ политическихъ и культурныхъ факторовъ, при возобновившемся очень скоро наступленіи римской церкви и германо-имперской силы, цѣлямъ которыхъ ее хотѣли принудить служить на Востокъ. Серединное положеніе Угрии на границахъ и соприкосновеніи столь противоположныхъ и враждебныхъ другъ другу міровъ налагаетъ характеръ какой-то двойственности, разлада, измѣнчивости и шаткости на исторію ея внутренней и внѣшней жизни и отношеній. Дѣятельная, въ нѣкоторомъ смыслѣ культурно-руководящая роль славянскаго элемента въ Угрии обусловливалась не только его численностью и культурнымъ превосходствомъ, но и даннымъ ей въ самомъ началѣ автономнымъ (жупнымъ и градскимъ: отъ *жупы* и *града*) устройствомъ на



славянскихъ бытовыхъ основаніяхъ, связаннымъ съ племенною равноправностію (и получившимъ въ послѣдствіи еще большее развитіе въ либеральномъ духѣ).

Быть можетъ, ославяненіе мадьяръ, котораго не избѣгла въ извѣстной мѣрѣ и династія Арпадовичей, благодаря славянскимъ родственнымъ узамъ, было бы еще рѣшительнѣе, если бъ въ Угрію въ слѣдующіе за поселеніемъ ихъ вѣка (XI, XII, XIII вв.) не приливали съ востока въ такомъ количествѣ родственные по тюркской крови элементы въ лицѣ печенѣговъ, узовъ, особенно половцевъ (куманъ) и, наконецъ, даже татаръ, подкрѣпившихъ ея азіатскую, т. е. мадьярскую стихію. Тому же, т. е. сохраненію мадьярами своей народности, могли способствовать и другія культурныя условія, созданныя дѣятельнымъ вліяніемъ Запада. Такова роль римской церкви, латинства и вошедшаго въ употребленіе въ государственную сферу и официальныя отношенія латинскаго языка. Какъ языкъ нейтральный, устранявшій поводы къ племенному соперничеству и антагонизму и способствовавшій государственному единству и общей равноправности, латынь, несомнѣнно, сослужила свою службу, но невозможно отрицать того, что она въ то же время чрезвычайно содѣйствовала, въ качествѣ сильнаго орудія мысли и духа, укрѣпленію въ Угріи западныхъ, германо-романскихъ вліяній и римской церкви. Въ этомъ смыслѣ для самобытности Угріи ея роль—отрицательная.

Исторія первыхъ вѣковъ существованія Угорской державы отражаетъ тотъ внутренній разладъ, ту упорную борьбу, которая завязалась здѣсь между встрѣтившимися противными, другъ друга исключаящими и враждебными теченіями и стремленіями какъ въ обла-



сти народно-бытовой и политической, такъ и въ сферѣ религіозно-культурной. Въ этотъ періодъ традиціонныя связи Угріи съ восточно-славянскимъ и греко-христіанскимъ міромъ и извѣстныя тяготѣнія къ нему еще замѣтны и сказываются въ рядѣ явленій и отношеній внутренней и внѣшней политики и церкви. Вспомнимъ энергическую защиту независимости и самобытности Угріи противъ политическихъ притязаній Запада во 2-ой половинѣ XI и началѣ XII вѣка, особенно при сильныхъ ея государяхъ (Ладиславѣ Св. и Коломанѣ), враждебное отношеніе угорскаго населенія и государей къ крестноснымъ движеніямъ, частыя сближенія, сношенія и союзы (династическіе и политическіе) съ сосѣдними славянскими государствами, при чемъ тутъ особенно важны связи съ южными славянами, съ Кіевскою и Галицкою Русью, наконецъ, явные признаки продолжающихся еще прочныхъ связей съ восточной церковью и живучести самимъ народомъ охраняемой „старой вѣры“.

Но самое образованіе на среднемъ Дунаѣ сильнаго государства, объединившаго Карпато-дунайское славянство съ новымъ, Европѣ чуждымъ, племенемъ и явившагося продолженіемъ Велико-моравской объединительной попытки, могшаго стать крѣпкимъ звеномъ, связующимъ славянскій западъ съ югомъ и востокомъ, противорѣчило задачамъ и стремленіямъ латино-германскаго міра, которыхъ осуществленіе было этимъ временно затруднено и задержано.

Однако жъ, благопріятныя условія для успѣшнаго наступленія послѣдняго еще существовали. Результаты тѣхъ успѣховъ, которые были достигнуты здѣсь германствомъ и Римомъ до погрома мадьярскаго, должны были сказаться очень скоро. Со вступленіемъ жизни



Угорской державы и ея народовъ въ спокойное русло, прерванная воинственная дѣятельность германизма и римской церкви возобновилась съ удвоенной силой, и тѣ могущественныя культурныя вліянія, которымъ подпали западныя вѣтви славянства при самомъ своемъ поселеніи въ земляхъ дунайско-альпійскихъ и чешскихъ и съ которыми пришлось уже нѣкогда считаться и дѣйствовавшимъ въ Панноніи и Моравіи славянскимъ апостоламъ, съ прежней энергіей вступили въ свою роль.

Уже въ нач. XI в., а особенно послѣ Стефана Св., Римъ одержалъ въ Угріи рѣшительную, хотя на первыхъ порахъ и болѣе внѣшнюю побѣду. Этого было достаточно для успѣха его дальнѣйшихъ завоеваній. Широкой приливъ культурныхъ воздѣйствій—путемъ латинизаціи—былъ обезпеченъ. Одновременно начались и упорно продолжались попытки германской имперской силы къ политическому вмѣшательству въ дѣла Угріи, къ территоріальнымъ захватамъ и даже къ привлеченію Угріи въ ленную зависимость,—попытки, встрѣтившія, однако, энергической отпоръ со стороны лучшихъ и сильнѣйшихъ угорскихъ государей. Но усиленіе или ослабленіе натиска западныхъ сосѣдей на дунайскія земли зависѣли не только отъ различной силы оказываемаго ему сопротивленія, но не менѣе и отъ внутренняго политическаго и международнаго положенія германскаго міра, слагавшихся въ немъ самомъ отношеній и движеній, и отвлеченія его вниманія и силъ въ инныя стороны. Силу его напора на Угрію и славянъ дунайскихъ (а также на Чехію) не могли не ослаблять такія явленія и задачи, какъ итальянскія политика и предпріятія германскихъ государей, борьба съ папствомъ, т. е. явный разладъ между факторами,



исторически связанными и въ отношеніи къ Востоку единодушными, затѣмъ упорное и систематическое, поглощавшее много силъ, крестовое завоевательное движеніе на сѣверо-востокъ противъ славянства полабскаго и балтійскаго, пруссовъ и далѣе—подъ предлогомъ распространенія христіанства, но съ цѣлями политическими и германизаторскими, увѣнчавшимися въ XIII вѣкѣ важными успѣхами.

Рядомъ съ этимъ совершалось и другое явленіе, знаменующее то же самое стихійное движеніе Европы на востокъ и не могшее не отозваться особенно чувствительно на Угріи, лежавшей на пути послѣдняго. Это были грандіозные крестовые походы западныхъ народовъ и князей въ Палестину съ конечной цѣлью освобожденія Гроба Господня отъ невѣрныхъ, но неизмѣнно, по существу своему, связанные съ враждебно-агрессивными планами и дѣйствіями противъ Византійской имперіи и восточныхъ христіанъ (съ конца XI по XIII вѣкѣ). Это крестовое движеніе, встрѣчавшее по большей части подозрительное, недовѣрчивое и непріязненное къ себѣ отношеніе въ Угріи, особенно въ народныхъ массахъ, оказало тѣмъ не менѣе значительное вліяніе на скрѣпленіе новыхъ политическихъ сношеній и связей съ Западомъ, выразившихся, напр., въ XII вѣкѣ (при королѣ Гейзѣ II) въ присоединеніи Угріи къ западной норманно-французской коалиціи противъ неожиданнаго союза двухъ имперій (Византійской и Германской), грозившихъ съ двухъ сторонъ ея независимости. Какъ западные сосѣди, такъ и усилившаяся при Комнинахъ Византія пользовались для своихъ цѣлей каждой внутренней смутой въ Угріи и слабостью ея правителей. Наступательная



политика и широкіе замыслы Комниновъ, особенно императора Мануила, не только относительно Италиі, но и среднедунайскихъ земель, т. е. Угрии, не могли содѣйствовать послѣдней въ отстаиваніи ея политической и культурной самобытности, а скорѣе, напротивъ, принуждали ее искать опоры на другой сторонѣ, а тутъ и являлись съ своими услугами, съ политической и иной поддержкой западные сосѣди и римская церковь, находившіе всегда усердныхъ друзей и приверженцевъ въ самой Угрии (гдѣ издавна боролись противныя теченія и партіи). Такъ послѣдняя невольно поддавалась постепенно преобладающему вліянію западно-европейскихъ стремленій и началъ.

Въ связи съ этимъ опредѣлялись и выяснялись роль и отношенія Угрии къ окружающему ее міру славянскому, съ которымъ она была такъ связана всѣмъ своимъ бытіемъ. Въ этомъ смыслѣ занимающая насъ эпоха Арпадовичей имѣетъ очень важное значеніе. Благодаря своему центральному положенію и численно превосходящей стихіи славянской, Угрия естественно стала втягиваться въ дѣла и интересы сосѣднихъ славянскихъ политическихъ организмовъ. Послѣдніе переживали въ XI—XIII вв. время переходное въ своемъ развитіи, время преобразования своего стараго (еще языческаго) общественнаго быта, періодъ попытокъ болѣе прочнаго государственнаго сложенія и политическаго объединенія, впрочемъ, вообще еще мало успѣшныхъ вслѣдствіе, съ одной стороны, медленнаго политическаго и культурнаго развитія и усвоенія новыхъ христіанскихъ началъ и государственности, а съ другой—племенной раздробленности, соперничества и преобладанія центробѣжныхъ стремленій при еще сла-



бомъ національномъ самосознаніи, наконецъ и вслѣдствіе господства удѣльной неурядицы, отсутствія вполнѣ сложившихся правовыхъ нормъ и неустановившагося порядка или принципа престолонаслѣдія. Благодаря всѣмъ этимъ причинамъ, въ этихъ сѣверо-западныхъ славянскихъ организамахъ (именно Чехіи и Польшѣ) успѣли въ эту пору такъ внѣдриться и такъ наложить на нихъ свой рѣзкій отпечатокъ сосѣднее германство и римская церковь, что этотъ слагавшійся западно-славянскій государственно-бытовой и культурный типъ (впрочемъ, видоизмѣняющійся у чеховъ и поляковъ) уже тогда рѣшительно и глубоко обособляется отъ прочаго, самобытнаго и своеобразнаго во всѣхъ отношеніяхъ восточнаго и южнаго славянства. Угрія, хотя и не прекращала тѣсныхъ связей съ этимъ православнымъ славянствомъ, однако, по историческимъ условіямъ не могла удержать культурнаго и бытового съ нимъ единства и, сохраняя въ извѣстной мѣрѣ свою исконную своеобразность, невольно пріобрѣтала черты значительно объевропеившагося государственно-бытового строя западно-славянскихъ державъ, которыя временами не только тѣсно съ нею сближались, но и искали объединиться, и, въ свою очередь, становились даже проводникомъ этихъ бытовыхъ вліяній на славянскомъ югѣ.

Разнородные славянскіе элементы Угріи, а также и румынскій, тяготѣя къ сосѣднимъ соплеменнымъ народамъ и землямъ,—благодаря своей роли въ ея государственной жизни, естественно возбуждали въ ней политическія стремленія не только къ расширенію сферы своего вліянія, но и къ присоединенію смежныхъ славянскихъ и румынскихъ областей, и эти при-



тязанія достигали во многихъ случаяхъ то прочнаго (какъ въ Трансильваніи, Спишѣ, Хорватіи и Славоніи, то временнаго осуществленія (напр., въ Далмаціи, Боснѣ, Срѣмѣ, Дунайской или Бдынской Болгаріи, Валахіи и Молдавіи, Галичѣ, части Моравіи и пр.) и послужили причиной включенія въ титуль угорскихъ королей ряда названій сосѣднихъ земель, такъ называемыхъ по венгерскому государственному праву „partes adnexae“ (Галиціи, Куманіи, т. е. Румыніи, Болгаріи, Сербіи, Босніи, Далмаціи, etc.). Интересно, что по мѣрѣ усиленія въ Угріи латино-германскаго вліянія такіа притязанія Угріи поощрялись и даже поддерживались на Западѣ, особенно со стороны папства, видѣвшаго въ Дунайской державѣ удобное орудіе для своихъ цѣлей пропаганды римской церкви и латинства на славянскомъ югѣ и востокѣ.

Въ частности къ XI—XII вв. относится въ исторіи Угріи рядъ интересныхъ событій и эпизодовъ изъ разнородныхъ сношеній и связей, союзовъ и столкновеній этой державы какъ съ Восточной имперіей, такъ и съ сосѣдними славянскими государствами и княжествами: Чехіей, Польшей, Галицкою и Кіевскою Русью, Южнымъ славянствомъ, которому она помогала въ достиженіи политической независимости, наконецъ, Далмаціей и Венеціей. Однакожъ, останавливаться на нихъ подробнѣе мы здѣсь не можемъ. Отмѣтимъ лишь общее наблюдаемое явленіе, что сближеніе и связи Угріи съ западными славянскими державами и народами (Чехіей и Польшей), находившимися съ самаго начала въ сферѣ культурныхъ воздѣйствій, политики, общественной и церковной жизни западнаго, германскаго міра, должны были мощно и постепенно способствовать во-





влеченію и Угріи въ эти объятія Рима и германизма, чему лишь въ слабой мѣрѣ могли противодѣйствовать болѣе пассивныя и случайныя и менѣе постоянныя ея сближенія съ восточными и южными сосѣдями.

XIII вѣкъ ознаменовался въ исторіи взаимныхъ отношеній греко-славянскаго міра къ романо-германскому Западу и къ азіатскому Востоку величайшими событіями, оказавшими существенное вліяніе на судьбу Европы вообще и славянства въ частности,—и въ нихъ опять Карпато-дунайскимъ землямъ выпала на долю видная роль.

Движеніе латино-германской Европы на юго-востокъ подъ знаменемъ креста, но съ мечомъ въ рукѣ, увѣнчалось къ тому времени крупнымъ успѣхомъ въ своей ближайшей цѣли: 4-ый крестовый походъ завершился основаніемъ „Латинской имперіи“ въ Константинополѣ (1204 г.), имѣвшимъ своимъ главнымъ результатомъ—наводненіе Балканскаго полуострова, т. е. всѣхъ владѣній Византіи западно-европейскими (латинскими) и венеціанскими колоніями и предпріятіями, ослабленіе авторитета и вліянія Восточной церкви и, наконецъ, подрывъ силы, значенія и престижа Восточно-императорской власти, вмѣстѣ съ возникновеніемъ внутреннихъ смутъ и партійной борьбы, что все вмѣстѣ, несомнѣнно, подготовило будущіе успѣхи турокъ-османовъ въ XIV—XV вв.

Правда, тѣ же событія помогли усиленію и политическому подъему на счетъ изнемогавшей Византіи Южному славянству, но въ то же время для послѣдняго представляли серьезную угрозу какъ расцвѣтъ и политическіе успѣхи дѣятельной, властолюбивой и пронырливой Венеціи, такъ и постепенное рѣшитель-



ное торжество въ сосѣдней Дунайской державѣ интересовъ латинства и германизма, старавшихся навязать ей соотвѣтственную служебную своимъ цѣлямъ миссію — особенно относительно Балканскаго полуострова.

Въ то же время германскій міръ упорно и послѣдовательно продолжалъ свое завоевательное движеніе и на сѣверо-востокъ; окончательно поработалъ и усиленно германизовалъ полабскихъ и балтійскихъ славянъ и предпринималъ крестовые походы противъ языческаго населенія земель польскихъ, прусской и ливонской, основывая на этихъ отдаленныхъ окраинахъ воинственные ордена (Тевтонскій и Меченосцевъ), которые пріобрѣли особенную силу и политическое значеніе, соединившись для дружнаго дѣйствія въ 1237 году. Враждующіе между собой и разрозненные сѣверо-западные и западные славяне (въ Польскомъ и Чешскомъ государствахъ) не только не оказывали единогодушнаго и стойкаго сопротивленія этому нѣмецкому напору, но напротивъ, своею близорукой, перемѣнчивой политикой, соперничествомъ, угодничествомъ передъ Римомъ и папствомъ, нерѣдкими измѣнами прямымъ и явнымъ славянскимъ интересамъ помогали нѣмцамъ въ ихъ задачахъ. А пока эта неравная борьба разыгрывалась на западѣ, съ востока надвигалась на славянскій міръ другая страшная гроза...

Столь губительный для населенія и жизни восточной Европы *татарскій* погромъ, всей своею тяжестью и бѣдствіями обрушившійся на восточное (русское) славянство, надолго крѣпко связалъ ему руки; парализовалъ его силы и лишилъ западныхъ его соплеменниковъ могущественной нравственной и матеріаль-



ной опоры, значительно облегчивъ такимъ образомъ Западу достиженіе его цѣлей въ средней Европѣ.

Но татарская гроза захватила, хотя впрочемъ и мимолетно, также и эту послѣднюю, и тутъ опять наиболѣе пострадавшими оказались Дунайскія земли и именно Угрія (въ 1240-хъ гг.). Изъ тяжкихъ бѣдствій этого разгрома Угрія вышла возстановленною и снова сильною, благодаря государственной дѣятельности выдающагося правителя (кор. Бѣлы IV). Устрашивъ западную Европу и тѣмъ временно задержавъ наступавшія германскія волны, татарское нашествіе вызвало для Угрии еще внутреннее немаловажное событіе: переселеніе съ нижняго Дуная и поселеніе въ ея предѣлахъ массы половцевъ или куманъ (до 40.000 сем.), значительно подкрѣпившихъ собою азіатскую (т. е. мадыарскую) стихію въ государствѣ.

Въ концѣ XIII вѣка на западныхъ границахъ Угрии совершились событія, которымъ суждено было выдвинуть и упрочить развитіе новаго сильнѣйшаго фактора на среднемъ Дунаѣ, ставшаго съ той поры главной угрозой не только для благополучія и роста, но и для самаго существованія Угрии. Мы разумѣемъ, конечно, зерно будущей *Австріи*. Угрія сдѣлала тогда непоправимую и роковую, съ точки зрѣнія ея собственнаго блага, а также славянства, ошибку. вмѣсто того, чтобы поддержать усиливавшуюся (при Оттокарахъ и Вацлавахъ) Чехію, начинавшую сознавать важность объединенія западнаго славянства и удачно распространившую (при Оттокарѣ II) свое господство къ югу на счетъ Австрійскаго герцогства и сосѣднихъ славянскихъ областей Штирии, Карантаніи и Краины, она помогла противъ этой славянской державы пріобрѣтавшему все болѣе



значенія, въ смыслѣ германскаго завоевательнаго форпоста, Австрійскому герцогству, выросшему на мѣстѣ Восточной марки и позднѣйшихъ владѣній Бабенберговъ, а именно знаменитому его вождю, Рудольфу Габсбургскому, сумѣвшему стать во главѣ Германской имперіи, этому истинному основателю будущей Австріи и Габсбургскаго могущества. Послѣдній съ помощью Угріи не только осилилъ Чехію и Оттокара II и отнялъ у него всѣ южныя области (Штирію, Каринтію и Крайну), ставшія съ тѣхъ поръ наслѣдственнымъ Габсбургскимъ владѣніемъ, но и готовъ былъ предъявить и поддерживать притязанія на самую Угрію (какъ и на Чехію). Такимъ образомъ, Угрія своими руками способствовала созданію у себя подъ бокомъ сильнаго и ей враждебнаго германскаго политическаго ядра на Дунаѣ, изъ котораго постепенно выросло—на ея гибель—габсбурго-австрійское могущество. Этимъ не только была чрезвычайно ослаблена и Чехія и все вообще западное славянство, но создались на среднемъ Дунаѣ совершенно новыя политическія условія и нарушилось равновѣсіе силъ, конечно, въ ущербъ Угріи, гдѣ къ тому же концу того же вѣка прекратилась народная династія Арпадовичей и, такимъ образомъ, утраченъ былъ важный факторъ сплоченности и единства государства.

## V.

Мадьяро-славянская Угрія въ эпоху расцвѣта и  
габсбурго-австрійская угроза  
(до турецкаго погрома).

Но сломить Угрію удалось не такъ еще скоро и притомъ не иначе, какъ при содѣйствіи многихъ усло-



вій. Съ начала XIV вѣка она вступаєть въ новый историческій періодъ: этотъ второй и вмѣстѣ послѣдній періодъ ея государственной самостоятельности (до 1526 г.) подъ управленіемъ различныхъ, смѣнявшихъ другъ друга, большею частью чужеземныхъ, династій (Премысловичей, Анжуйцевъ, Люксембурговъ, Гуніадовъ и Ягеллоновъ)—представляетъ апогей ея мощи и роста, расширенія ея политической роли и вліянія, когда она вступила рѣшительно въ русло политики и отношеній западно-славянскихъ державъ (Чехіи и Польши) и увлекалась, съ одной стороны, стрѣмленіемъ осуществитъ давнія, на своемъ „историческомъ правѣ“ и на взаимномъ тяготѣніи земель и народовъ основанныя, притязанія на задунайскія области, а съ другой—объединительными для всего западнаго славянства попытками. Такимъ образомъ, она сыграла свою роль въ общемъ политическомъ подъемѣ западнаго славянства и энергическомъ отраженіи напора германской волны, характеризующихъ XV вѣкъ, что, однако жъ, не избавило ее отъ роковой участи въ концѣ концовъ запутаться въ разставленныхъ ей австро-германскимъ соѣдомъ сѣтяхъ и стать вскорѣ добычей частью его, частью стремившихся сюда изъ-за Дуная турокъ. Такимъ образомъ, здѣсь, въ Угріи, европейскій Западъ снова столкнулся съ надвигавшимся на него азіатскимъ Востокомъ, и народы Угріи должны были бороться съ турками, защищая главнѣйше интересы западной (католической) Европы и прежде всего германскаго міра.

XIV вѣкъ, начавшійся для Угріи эпохой нѣкоторой внутренней смуты и разлада вслѣдствіе утраты объединяющаго фактора—старой династіи и вслѣдствіе проя



вившихся тяготѣній племенныхъ группъ къ внѣшнимъ соплеменнымъ политическимъ организмамъ послѣ неудачной объединительной попытки со стороны Чехіи (послѣдніе Премысловичи, Вацлавы II и III) и упроченія, наконецъ, на престолѣ родственной Арпадовичамъ италянизированной французской династіи Анжуйской, снова сплотившей государство, далъ Угріи сильнаго и замѣчательнаго правителя въ лицѣ Людовика Великаго (1342—1382 гг.). Этотъ способный и могущественный государь, полуславянинъ (сынъ польки)<sup>1)</sup>, развернулъ широкую и смѣлую политическую дѣятельность въ смыслѣ осуществленія пресловутыхъ „историческихъ“ правъ короны, т. е. собиранія и объединенія около Угріи, какъ центральнаго ядра, не только примыкавшихъ къ ней западно-славянскихъ, но и южныхъ и отчасти даже восточныхъ областей.

Присоединивъ Галицкую Русь, распространивъ свое господство въ Молдавію и Валахію („Куманію“, т. е. Румынію), въ Бдынскую Болгарію и Далмацію, утвердивъ свое вліяніе въ Сербіи и Босніи, наконецъ, получивъ по родственнымъ узамъ и польскую корону, Людовикъ поднялъ Угрію на небывалую высоту большой славянской державы и расширилъ такъ ея предѣлы, что она простиралась чуть ли не отъ Балканъ до Балтійскаго моря и отъ Чернаго до Адріатики. Къ сожалѣнію, этотъ политическій расцвѣтъ и розмахъ Угріи, заставившій притихнуть и властолюбиваго западнаго сосѣда, не былъ продолжителенъ, такъ какъ со смертію Людовика обстоятельства измѣнились, и

---

<sup>1)</sup> Сынъ Карла Роберта отъ брака съ дочерью Владислава Локотка польскаго, Елизаветой.



преемникъ его (Сигизмундъ) былъ слабъ и шелъ совсѣмъ по другому пути; но знаменательно то, что съ этимъ подъемомъ мощи и славянской роли угорской державы приблизительно совпадаетъ такой же постепенный подъемъ славянскихъ силъ и самосознанія повсюду и энергической, стремительный отпоръ насиліямъ и захватамъ враговъ какъ на западъ, такъ и на югъ и на востокъ, къ сожалѣнію, сопровождавшійся кое-гдѣ и междуславянскимъ соперничествомъ, взаимною распрею и усиленіемъ однихъ славянъ на счетъ другихъ.

Въ это время (около середины XIV в.) Польша вступаетъ въ періодъ своего государственнаго разростанія и крупной исторической (какъ политической, такъ и культурной) роли, отторгая сперва отъ Руси Галичъ, а затѣмъ—связывая свою судьбу съ Литвой. Чехія, хотя и вовлеченная въ государственную систему и политическій міръ имперіи нѣмецкой націи и ставшая даже въ центрѣ его и въ господствующей роли при Люксембургахъ, не только быстро идетъ впередъ во внѣшнемъ могуществѣ, внутреннемъ благосостояніи и культурѣ (Карль I (IV)), но—что еще важнѣе—дѣлаетъ значительные успѣхи въ смыслѣ національнаго развитія и самосознанія, въ духовной самобытности и религиозной эмансипаціи (начатки гусситства). Къ сожалѣнію, въ то же время она роковымъ образомъ связываетъ себя договорными отношеніями съ австрійскими Габсбургами, на чемъ послѣдніе основываютъ въ послѣдствіи свои притязанія. Недостатокъ дальновидности, широкаго и яснаго славянскаго сознанія и политическаго смысла проявляется также и въ отношеніяхъ ея на сѣверо-востокъ, къ нѣмецкимъ орденамъ и Польшѣ.



Одновременно поднимается Южное славянство, пользуясь упадкомъ и безсиліемъ Восточной имперіи, сперва ослабленной и униженной Латинской имперіей и хозяйничаньемъ западной, романской Европы, а теперь серьезно угрожаемой новымъ азіатскимъ насильникомъ (турками-османами), и, достигая, хотя и на краткій мигъ, апогея своей силы и своего роста (Сербія при Стеф. Душанѣ), необдуманно стремится, впрочемъ, вполнѣ безнадежно, одолѣть Византію и стать на ея мѣсто; ему, однако жъ, пришлось первому подвергнуться жестокимъ ударамъ надвигающагося на Европу новаго восточнаго врага.

Наконецъ, на славянскомъ востокѣ Русь начинаетъ рѣшительно освобождаться отъ татарскаго ига, и Москва настойчиво работаетъ надъ великимъ дѣломъ собиранія и объединенія русскихъ земель, дѣломъ, которое велось тихо, но обдуманно и твердо, и которому предстояло мощное развитіе и успѣхъ.

Между тѣмъ успѣхи и прочное водвореніе турокъ на Балканскомъ полуостровѣ, обусловленные цѣлымъ рядомъ причинъ, особенно же внутреннимъ безсиліемъ, расшатанностью и отсутствіемъ единенія балканскихъ христіанскихъ народовъ и государствъ, становились къ концу XIV в. угрозой и для сосѣдней Угріи, куда новые завоеватели начали уже простирать свои жадные взоры. Важное центральное географическое положеніе Дунайскихъ земель опять должно было сказаться во всей силѣ. Какъ турки явились сильнымъ факторомъ въ исторической судьбѣ этихъ земель, такъ и послѣднимъ, т. е. именно Угріи, выпала на долю перво-степенная роль въ исторіи турецкаго погрома—относительно и славянства и Европы вообще.



Съ точки зрѣнія исторической борьбы двухъ міровъ Европы нельзя не видѣть извѣстной аналогіи между погромомъ турецкимъ и прежними азіатскими нашествиями; какъ эти (напр., аварское, мадьярское, печенѣжское etc.), такъ и турецкое имѣли для славянства и его судебъ и отрицательное и положительное значеніе. Это въ частности подтверждается и на Угріи. Поработивъ южное славянство, турки принесли съ собою въ слѣдующіе вѣка не мало бѣдствій и разоренія и для славянъ угорскихъ, но въ то же время, какъ страшная, враждебная всему христіанству сила, угрожавшая обрушиться на западную Европу, они могли стать опорой и союзникомъ для того славянскаго Востока, на который имѣлъ притязанія германскій міръ.

Такимъ образомъ, послѣдній, ставя теперь своей главной задачей борьбу съ новымъ опаснѣйшимъ врагомъ, сталъ видѣть въ Угорской державѣ и ея народахъ желанный оплотъ и защиту отъ него для всего Запада, и, слѣдовательно, этотъ грозный и бѣдственный для юго-восточной Европы погромъ силою вещей долженъ былъ задержать завоевательный напоръ германства и папскаго Рима въ этомъ направленіи. Такъ оно и было на самомъ дѣлѣ, по крайнѣ мѣрѣ, до извѣстнаго момента, до новаго поворота въ соотношеніи рѣшающихъ факторовъ и условій. Вѣдь не случайно же тотъ процессъ подъема и роста славянства на сѣверо-западѣ, развитія его духовныхъ силъ и національнаго самосознанія, который замѣчается уже въ XIV вѣкѣ, не только не ослабѣлъ въ слѣдующемъ періодѣ, т. е. въ эпоху наступленія и завоеванія турокъ, но, напротивъ, именно въ первой половинѣ XIV в. достигъ наибольшаго напряженія, выразившись въ рядѣ вели-



чайшихъ и знаменательнѣйшихъ событій и явленій славянской исторіи. Національная и религіозная борьба съ германствомъ и Римомъ въ Чехіи, героическія войны гуситскія, въ которыхъ приняло участіе и остальное западное славянство, отчаянная борьба Польши въ соединеніи съ Литвой (при участіи чеховъ и русскихъ, и даже татаръ) съ нѣмецкими рыцарями, съ тевтонскимъ орденомъ, знаменитая, роковая для послѣднихъ, битва Грюнвальденская (1410), дальнѣйшіе успѣхи Польши (при Казимірѣ IV),—все это свидѣтельствуеетъ о томъ, что вѣковой натискъ и притязанія Запада встрѣтили въ это время серьезный отпоръ въ поднимавшемся и замѣтно стремившемся къ объединенію, по крайней мѣрѣ духовному, славянскомъ мірѣ и уже не могли рассчитывать на прежніе успѣхи.

Въ этомъ общемъ движеніи и порывѣ къ самобытному развитію и народной независимости приняла участіе въ XV в., хотя и нѣсколько позже, также Угорская держава. Ей, правда, пришлось опять пережить въ первыя десятилѣтія XV в. время безсилія, а затѣмъ внутренняго броженія и разлада въ царствованіе легкомысленнаго и своевольнаго Сигизмунда, государя чешско-угорскаго, памятнаго понесеннымъ отъ турокъ чувствительнымъ пораженіемъ (при Никополѣ) и злополучнымъ наслѣдственнымъ договоромъ съ Габсбургами, а также и послѣ его смерти (1437), когда опять сказались различные интересы партій и племенныхъ группъ въ самой Угріи, тянувшихъ въ разныя стороны, и когда государству серьезно грозили съ одной стороны турки и усилившаяся Венеція, а съ другой—коварныя объятія австрійскаго сосѣда.



Однако жъ, Угріи суждено было еще разъ преодолѣть внутреннія и внѣшнія затрудненія и достигнуть снова матеріальнаго и духовнаго расцвѣта и внѣшняго политическаго блеска, когда правленіе перешло въ руки домашней (по происхожденію румынской) династіи знаменитыхъ Гуніадовъ. Янъ Гуніадъ и особенно Матвѣй Корвинъ не только успѣли поднять государственный престижъ Угріи и внушить страхъ ближайшимъ врагамъ ея (туркамъ и Австріи), но и выступить съ широкими активными планами и притязаніями на сѣверѣ—въ отношеніи къ землямъ Чешскимъ и въ Польшѣ.

Такимъ образомъ, въ XV вѣкѣ Угрія еще стоитъ крѣпко на стражѣ своей независимости и борется за-одно съ славянствомъ, при общей еще солидарности и единодушіи своихъ народовъ, противъ притязаній и попытокъ германской Европы распространить свое владычество на средній Дунай. Но эта задача Угріи осложнилась и затруднилась побѣдоноснымъ движеніемъ турокъ къ сѣверу и окончательнымъ ихъ торжествомъ надъ Византіей (взятіе ея въ 1453 г.), послѣ чего они, водворивъ въ своемъ новомъ царствѣ прочный порядокъ и умиротворивъ мудрой политикой покоренные народы, естественно направили свое вниманіе на сосѣднюю дунайскую державу, для которой наступалъ дѣйствительно критическій моментъ.

Со смертью (1490) Матвѣя Корвина и прекращеніемъ, за неимѣніемъ у него потомства, этой способной угорской династіи, опять выступила во всей силѣ опасность западная, австро-германская, тѣмъ болѣе, что въ самой Угріи Габсбурги уже давно имѣли немало приверженцевъ; но на время съ внѣшней стороны она была еще разъ отвращена избраніемъ въ ко-



роли Ягайловича, польско-чешскаго короля Владислава Казиміровича. Казалось бы, это избраніе славянской династіи, объединеніе съ Угріей Чехіи и сближеніе съ ней Польши должны были быть благопріятны интересамъ и положенію всего славянства относительно Запада. Но слабые, податливые и недалновидные Ягайловичи сыграли фатальную, глубоко-прискорбную роль. Ихъ водвореніе на Дунаѣ ознаменовалось новымъ несчастнымъ и роковымъ наслѣдственнымъ договоромъ съ императоромъ Максимилианомъ и королемъ польскимъ Сигизмундомъ I, которымъ былъ окончательно проложенъ путь Габсбургскому дому къ столь давно желанной коронѣ угорской. Турецкая гроза, между тѣмъ, надвигалась. Сынъ Владислава, юный Людовикъ, былъ еще менѣе отца на высотѣ своего труднаго положенія.

Смертельный ударъ, нанесенный, наконецъ, турками, катастрофа 1526 г. (при Могачѣ, гдѣ убитъ молодой король Людовикъ) рѣшили судьбу Угріи и положили конецъ ея цѣльному самостоятельному бытію. Съ одной стороны Австро-Германія, съ другой Турція, явились распорядителями ея судебъ и въ концѣ концовъ раздробили ее. Первой, въ лицѣ Фердинанда I, достались тотчасъ же западная и сѣверо-западная ея части. Женатый на сестрѣ Людовика II, умершаго безъ потомства, онъ овладѣлъ престоломъ угорскимъ, основываясь на наслѣдственныхъ правахъ и какъ бы принимая на себя роль и миссію защитника Угріи и вмѣстѣ Европы отъ грозы турецкой.

Но у него оказался еще серьезный соперникъ въ самой Угріи, которая еще успѣла выставить энергическаго стоятеля за свою независимость, бывшаго претендента на корону угорскую, славянина родомъ, Іоанна



Запольскаго, который утвердилъ свою власть въ восточной (Затисской) Угріи и, главнымъ образомъ, въ Трансильваніи, ставшей надолго очагомъ еще не совсѣмъ сокрушенной политической свободы угорскихъ народовъ (до конца XVII в.). Но чтобы успѣшно противостоять Габсбургамъ и бороться съ ихъ завоевательными усиліями, ему пришлось искать опоры въ туркахъ и вообще внѣ Угріи. Это было, конечно, на руку послѣднимъ, уже какъ бы стоявшимъ въ дверяхъ Угріи и готовымъ продолжать начатое предпріятіе, распространить и утвердить свое владычество въ самомъ сердцѣ Угорской державы; это и удалось имъ довольно скоро (по смерти I. Запольскаго въ 1540 г.), такъ какъ Габсбурги и съ своей имперскою властью не были въ силахъ помѣшать тому. Такимъ образомъ, въ половинѣ XVI в. турки овладѣли всей центральной Угріей, утвердившись на среднемъ Дунаѣ. Только Трансильванія, хотя и признавая верховную власть Турціи, продолжала еще и послѣ того отстаивать нѣкоторую свою независимость и играть важную роль въ угорскихъ и турко-австрійскихъ отношеніяхъ.

Водвореніе на Дунаѣ габсбургской, т. е. германской, власти, эта завѣтная мечта германскаго міра, а съ другой стороны, непрощеннаго и враждебнаго христіанству и Европѣ, новаго азіатскаго властителя, турокъ, открываютъ новую эру въ исторіи Карпато-дунайскихъ земель. Въ какія отношенія стали эти двѣ силы къ покореннымъ ими или отстаивавшимъ еще свою свободу народамъ Угріи, къ ихъ стремленіямъ и интересамъ, къ славянству не только угорскому, но и сосѣднему,—это не замедлило обнаружиться въ наступившую эпоху двойного порабощенія этихъ земель.



## VI.

Эпоха турецкаго господства, водворенія Габсбурговъ и образованія германо-австрійской имперіи

(до конца XVII в.).

Четвертый періодъ исторіи Карпато-дунайскихъ земель, длившійся около 150 лѣтъ (отъ 1526 или, вѣрнѣе, отъ 1540-хъ гг., т. е. прочнаго утвержденія турокъ въ Дунайской равнинѣ, до конца XVII в.), есть періодъ переходный отъ политической независимости старой Угрии къ полному ея подчиненію нѣмецкой династіи сосѣдней Австріи и слиянію съ германскимъ политическимъ міромъ. Въ эту эпоху Угрія попадаетъ въ цѣпкія руки на западѣ Австро-Германіи и Габсбурговъ, на востокѣ—турокъ, и лишь самые восточные ея окраины, въ особенности Трансильванія, опираясь на этихъ грозныхъ враговъ Европы, сохраняютъ нѣкоторую самостоятельность и становятся главной ареной борьбы за старую свободу всѣхъ народностей Угрии—мадьяръ, славянъ и румынъ, одинаково ею дорожившихъ. Съ этого времени ея двойного плѣна, въ зависимости отъ ожесточенной борьбы двухъ внѣшнихъ могуществъ (австро-габсбургскаго и турецкаго) за обладаніе ею и борьбы съ ними народовъ Угрии за свою свободу,—и внутреннія и внѣшнія отношенія Дунайскихъ земель чрезвычайно осложняются и, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе запутываются. Съ этой точки зрѣнія исторія ихъ въ эту эпоху заслуживаетъ особенно осторожнаго и внимательнаго обслѣдованія, именно съ нашей славянской точки зрѣнія (чего мы еще не имѣемъ) и представляетъ выдающійся интересъ.



Сообразно тому значенію, которое теперь выпало на долю восточной части Угрии, этотъ интересъ и сосредоточивается преимущественно на ней, именно на Трансильваніи и ея исключительно-важной и активной роли въ политической жизни и отношеніяхъ XVI и XVII вв., какъ Карпато-дунайскихъ областей, такъ и всего Западнаго славянства. Никогда, ни ранѣе, ни позже, эта замкнутая горная область, достигшая въ ту пору, силою обстоятельствъ, политическаго обособленія и извѣстной независимости, не играла такой выдающейся роли. А роль эта была обусловлена тѣмъ, что обѣ боровшіяся за Угрію силы (и Турція, и Австрія) возлагали свои надежды на эту страну-твердыню, какъ на выгоднаго союзника или орудіе для одолѣніе противника, и готовы были на предоставленіе ей разныхъ уступокъ и льготъ, а въ то же время и сама Угрія, т. е. народности ея, отстаивавшія свои политическія права, свою государственную и религіозную свободу, видѣли въ ней, въ Трансильваніи (со времени Іоанна Запольскаго), главный очагъ и надежный оплотъ своихъ вольностей. Весь смыслъ завязавшейся теперь на Дунаѣ борьбы враждебныхъ другъ другу политическихъ силъ и народовъ, составлявшей, конечно, продолженіе все той же вѣковой борьбы европейскаго Запада и Востока, заключался въ томъ, что въ исконную распрю угорскихъ народовъ и Карпато-дунайскаго славянства съ одолѣвавшимъ ихъ западнымъ врагомъ, съ германствомъ (дѣйствовавшимъ пока еще въ союзѣ съ Римомъ), вмѣшался новый и такой сильный факторъ, какъ турки, представители совсѣмъ чужого міра, особой культуры и враги христіанства вообще. А ихъ грозное не для одного юго-востока Европы наступленіе должно



было повліять рѣшительно на взаимное отношеніе и распредѣленіе всѣхъ политическихъ, экономическихъ и культурныхъ силъ Европы, особенно средней, и вовлечь многихъ изъ этихъ дѣятелей въ ту великую историческую драму, которая разыгрывалась на среднемъ Дунаѣ.

Какъ же отнеслись къ туркамъ народы Угріи и различные общественные слои и политическія партіи, боровшіеся за или противъ западнаго, германскаго господства?

Естественно, что народныя массы славянъ и мадьяръ и вообще всѣ приверженцы политической независимости и культурной самобытности своей родины, когда познакомились съ характеромъ турецкаго владычества, не посягавшаго на національныя и бытовыя особенности, на духовную индивидуальность покоряемаго населенія, стали охотнѣе мириться съ этимъ болѣе матеріальнымъ бѣдствіемъ и игомъ, чѣмъ съ угрожавшимъ имъ разлагающимъ австро-германскимъ гнетомъ, и стали даже смотрѣть на турокъ до нѣкоторой степени какъ на союзниковъ и оплотъ противъ завоевательнаго движенія германскаго Запада. Наоборотъ, этотъ западный міръ, въ лицѣ австро-габсбургскаго могущества и Рима, равно какъ и довольно многочисленныя приверженцы ихъ въ самой Угріи, видѣли въ туркахъ новую страшную угрозу и серьезную помѣху ихъ цѣлямъ и притязаніямъ на Дунаѣ и вообще относительно греко-славянскаго міра: они сознавали неотложность и необходимость предстоявшей задачи всѣми силами рѣшительно и единодушно ополчиться противъ новаго врага во имя все тѣхъ же показныхъ началъ христіанства и западной культуры, которыя ими вы-



ставлялись и ранѣе въ крестовыхъ походахъ на Востокъ противъ славянъ-язычниковъ и схизматиковъ-грековъ. Такимъ образомъ, германскій Западъ не замедлилъ обратити и турокъ въ предлогъ и орудіе своихъ вѣковыхъ стремленій. Подъ знаменемъ борьбы съ турками онъ продолжаетъ свои завоевательныя предприятия и ставитъ себѣ цѣлью оттѣснить турокъ и затѣмъ овладѣть всей Карпато-дунайской территоріей: для этого онъ старается внушить и навязать народамъ Угріи почетную въ глазахъ Европы роль и миссію защиты послѣдней и ея культуры отъ мусульманскаго погрома,—ту миссію, которую нѣкогда онъ навязывалъ ей же противъ схизматическаго Востока и которую позднѣе приняла на себя австрійская имперія въ отношеніи ко всему славянскому юго-востоку и Россіи.

Турки, конечно, воспользовались преимуществами своего положенія и, въ свою очередь, охотно искали опоры во враждебныхъ Западу народныхъ массахъ и областяхъ Угріи. Вся эпоха ихъ владычества здѣсь и борьбы съ римско-германской имперіей и ея союзниками полна взаимныхъ услугъ, содѣйствія, сдѣлокъ и соглашеній между ними, турками, и вождями народной мадяро-славянской обороны противъ германо-австрійскаго, т. е. габсбургскаго, натиска. Но нельзя не видѣть въ этихъ вновь возникшихъ, благопріятныхъ для дѣла угорской самозащиты, отношеніяхъ и оборотную сторону: въ этомъ невольномъ сближеніи и союзничествѣ двухъ столь разнородныхъ стихій было нѣчто роковое, трагическое для славянства. Оно изъ чувства самосохраненія должно было дружить съ врагами христіанства. Между тѣмъ священная война съ полумѣсяцемъ, одушевляя западную Европу и всѣ христіанскія народ-



ности, освящала и оправдывала всѣ завоевательныя стремленія германизма на востокъ и заставляла Габсбурговъ напрягать всѣ свои силы для изгнанія турокъ изъ предѣловъ Угрии и для водворенія своей власти на ихъ мѣстѣ. Эти же мотивы постоянно играли роль и впоследствии. Однакожъ, въ продолжавшейся весь этотъ періодъ борьбѣ Запада съ старыми и новыми врагами на Дунаѣ принимали то или иное участіе также и другіе значительные факторы, которыхъ вліянія и роли нельзя не отмѣтить.

На югѣ, послѣ окончательнаго торжества турокъ надъ павшей Византіей, оставалась еще мощь Венеціанской республики, достигшей въ XV — XVI вв. своего полного политическаго расцвѣта и апогея и являвшейся существеннымъ оплотомъ христіанскаго и особенно латинскаго Запада противъ турокъ. Но если она дѣйствительно сыграла важную роль въ борьбѣ Европы съ надвигавшимся исламомъ и въ нанесеніи турецкому владычеству перваго рѣшительнаго удара (при Лепанто въ 1571 г. вмѣстѣ съ испанскими и папскими силами), то, съ другой стороны, до этого она косвенно оказала извѣстную услугу славянству, облегчивъ туркамъ ихъ успѣхи (Солиманъ Вел.) въ Угрии. Другимъ сильнымъ оплотомъ Запада, христіанской (т. е. главнымъ образомъ католической) Европы противъ турокъ, являлась Польша, послѣ разгрома Тевтонскаго ордена въ XV в., достигшая въ XVI в. своего наибольшаго расширенія и политическаго могущества, своего высшаго національнаго развитія и культурнаго вліянія. Унія Литвы (а вмѣстѣ и западной Руси) съ Польшей, борьба послѣдней съ турками въ интересахъ Южнаго славянства, обращавшаго тогда къ ней свои лучшія упованія (вспо-



мнимъ бессмертную поэму „Османъ“ Гундулича!), наконецъ, національныя стремленія части польскаго общества и даже попытки эманципаціи отъ Рима, для созданія народно-славянской церкви (Фричъ Моджевскій!), — все это чрезвычайно подняло значеніе Польши въ славянскомъ мірѣ: она должна была стать хоть нравственной опорой и для борющихся за независимость народовъ сосѣдней Угрии. Но такая руководящая и освободительная роль въ смыслѣ славянской самобытности, удержаніе которой обусловливалось лишь возможностью внутренняго духовнаго перерожденія большинства поляковъ, — была не по силамъ польскому государству и народу, давно отдавшимъ всецѣло духовной власти Рима и вообще Запада и принявшимъ на себя отъ нихъ же миссію борьбы съ Турціей, конечно, не въ защиту православнаго греко-славянскаго міра, а въ интересахъ римско-католической Европы.

Вмѣсто того, чтобы вести рѣшительную славянскую политику на Западѣ, направляя свои силы въ эту сторону, откуда все рѣшительнѣе надвигался исконный врагъ славянства и гдѣ ея же династія (Ягеллоны) погубила, предавъ въ сѣти Австріи и германства, не только Угрію, но и Чехію, — послѣдняя перешла въ томъ же роковомъ 1526 г. въ руки Габсбурговъ и тѣмъ почти утратила свою самостоятельную боевую славянскую роль, — Польша, въ угоду римской церкви и Западу, направляла тѣмъ временемъ всѣ свои силы и завоевательныя стремленія на востокъ, противъ братской Россіи и русскаго народа, которыхъ, однако, никогда не могла осилить, и этой борьбой только обезсиливала себя...

Между тѣмъ, Русь, начавъ великое дѣло своего освобожденія и объединенія еще въ XIV в. и оконча-



тельно сбросивъ иго татарское въ XV-мъ, продолжала все крѣпнуть и расти, не безъ вліянія фикціи перенесенія на Москву (3-й Римъ) византійскаго наслѣдія (Іоаннъ III и Софія Палеологъ). Несмотря на многіе тяжелыя утраты и удары на западѣ и внутренней домашній кризисъ (смутное время), она въ XV и XIV вв. въ общемъ успѣшно отражала наступательное движеніе Польши, съ которой боролась тѣмъ упорнѣе, чѣмъ рѣшительнѣе послѣдняя дѣйствовала—какъ передовой постъ и орудіе латинскаго Запада.

Съ конца XVI в. и въ XVII в. къ Россіи постепенно и окончательно переходитъ гегемонія въ славянскомъ мірѣ: она выступаетъ самостоятельно, съ своими опредѣленными задачами и призваніемъ, и на нее переносятъ всѣ свои симпатіи и надежды не только поработенное турками Южное славянство, но и все Западное, продолжавшее бороться на Дунаѣ противъ завоевательнаго германскаго натиска. Естественно, что и народы Угріи стали ощущать политическую и духовную мощь своего восточнаго сосѣда и видѣть въ немъ могучую поддержку, если не матеріальную и активную, то хоть нравственную.

Но рядомъ съ этими возраставшими на Востокѣ въ самомъ славянствѣ историческими двигателями, способными оказать сильное вліяніе въ двойной борьбѣ южныхъ и западныхъ славянъ съ мусульманствомъ и съ латино-германствомъ, разыгрались въ то же время (XVI—XVII вв.) и на Западѣ такія событія и общественно-культурныя явленія, знаменующія собой рѣзкій поворотъ къ новой эпохѣ въ исторіи Европы, которыя оказались болѣе или менѣе благопріятнымъ условіемъ для славянской самозащиты вообще и въ Угріи



въ частности, на первыхъ порахъ, по крайней мѣрѣ, значительно парализовали завоевательный натискъ германизма и римской церкви и, найдя сильный отголосокъ и удобную почву въ самомъ Западномъ славянствѣ, стали новымъ важнымъ двигателемъ въ его національнымъ стремленіяхъ и борьбѣ за независимость. Мы говоримъ о возникшемъ великомъ расколѣ въ западно-христіанской церкви, о реформаціонномъ движеніи, охватившемъ весь германскій міръ, проникшемъ даже кое-гдѣ въ романскія земли и нанесшемъ тяжкій ударъ авторитету Рима и вообще преобладавшимъ до тѣхъ поръ церковнымъ интересамъ,—говоримъ о разрывѣ между главными, до тѣхъ поръ единодушными, силами, наступавшими противъ греко-славянскаго Востока, между Римомъ, т. е. папствомъ, съ одной стороны, и большею частью германскаго народа и родственной ему Европой (сѣверной)—съ другой.

Это великое движеніе, сразу раздѣлившее весь Западъ на два враждебныхъ лагеря, раздвоившее его силы и направившее ихъ другъ противъ друга, несомнѣнно, хотя и не на-долго, задержало общій ихъ напоръ на Востокъ, при чемъ знаменательнѣе всего то, что толчекъ этому движенію былъ данъ, очевидно, съ востока же, изъ міра славянскаго, ибо не что другое, какъ чешское гуситство (XV в.) и реформа Гуса, коренящіяся въ кирилло-меѳодіевскихъ преданіяхъ, и возникшее изъ этой реформы чешско-братское движеніе насадили сѣмена и существенно подготовили тотъ размахъ и то развитіе, которые получили затѣмъ лютеранство и другія протестанскія секты въ германскихъ странахъ. Въ этомъ заключается міровое, общечеловѣческое значеніе чешскаго національно-религіознаго движенія (по-



мимо его роли собственно славянской), тенденціозно умаляемое въ господствующемъ у насъ германскомъ освѣщеніи и искусственномъ разграниченіи и расчлененіи европейской исторіи.

Само собою понятно, что реформаціонное, антипапское движеніе, прежде въ гуситскихъ, а затѣмъ различныхъ протестанскихъ формахъ нашло благопріятную почву для своего распространенія въ западно-славянскихъ земляхъ, и между прочимъ въ Угріи, гдѣ оно и пустило корни въ видѣ кальвинизма (у мадьяръ и нѣкоторыхъ угорскихъ славянъ) и рядомъ съ православіемъ и политическими правами народовъ дунайскихъ стало предметомъ ожесточенной народной защиты и борьбы съ Австріей и Габсбургами, какъ представителями воинствующаго папства и латинизаціи (вмѣстѣ съ германизаціей), какъ настойчивыми проводниками католической реакціи. Такимъ образомъ въ религіозной борьбѣ, раздиравшей Европу въ эту эпоху XVI—XVII вв., невольно увлекшей отчасти и западное славянство и осложнившейся борьбою всего христіанства съ турками, Карпато-дунайскія земли и угорскія народности сыграли далеко не послѣднюю роль.

Осложненія и грозныя препятствія, которыя встрѣчали Австро-германская держава и ея динстаія въ преслѣдованіи своихъ задачъ и притязаній въ угорскихъ областяхъ, съ одной стороны, въ лицѣ турокъ, съ другой—въ лицѣ славянъ и мадьяръ, защитниковъ политической и религіозной свободы своей родины, не могли, однако жъ, ослабить энергію австрійскаго напора: напротивъ, эти препятствія и угрозы, временные успѣхи противниковъ еще болѣе разжигали политическую алчность и притязанія Габсбурговъ, дѣлали ихъ на-



ступательную и реакціонную политику все болѣе упорною и рѣшительною. Мы уже говорили о томъ невольномъ сближеніи, о тѣхъ сдѣлкахъ и взаимныхъ услугахъ, которыя, силою обстоятельствъ, возникали въ эту эпоху между турками и защитниками народныхъ правъ и свободы въ Угріи. Въ этой борьбѣ и въ этихъ отношеніяхъ, какъ мы видѣли, первенствующую роль играла Трансильванія, ставшая на стражѣ этихъ угорскихъ правъ и этой свободы и представлявшая для обѣихъ сторонъ—и для турокъ и для Австро-Германіи—желанное орудіе для ихъ цѣлей, благодаря чему она и продолжала сохранять въ XVII в. извѣстную самостоятельность.

Для имперіи овладѣніе этой послѣдней угорской твердыней было обусловлено окончательнымъ торжествомъ надъ турками въ Угріи, которое требовало не только исключительнаго напряженія силъ, но особенно благопріятнаго стеченія обстоятельствъ. Необходимо было прежде обезпечить себя съ другихъ сторонъ. На западѣ надо было оказать самый суровый отпоръ цѣлому союзу оторвавшихся отъ церковнаго единства съ Римомъ протестанскихъ державъ, вступившихъ въ продолжительную (30-лѣтнюю) борьбу съ его приверженцами. Борьба эта завязалась въ стиснутой еще съ 1526 г. Габсбургами многострадальной Чехіи, павшей въ самомъ началѣ жертвой этого ожесточеннаго столкновенія двухъ противоположныхъ началъ и теченій и неистовой католической реакціи (1620 г.—Бѣлогорская битва). Чехія, эта передовая славянская крѣпость, перестала существовать какъ политическая единица и стала составною частью Австро-германской имперіи, вступавшею нынѣ въ новую фазу своего историческаго



развитія и государственнаго сложенія. Западное славянство оказывается теперь повсюду поработаннымъ и придавленнымъ своими врагами; южные славяне—турками, чехо-моравскія и другія западныя вѣтви—Австро-германскою имперіей. Польшѣ угрожалъ съ одной стороны ростъ Россіи, съ другой—возникавшая по ея же винѣ въ ближайшемъ сосѣдствѣ новая германская политическая организація (наслѣдіе Тевтонскаго ордена, слившееся съ Бранденбургомъ и положившее начало Пруссіи) уже другого, протестантскаго, но для славянства не менѣе враждебнаго типа, которой предстояло вскорѣ взять на себя главную и руководящую роль въ дальнѣйшемъ наступленіи Запада и германизма на греко-славянскій міръ.

Приближался и послѣдній актъ исторической драмы западно-славянской, который долженъ былъ разыгратъ на среднемъ Дунаѣ и въ земляхъ старой Угрии, тамъ, гдѣ шла послѣдняя отчаянная борьба за оставшіяся призракъ угорской независимости, гдѣ въ послѣднихъ судорожныхъ вспышкахъ гибли скудные остатки западно-славянской политической свободы и самобытности. Истинные патриоты угорскіе хотѣли освобожденія родины отъ позорной власти турокъ—самостоятельно, своими народными силами, а не цѣною германскаго, еще болѣе тяжкаго и опаснаго плѣна, и потому они всячески отбивались отъ навязчивыхъ австрійскихъ объятій, ища опоры, гдѣ только было возможно на нее разсчитывать. Но Габсбурги имѣли за себя священную идею защиты христіанской Европы отъ мусульманской угрозы, а это одно давало имъ и силу и союзниковъ, давало имъ оправданіе—въ завоевательномъ движеніи на востокъ. Любопытно, что противъ этого движенія



угорскія народности—помимо турокъ и восточнаго славянскаго міра—находили поддержку и теперь и позже еще на крайнемъ романскомъ Западѣ, во Франціи (вспомнимъ, напр., возстаніе Текели и помощь Людовика XIV), въ чемъ, между прочимъ, сказался исконный антагонизмъ романской и германской стихій, уже выступавшій не разъ даже и въ исторіи Дунайскихъ земель (напр., въ XII в.) и столь рѣзко обострившійся въ новѣйшее время... Но всѣ усилія свободолюбивыхъ сыновъ Угрии и ихъ друзей были тщетны. Сѣвшіе имъ на шею азіатскіе насильники, поднявшіе противъ себя цѣлую коализію христіанскихъ державъ, вынуждаемые къ очищенію средне-дунайскихъ областей, неминуемо отдавали ихъ во власть новому, столь давно на нихъ имѣвшему виды, западному поработителю—Австро-германской державѣ.

Въ самомъ концѣ XVII в. совершилось изгнаніе турокъ изъ Угрии, и этому торжеству христіанства, но вмѣстѣ и австрійской политики, отчасти содѣйствовали и сами южные и западные славяне, фатальнымъ образомъ расчищая тѣмъ путь дальнѣйшимъ германскимъ захватамъ. Съ одной стороны дѣятельно стали помогать противъ турокъ (за одно съ хорватами) тѣ многочисленныя сербскіе эмигранты, которые именно въ этотъ критическій моментъ были приглашены изъ центральныхъ сербскихъ областей Турціи, ради избавленія отъ мусульманскаго ига, подъ покровительство Австріи—ея ловкимъ и дальновиднымъ правительствомъ и поселены на ея земляхъ по Дунаю, вдоль границъ турецкихъ (напр., Арсеній III Черноевичъ); съ другой—самую главную услугу оказалъ польскій король Іоаннъ Собѣсскій, освободившій въ 1683 г. осажденную турками Вѣну и по-



могшій нанести имъ рѣшительный ударъ, которымъ и начинается ихъ вытѣсненіе изъ Угріи и ослабленіе ихъ могущества. Шагъ за шагомъ они принуждены теперь отступать передъ сильнѣйшимъ противникомъ. Наконецъ, взятіе австрійцами Офена въ 1687 г. и новая побѣда при Могачѣ, повлекшая за собой занятіе Трансильваніи (Семиградскаго княжества), окончательно рѣшили дѣло. Турки были изгнаны, и Угрія цѣликомъ оказалась въ рукахъ Австро-Германіи. Въ томъ же 1687 г. на достопамятномъ, знаменательномъ сеймѣ въ Прессбургѣ корона угорская объявлена наслѣдственною въ Габсбургской династіи, и Угрія окончательно слилась съ Австріей, хотя за ней и признаны конституціонныя права и сдѣлана, такимъ образомъ, уступка ея историческому строю и народному самоуправленію. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Имперія и Габсбурги (императоръ Леопольдъ I) давали ясно чувствовать, что именно завоеваніе—въ виду возстанія Текели и благопріятствовавшаго туркамъ національнаго анти-австрійскаго движенія—отдаетъ Угрію въ руки Австріи и твердо устанавливаетъ неоспоримыя права послѣдней на первую. Рядъ слѣдовавшихъ за этимъ войнъ и поражений турокъ, смѣнявшихся впрочемъ и ихъ временными новыми успѣхами въ еще непокорномъ Австріи Семиградскомъ княжествѣ, привелъ въ концѣ-концовъ, благодаря поддержкѣ союзныхъ противъ Турціи державъ, къ рѣшительному пораженію турокъ (Евгеніемъ Савойскимъ) и къ знаменитому Карловицкому миру (1699), по которому Трансильванія окончательно присоединена къ Австріи, а за Турціей остался лишь Темешварскій Банатъ.



Такимъ образомъ римско-германскій натискъ въ предѣлахъ Карпато-дунайскихъ земель достигъ своей конечной цѣли. Наступилъ для нихъ съ XVIII в. новый историческій періодъ: періодъ полного политическаго и культурнаго подчиненія новой Дунайской великой державѣ, постепенно создавшейся на развалинахъ Западной имперіи изъ стараго германо-австрійскаго ядра и имъ опутанныхъ и осиленныхъ Чехіи и Угріи. Габсбургская монархія, соединяя въ себѣ невольно унаслѣдованныя ею противоположные и непримиримые интересы и задачи своихъ составныхъ частей и враждебныхъ другъ другу народовъ, должна была выступить въ исторіи Европы, какъ новый, совершенно своеобразный государственный организмъ, особенно со времени обращенія своего изъ римско-германской имперіи въ *Австрійскую* (1805). Политическая роль и судьба этого организма опредѣляются и выясняются, съ одной стороны, его своеобразнымъ сложениемъ и историческимъ прошлымъ, съ другой—все продолжающейся борьбой Востока съ наступающимъ на него Западомъ и положениемъ его земель на главной аренѣ этой борьбы.

## VII.

Эпоха внутренняго сложения австрійской многоплеменной имперіи, національный вопросъ и развитіе австрійской государственной идеи и политической миссіи

(до 1867 г.).

Итакъ, изгнаніе турокъ изъ Угріи и переходъ почти всей ея территоріи (со включеніемъ Трансильваніи) подъ власть Австріи и Габсбурговъ кореннымъ обра-



зомъ измѣнили судьбу Карпато-дунайскихъ земель, связавъ ее окончательно съ государствомъ и династіей, представлявшими до сихъ поръ историческія задачи и интересы только Римско-германскаго міра и вообще Запада на Дунаѣ. Но поглощеніе такихъ политическихъ тѣлъ, нѣкогда самостоятельныхъ и сильныхъ, какъ славянская Чехія и полуславянская Угрія, не могло не создать въ Австріи совершенно новаго порядка вещей, не осложнить и не измѣнить существенно политическое положеніе, характеръ и роль тѣхъ силъ, которыя сплотили новую Дунайскую державу, особенно въ зависимости отъ перемѣнъ и развитія событій и отношеній въ Европѣ вообще и германскомъ мірѣ въ частности.

Наступившій періодъ (съ конца XVII до второй половины XIX вѣка) есть періодъ преобразования Австро-габсбургской державы изъ выродившейся и разложившейся Священной римской имперіи нѣмецкой націи въ собственно *Австрійскую* разношерстную, многоплеменную имперію, періодъ образованія и роста австрійской государственной идеи, какъ одного изъ важнѣйшихъ факторовъ исторіи и политическаго равновѣсія новой Европы, періодъ развитія и установленія, какъ своеобразной внутренней политической системы и племенныхъ отношеній Австріи путемъ продолжительной народной борьбы-замозащиты—главнѣйше со стороны неукротимой Угрии,—такъ и внѣшней политики и отношеній ея къ славянскому Востоку (особенно къ Турціи и Южному славянству) и къ германскому Западу, гдѣ гегемонія переходитъ съ половины XVIII вѣка рѣшительно къ молодому сѣверо-германскому государству и отнынѣ сопернику Австріи—къ Пруссіи. Про-



цессъ внутренняго сложенія Австрійской монархіи послѣ тщетныхъ попытокъ ея поглотить и органически слить съ собой Угрію такъ же, какъ это было сдѣлано съ Чехіей, характеризуется послѣдовательными уступками одному изъ народныхъ элементовъ Угріи, наиболѣе упорному и вмѣстѣ представлявшемуся менѣе опаснымъ для германизма, противъ другихъ народностей, — характеризуется, такимъ образомъ, постепеннымъ подъемомъ и развитіемъ властнаго, всепоглощающаго *мадьяризма* и приниженіемъ славянства.

Начало этого періода (начало XVIII вѣка) ознаменовалось продолжительной и ожесточенной борьбой австрійской власти съ упорствовавшими народными (славяно-мадьярскими) элементами Угріи, возмущенными политическимъ посягательствомъ Австріи на оставленныя ихъ родинѣ историческія права и вольности. Въ этой борьбѣ опять главнымъ очагомъ и оплотомъ служило еще сохранявшее сознаніе своей отдѣльности Семиградское княжество. Если это народное возстаніе было, въ концѣ концовъ, несмотря на мужество и стойкость такихъ борцовъ, какими были Ракоци (Раковскій) II и А. Кароли, и несмотря на помощь Франціи и нравственную поддержку сосѣдняго славянства (Польши и Россіи, т. е. Петра Великаго), все-таки подавлено, то оно однако-жъ убѣдило Австрію въ огромной силѣ сопротивленія и жизненности угорскаго историческаго строя, въ необходимости съ нимъ считаться. Въ этомъ ее должна была утвердить и дальнѣйшая непрестанная, болѣе или менѣе успѣшная конституціонная борьба угорскихъ патріотовъ за народныя права и свободу совѣсти, которыя австрійскія власть и династія стремились всячески урѣзать и сократить.



Эта поглотительная, централизованная и реакционная политика послѣднихъ вытекала, конечно, изъ традиціонныхъ задачъ ими воплощаемаго католицизма и германизма. Отъ своего стараго германскаго зерна, исконнаго проводника міродержавныхъ стремленій и идей Священной римской имперіи, новая Дунайская монархія должна была унаслѣдовать все ту же миссію по отношенію греко-славянскому Востоку, которую германскій Западъ и Римъ нѣкогда старался навязать и независимой Угріи. Эта миссія распространенія власти и вліянія этихъ двухъ силъ на востокъ и югъ (посредствомъ католической пропаганды и германизации) должна была стать жизненнымъ призваніемъ, главнымъ *raison d'être* Австро-германскаго государства, еще не утратившаго первенства въ средней Европѣ. Но въ связи съ нею долженъ былъ выдвинуться и неотложный вопросъ продолженія борьбы христіанской Европы съ турками для окончательнаго сокрушенія этого чуждаго и постыднаго для Европы могущества, — вопросъ объ участи Балканскаго полуострова и его народовъ, о будущемъ наслѣдствѣ турокъ, однимъ словомъ, такъ названный (на западѣ) *восточный* вопросъ, ставшій съ тѣхъ поръ однимъ изъ самыхъ большихъ, сложныхъ и трудноразрѣшимыхъ вопросовъ общеевропейской политики и международныхъ отношеній. Естественно, что этотъ вопросъ, касаясь прежде всего судьбы всего южнаго задунайскаго славянства, въ концѣ концовъ переплелся и неразрывно связался съ вопросомъ о тяготѣвшемъ къ южному средне-дунайскомъ (угорскомъ и австрійскомъ) славянствѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ турецкій вопросъ, какъ вопросъ о бывшихъ владѣніяхъ Восточной имперіи, о



заполонённыхъ исламомъ отечествѣ и святыняхъ Восточной церкви, о православныхъ племенахъ славянскихъ долженъ былъ неизбежно поставить Австро-германскую, а потомъ Австрійскую имперію лицомъ къ лицу и въ понятное соперничество съ главнымъ представителемъ славянскаго міра и въ частности православнаго славянства, съ той державой, къ которой въ XVIII вѣкѣ рѣшительно и окончательно перешло первенство въ этомъ восточно-европейскомъ или среднемъ мірѣ, которая все смѣлѣе и тверже выступала въ своей исторической роли законной наслѣдницы Восточной имперіи и защитницы своихъ единоплеменниковъ и единовѣрцевъ и которую ея геніальный и могучій вождь, Петръ I, вознесъ въ это время на небывалую политическую высоту и ввелъ въ рядъ великихъ европейскихъ державъ.

Россія; непрестанно усиливаясь и расширяясь во всѣ стороны, подвигаясь все дальше къ югу, къ берегамъ Чернаго моря, готовая протянуть руку помощи своимъ балканскимъ братьямъ и единовѣрцамъ противъ вѣкового гнета турокъ, приобрѣтала все большее значеніе, популярность и искреннія симпатіи у этихъ народовъ, а вмѣстѣ и у западныхъ славянъ вообще.

Что касается Австріи, то и ея отношеніе къ этому „восточному“ вопросу опредѣлялось теперь не только идеей борьбы христіанства съ исламомъ и историческимъ напоромъ на Востокъ латинства и германизма. Тутъ долженъ былъ получить существенное значеніе новый сложный государственный составъ, и вмѣстѣ этническое преобразование Дунайской монархіи послѣ поглощенія Австріи столькихъ славянскихъ, мадьярскаго и значительной части румынскаго народовъ. Если раздавленная и парализованная Чехія не могла



еще оказывать активного вліянiя на австрійскую политику (что стало возможнымъ лишь съ ея возрожденіемъ въ XIX вѣкѣ), то иначе было дѣло съ Угріей и ея народами. Присоединивъ ихъ къ своему организму, связавъ ихъ съ собой государственно и династически, но не подавивъ ихъ жизненныхъ силъ, ихъ національнаго духа и энергіи, Габсбургская держава должна была невольно воспринять и въ извѣстной мѣрѣ усвоить себѣ традиціонныя внѣшнія отношенія, тяготѣнія и задачи прежней независимой Угрии. Тѣ интересы и притязанія, которыя характеризуютъ во всѣ вѣка, какъ мы видѣли, политику этой послѣдней, по отношенію къ сосѣднимъ южно-славянскимъ, задунайскимъ и нижнедунайскимъ землямъ, къ сѣверо-западнымъ и закарпатскимъ славянамъ, къ этимъ по теоріи „partes adnexae“ бывшаго Угорскаго королевства, становятся сами собой элементами политической жизни и тяготѣній Габсбургской монархіи, тѣмъ болѣе, что они совпадаютъ въ общемъ съ тенденціями германскаго *Drang nach Osten*. Къ этому присоединяется и усиленіе этническихъ связей населенія по обѣ стороны угорскаго Дуная вслѣдствіе извѣстной эмиграціи сербовъ изъ Турціи въ XVIII вѣкѣ, оказавшихъ такія большія услуги въ турецкихъ войнахъ Австріи. Такимъ образомъ и географическая близость и традиціонныя интересы ставили Дунайской имперіи тѣ же самыя *освободительныя* задачи (хотя и небезкорыстныя) по отношенію къ Балканскому полуострову и его поработителю, которыя ей внушались западной Европой и которыя въ то же время, съ другой стороны, и съ иной конечной цѣлью становились историческимъ призваніемъ великой восточной славянской державы.



Соперничество дѣлалось неизбежнымъ, различіе интересовъ—трудно примиримымъ... И тѣмъ не менѣе столь же неизбежными и естественными становились и союзныя дѣйствія обѣихъ державъ, и Россіи, и Австріи, противъ турокъ. Россія въ XVIII вѣкѣ оказывала большую помощь своей сосѣдкѣ, ведшей нѣсколько и по большей части не особенно удачныхъ войнъ съ Турціей. Еслибъ не русская помощь, послѣдняя могла надѣлать много еще болѣе серьезныхъ хлопотъ Австрійской державѣ, особенно въ расчетѣ на поддержку недовольныхъ революціонныхъ элементовъ Угріи (мадьяръ и славянъ) и на внѣшнихъ враговъ Австріи (наприм., Франціи). Такая, силою вещей вынужденная, совмѣстная союзническая политическая дѣятельность относительно Турціи и Балканскихъ народовъ—двухъ столь противоположныхъ и враждебныхъ въ своихъ историческихъ стремленіяхъ силъ, какъ православно-славянская восточная и римско-нѣмецко-габсбургская имперіи, должна была отчасти продолжаться и впослѣдствіи, хотя и была парализуема въ XIX вѣкѣ выдвинутымъ послѣдней и вообще Западомъ изъ страха передъ Россіей принципомъ сохраненія „цѣлости Турціи“,—она оставалась часто фактически неизбежной и въ наши дни...

Какъ на югѣ по отношенію къ задунайскому славянству, такъ и на сѣверо-востокѣ и сѣверѣ замѣчается то же явленіе: усвоеніе Австро-германской дунайской монархіей традиціонныхъ тяготѣній и притязаній старой Угріи въ отношеніи къ галицкимъ русско-польскимъ окраинамъ. И этимъ притязаніямъ суждено было дѣйствительно осуществиться вслѣдствіе развитія того рокового историческаго процесса, который тѣмъ временемъ совершался на сѣверномъ славяно-германскомъ



рубежѣ и которому постепенно подверглось недавно еще сильное и обширное Польское государство, ставшее въ концѣ концовъ жертвой западно-европейскихъ латинонѣмецкихъ вліяній, своей близорукой и фальшивой внѣшней политики и внутренняго разложенія и неурядицы. Неудержимо идя къ политическому упадку, которому помогли и внѣшнія осложненія съ Швеціей и хозяйничанье послѣдней въ чужомъ домѣ, Польша должна была смириться и уступить не только передъ Россіей, которой значеніе и авторитетъ все возрастали, особенно послѣ побѣдъ Петра Великаго надъ шведами, но вскорѣ и передъ той новой прусско-германской политической силой, которая начала быстро расти и крѣпнуть подъ бокомъ на западѣ и должна была сыграть такую жестокою, убійственную роль въ судьбѣ польскаго народа; наконецъ, и Дунайская монархія, опираясь на старыя угорскія притязанія и историческія права, въ критическій для Польши моментъ явилась въ ряду ея разрушителей и сонаслѣдниковъ. Это неотвратимое паденіе Польши кончилось въ концѣ XVIII вѣка ея постепеннымъ распаденіемъ и троекратнымъ раздѣломъ между тремя сосѣдними державами,—злосчастной развязкой, столь роковой не для одного польскаго народа, но и для всего славянства; на его счетъ достигъ новаго существеннаго расширенія и успѣховъ въ своемъ историческомъ натискѣ германскій міръ; но славянство и во внутреннихъ своихъ отношеніяхъ должно было сильно пострадать отъ этой огромной территоріальной потери и обостренія домашней вражды между двумя братскими народами, чѣмъ, конечно, не замедлили воспользоваться всѣ враги его.



Между тѣмъ, Австро-германская имперія прошла, вслѣдствіе великихъ западно-европейскихъ переворотовъ второй половины XVIII и начала XIX в., черезъ рядъ политическихъ потрясеній и династическихъ осложненій. Вспомнимъ бракъ дочери императора Карла VI и наслѣдницы его австрійскихъ владѣній по знаменитой „прагматической санкціи“ Маріи-Терезіи съ Францемъ, герцогомъ Лотарингскимъ, и образованіе, такимъ образомъ, Габсбургско-лотарингскаго дома. Монархія пережила важныя эпохи внѣшней и внутренней жизни, военныя невзгоды, территоріальныя измѣненія, новое торжество системы централизаціи и абсолютизма (особенно при Маріи-Терезіи и Іосифѣ II) и, наконецъ, въ 1805 г. превратилась при Францѣ II, по окончательномъ упраздненіи Священной римской имперіи, въ собственно *Австрійскую имперію*. Но и теперь она стремилась удержать свой германскій характеръ и остаться вѣрной своей вѣковой традиціонной миссіи расширенія германскаго и римско-церковнаго владычества въ предѣлахъ Карпато-дунайскихъ земель, вопреки одинокимъ голосамъ болѣе дальновидныхъ австрійскихъ политиковъ, совѣтовавшихъ перестроить государство на новыхъ началахъ, перенести центръ тяжести на востокъ и отрѣшиться отъ германской идеи. Поэтому ея соперничество съ могучей защитницей славянства—Россіей—должно было неизбежно расти, питаемое, главнымъ образомъ, непримиримостью ихъ интересовъ на Балканскомъ полуостровѣ гдѣ оживавшее съ ослабленіемъ и разложеніемъ Турціи Южное славянство естественно тяготѣло болѣе къ едино-вѣрной Россіи, чѣмъ къ Австріи. И вотъ Дунайская имперія, съ присоединеніемъ къ ней, послѣ раздѣловъ, части Польши (не только польской, но и русской Галиціи,



допущеніе чего — великій грѣхъ Россіи!), пользуется антагонизмомъ двухъ славянскихъ народностей, беретъ подъ свое покровительство и употребляетъ отнынѣ поляковъ, какъ орудіе противъ Россіи и Востка въ своей внутренней и внѣшней политикѣ.

Однакожъ, главнымъ рычагомъ въ развивавшейся внутренней политической системѣ Австріи, соотвѣтственно ея исторической миссіи, долженъ былъ стать, конечно, не славянскій, а другой выдающійся коренной элементъ ея пестраго этническаго состава, наиболѣе отвѣчавшій ея видамъ. Это были—*мадьяры*. Австрія и ея династія скоро поняли, что Угорія, при сохраненіи своего внутренняго равновѣсія, народнаго единенія и солидарности, при традиціонной общности племенныхъ и земскихъ интересовъ, можетъ доставить имъ еще много хлопотъ и затрудненій, и потому они не замедлили прибѣгнуть къ той политической системѣ, которая издавна успѣшно примѣнялась нѣмцами въ ихъ завоевательномъ движеніи на востокъ, къ системѣ раздѣленія силъ и натравливанія однихъ племенъ противъ другихъ, согласно іезуитскому лозунгу *divide et impera*. И вотъ Австрія систематически сѣетъ раздоръ и возбуждаетъ антагонизмъ и вражду между угорскими народностями. Такъ какъ многочисленное славянское населеніе Угріи и другихъ австрійскихъ земель, могущее найти опору въ великой восточной соплеменной державѣ, кажется ей наиболѣе опаснымъ и не внушающимъ довѣрія, она рѣшается сдѣлать, въ удовлетвореніе староугорскихъ автономныхъ притязаній, уступки и дать политическое надъ нимъ преобладаніе другому, правда гораздо болѣе настойчивому и упорному въ своихъ стремленіяхъ, но зато этнически одинокому и всѣмъ



прочимъ чуждому элементу, именно *мадьярскому*. Эту, еще не доросшую до истинной культурности и сохранившую еще инстинкты азіатской дикости и исключительности народность она беретъ подъ свое покровительство, предоставляет ей, въ ущербъ другимъ угорскимъ народамъ, захватить постепенно въ свои руки политическое господство и всѣ права и дѣлаетъ ее орудіемъ своей традиціонной враждебной славянству и восточной церкви политики. Этимъ естественно подготовлялся переходъ къ новой государственной системѣ, къ политическому раздвоенію Дунайской державы (дуализму), къ возрожденію Угріи, какъ цѣльнаго автономнаго организма, но уже въ новомъ, совершенно отличномъ отъ прежняго мадьярскомъ облаченіи, мадьярской переработкѣ.

Мадьярамъ, по натурѣ склоннымъ къ фанатизму, самомнѣнію и кичливости, но вмѣстѣ сознававшимъ свою племенную отчужденность и культурную отсталость, не трудно было привить идею объ ихъ особой исторической миссіи служить „охранной стѣной“ для западной Европы и „посредникомъ между западной культурой и восточнымъ варварствомъ“... Въ этомъ дѣлѣ возвеличенія мадьяръ въ Угріи сыграли огромную роль и новыя возникавшія въ Европѣ идеи, стремленія и характеръ эпохи (особенно съ конца XVIII вѣка), развитіе національной идеи или націонализма. Проснувшееся подъ этими общими вліяніями мадьярское народное самосознаніе, искусственно питаемое и возбуждаемое германо-австрійской славянофобіей, стало въ теченіе XIX вѣка быстро расти и принимать все болѣе острый, исключительный характеръ, переходя въ національную нетерпимость и шовинизмъ.



Такое обостреніе національнаго вопроса и усиленіе мадыаро-славянскаго антагонизма естественно обусловливалось одновременнымъ ростомъ самосознанія у западныхъ славянъ вообще и угорскихъ въ частности, начинавшимся тогда культурнымъ и политическимъ возрожденіемъ Западнаго и Южнаго славянства, особенно проявившимся у чеховъ и словаковъ и сопровождавшимся большимъ оживленіемъ взаимныхъ культурныхъ связей и тяготѣнія между всѣмъ Западнымъ славянствомъ (со включеніемъ и Южнаго) съ одной стороны, и могущественной естественной его покровительницей, Россіей,—съ другой, тѣмъ болѣе, что и въ послѣдней съ начала XIX в. начинаютъ также возникать и бродить идеи и проекты, разумѣется еще очень смутные, неопредѣленные и незрѣлые, о содѣйствіи западнымъ соплеменникамъ въ ихъ освободительныхъ стремленіяхъ. При такомъ національномъ движеніи въ славянскомъ мірѣ, въ этомъ отношеніи не отстававшемъ отъ общеевропейскаго развитія и духа эпохи, Австрія, видя въ немъ серьезное препятствіе для своихъ цѣлей и притязаній, успѣшно стала запугивать и мадыаръ страшнымъ призракомъ панславизма и ожидавшею ихъ опасностью потонуть въ славянскомъ морѣ и льстить вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ національному самолюбію, ихъ расовымъ страстямъ и инстинктамъ.

Неудивительно поэтому, что мадыары, возмнивъ дѣйствительно о своемъ призваніи и почувствовавъ силу и власть въ рукахъ своихъ, постепенно усвоили себѣ систему всяческаго угнетенія славянскихъ народностей Угріи, сокращенія ихъ политическихъ правъ, ихъ культурнаго подавленія, въ чемъ находили себѣ постоянно поощреніе со стороны австрійской государ-



ственной власти и династии. Но послѣднія могли бы, если бъ не были ослѣплены своимъ пристрастіемъ, рассчитать и предусмотрѣть, что мадьярская притязательность и національная нетерпимость не замедлятъ обратиться и противъ самой Австріи, что мадьяры въ своей политикѣ притѣсненія прочихъ народностей въ концѣ концовъ не пощадятъ и нѣмцевъ, что они не довольствуются предоставленнымъ имъ привилегированнымъ положеніемъ, а будутъ стремиться все къ большей независимости, все къ большому обособленію.

Такъ оно и случилось на дѣлѣ; а когда Австрія въ половинѣ XIX в. (въ роковую во всей Европѣ годину 1848 г.) оказалась въ самомъ тяжеломъ, критическомъ положеніи повсемѣстной внутренней смуты, то прежде всѣхъ и всего рѣшительнѣе поднялись противъ нея и не только противъ господствовавшего реакціоннаго австрійскаго режима (Меттерниха), но и противъ самой династии, именно мадьяры, поставившіе монархію своимъ возстаніемъ въ столь великое и опасное затрудненіе, что ей пришлось обратиться за помощью къ тому государству, которое она считала своимъ соперникомъ и съ которымъ ее до нынѣ соединяли временами и поневолѣ лишь одинъ общій внѣшній врагъ—турки. Въ то же время мадьяры своими притязаніями и внутренней политикой такъ возбудили противъ себя всѣхъ угорскихъ славянъ (хорватовъ, словаковъ, сербовъ и русскихъ), что заставили и ихъ заодно съ русскими войсками Николая I защищать Австрію.

Эта помощь Австріи и вмѣшательство Россіи въ австро-угорскія дѣла, при всей ихъ кажущейся бесполезности и исторической аномальности съ русско-славянской точки зрѣнія, имѣли все-же несомнѣнно и



извѣстное политическое значеніе: общее—въ смыслѣ поддержанія равновѣсія въ Средней Европѣ въ виду возрастанія идеи всегерманскаго единенія, котораго представительницей готовилась уже тогда выступить Пруссія, и частное значеніе, весьма существенное для австро-угорскаго славянства, для подъема его духа, его нравственныхъ силъ и для роста идеи славянской взаимности, наконецъ и для русско-мадьярскаго знакомства, чему такъ способствовало пребываніе русскихъ войскъ въ Угріи. Однакожъ, рядомъ съ положительными благопріятными слѣдствіями, эти событія, какъ это всегда бываетъ, имѣли и свои глубоко отрицательные для славянскаго дѣла результаты, которые обнаружались очень скоро. Укрошеніе мадьяръ съ помощью Россіи и славянъ не могло не возбудить первыхъ еще болѣе противъ послѣднихъ, не могло смягчить венгерской столь тяжелой мадьяризаторской политики, не могло также ослабить упорства мадьярскихъ политическихъ домогательствъ.

Съ другой стороны и Австрія, видя національное пробужденіе и возрастающія притязанія своихъ славянъ, какъ будто испугалась послѣдствій своего обращенія къ славянской помощи, такъ какъ слишкомъ боялась Россіи и ея вліянія на славянъ и даже на мадьяръ. Послѣ крутой расправы и временнаго возвращенія къ абсолютизму и централизаци, она не замедлила постепенно возвратить мадьярамъ почти всю конституціонную ихъ свободу и развязать имъ руки по отношенію къ прочимъ элементамъ Угріи.

Но на этомъ дѣло не остановилось. Когда Австрію послѣ несчастной итальянской войны (1859 г.) постигла въ 1866 г. въ австро-прусской войнѣ новая ката-



строфа, на сей разъ уже со стороны все усиливавшася ея соперника Пруссіи, повлекшая за собой насильственное и оскорбительное исключеніе Австріи изъ германскаго союза, мадьяры ловко воспользовались удобнымъ моментомъ и склонили Австрію, побуждаемую къ тому чувствомъ самосохраненія, боязнью Пруссіи и Россіи, къ окончательному рѣшенію въ ихъ пользу историческаго австро-угорскаго конфликта, къ коренной внутренней реформѣ, а именно къ созданію дуализма (1867 г.). Благодаря этой системѣ была почти восстановлена государственная обособленность Угрии, составившей теперь вмѣстѣ съ Семиградьемъ, Банатомъ и Хорватіей особую самоуправляющуюся половину Габсбургской имперіи (объединяемой лишь династіей и нѣкоторыми вѣдомствами), такъ называемую Транслейтанию, гдѣ полное господство было предоставлено мадьярамъ. Въ іюнѣ 1867 г. императоръ Францъ Іосифъ короновался по старымъ обычаямъ въ Пештѣ угорской короной. Этимъ открылась новѣйшая эра въ исторіи какъ Дунайской монархіи, такъ и вообще Карпато-дунайскихъ земель, — эра, которую по справедливости надо назвать нѣмецко-мадьярскою.

### VIII.

#### Дуализмъ и новѣйшая Австро-Венгрія.

Новѣйшій историческій періодъ, въ который Австрія вступила позорно выброшенной изъ Германіи, изъ германскаго союза, и добровольно себя политически раздвоившею, періодъ господства нѣмецко-мадьярскаго характеризуется съ одной стороны внутренней,



дошедшей до крайняго своего обостренія и напряженія національной борьбой на почвѣ своеобразнаго австрійскаго конституціонализма — противъ стремленій германизма и мадьяризма — и самозащитой прочихъ, главнѣйше, конечно, славянскихъ народностей, или всѣмъ подавленнымъ (какъ словаки, русскіе), или отстаивающихъ равноправность и историческое право (какъ хорваты, чехи); съ другой стороны—онъ характеризуется тѣми безконечными внѣшними и внутренними осложненіями и глубокими противорѣчіями, въ которыхъ запуталась эта этнически болѣе славянская, чѣмъ нѣмецкая или мадьярская держава, слѣдуя своей традиціонной антиславянской габсбургской политикѣ и послушно служа орудіемъ германскаго напора, а въ то же время будучи послѣдовательно размываема и подрываема этимъ самымъ фатальнымъ и гибельнымъ для ея существованія ростомъ пангерманизма и связаннаго съ нимъ либеральнаго и протестантскаго прусско-нѣмецкаго движенія „прочь отъ Рима“.

Этотъ безнадежный хаосъ непримиримыхъ антогонизмовъ и противорѣчій, поддерживаемый настоящей дуалистической системой и габсбургско-германскимъ политическимъ режимомъ и тенденціями, долженъ въ концѣ концовъ привести или къ полному государственному разложенію и крушенію, или же къ перестройкѣ монархіи на новыхъ началахъ, дѣйствительно соответствующихъ ея этническому сложенію и историческимъ правамъ ея главныхъ народовъ.

Совершившееся послѣ побѣды Пруссіи надъ Австріей (1866 г.) оскорбительное исключеніе послѣдней изъ германскаго союза и вообще изъ Германіи, казалось, должно бы было послужить окончательнымъ толчкомъ къ



тому повороту, который, въ сущности, могъ произойти уже въ 1806 г. съ созданиемъ собственно „Австрійской имперіи“, т. е. къ перерожденію Австріи въ смыслъ полной эманципаціи отъ Германіи и ея задачъ и восстановления историческихъ правъ своихъ главныхъ составныхъ частей, къ организаціи на наиболѣе справедливыхъ, напр., федеративныхъ началахъ новой, вполнѣ независимой Дунайской державы, оправдывающей свое названіе (Австрія—Austria, Ostreich, Oesterreich), въ которой на сѣверо-западѣ группа земель Чешской короны (Чехія, Моравія, Силезія) являлась бы надежнымъ оплотомъ противъ прусско-нѣмецкаго владычества и пангерманизма, въ то время, какъ земли славянъ юго-западныхъ (хорватско-словенскихъ) служили бы предохранительнымъ валомъ отъ напора италіанской стихіи, а на востокѣ и югѣ группа земель и племень „Угорской короны“, при полной народной равноправности, представляла бы естественную почву и историческую опору для развитія вліянія Карпато-дунайскихъ областей въ соплеменныхъ земляхъ Балканскаго полуострова и для совмѣстной съ Россіей политики относительно Турціи.

Но Австрія, т. е. главнымъ образомъ династія, не могла и не хотѣла помириться съ внезапной утратой своей роли и значенія въ германскомъ мірѣ, не хотѣла отрѣшиться отъ своихъ историческихъ германскихъ традицій, отъ своей враждебно-наступательной противъ греко-славянскаго Востока миссіи и предпочла самостоятельности сильной мадяро-славяно-австрійской федеративной монархіи—унизительную служебную роль послушнаго приспѣшника и орудія въ рукахъ своего естественнаго соперника, — объединившейся Германіи, съ которой ей уже не прихо-



дится конкурировать ни въ силѣ (вслѣдствіе своего внутренняго разлада и безпомощности), ни въ великодержавномъ значеніи. Допущенная ею новая государственная система дуализма, т. е. раздѣленія имперіи на двѣ половины и предоставленіе одной изъ нихъ, именно восточной, въ полное распоряженіе мадьярамъ, иначе возстановленіе вмѣсто прежней Угріи новой Мадьяріи, было лишь неизбѣжнымъ исходомъ и завершеніемъ начавшейся еще въ XVIII в. благопріятной мадьярамъ и враждебной славянамъ габсбургской политики.

Правда, самостоятельная организація Венгріи, т. е. „Транслейтаніи“ на первыхъ порахъ не считалась безусловно вредною для немадьярскихъ народностей вообще и для карпато-дунайскаго славянства въ частности и была проведена даже не безъ вліянія русской политики, ожидавшей отъ этой перемѣны блага для славянъ, въ виду либеральнаго настроенія лучшихъ вождей мадьярскаго народа, такихъ дѣятелей, какъ Дзакъ и Этвешъ. У этихъ, наиболѣе прозорливыхъ и благородныхъ политиковъ, какъ и вообще у лучшихъ тогдашнихъ мадьяръ (какъ, напр., и у историка Салая), замѣтно проявлялась готовность дать удовлетвореніе справедливымъ національнымъ требованіямъ славянъ и румынъ, не лишая ихъ извѣстныхъ правъ и организовать венгерское самоуправленіе на началахъ большей справедливости.

Но эти благородныя стремленія, обѣщанія и мечты очень скоро разлетѣлись, какъ дымъ, среди все сгущавшейся атмосферы мадьярской національной исключительности, нетерпимости и шовинизма. Мадьяры воспользовались своею властью и грубою силою, предоставленными имъ нѣмецкимъ правительствомъ и династіей,



для утверждения въ Транслейтаніи полного и безконтрольнаго своего господства, между прочимъ, посредствомъ неправильнаго, искусственнаго дѣленія страны на избирательные округа (съ преобладаніемъ или участіемъ мадьярскаго населенія, вмѣсто естественнаго дѣленія—по народностямъ). Но имъ недостаточно было и политическаго господства.

Дойдя до крайняго предѣла самомнѣнія, высокомерія и нетерпимости и подстрекаемые все той же австрійской славянофобіей и пресловутымъ пугаломъ всепоглощающаго панславизма, они задались нынѣ еще болѣе смѣлой и грандіозной задачей—навязать всѣмъ угорскимъ народностямъ свой языкъ, всѣхъ обезличить и затѣмъ омадьярить, обративъ, такимъ образомъ, Венгрію въ одно однородное національно-политическое цѣлое.

Надъ осуществленіемъ этой мечты они работаютъ упорно и послѣдовательно вотъ уже многія десятилѣтія, не щадя никого, даже и самихъ нѣмцевъ (напримѣръ, трансильванскихъ саксовъ), чѣмъ вызываютъ негодованіе и попреки австрійскихъ нѣмцевъ въ неблагодарности. Съ другой стороны, мадьяры съ неменьшей энергіей стремятся къ все большему обособленію и независимости Венгріи и этимъ, конечно, подкапываются подъ основу и старую историческую идею Дунайскаго государства, подъ его цѣлость и единство. Продолжая имъ уступать и потакать, Габсбурги, какъ представители этой идеи и общеавстрійскихъ интересовъ, сами, такъ сказать, роютъ себѣ яму, ибо мадьяры обращаются нынѣ слишкомъ явно изъ ихъ союзника въ орудіе подрывающихъ ихъ значеніе пангерманизма и германской имперіи, какъ во внутреннихъ дѣлахъ Австро-Венгріи, такъ и въ австрійской балканской политикѣ.



Въ такихъ коренныхъ противорѣчїяхъ и заключается весь безнадежный трагизмъ положенїя династїи и Австрїи въ ихъ двусмысленной, несамостоятельной безпринципной политикѣ и роли.

Дѣло въ томъ, что этотъ внутреннїй разладъ не ограничивается отношенїями чисто-политическими или національными. Онъ идетъ глубже, вслѣдствїе столкновенїя искони представляемыхъ и защищаемыхъ Австрїей и Габсбургами интересовъ римско-католической церкви и папства съ имъ противными, исходящими изъ Пруссїи, пангерманскими тенденціями въ протестантскомъ, болѣе демократическо-либеральномъ духѣ. Австрїя, такимъ образомъ, ставъ на путь пангерманской, прусско-нѣмецкой политики, очутилась въ глубокомъ разладѣ, въ коллизїи со своими старыми традиционными римско-папскими, латинскими стремленїями, задачами и сочувствїями, столь дорогими многимъ изъ ея католическихъ народовъ. Результатомъ этого была неблагоприятная для государственнаго развитїя и единства новая группировка и раздвоенїе факторовъ, дотолѣ солидарныхъ и связанныхъ общимъ интересомъ, усиленїе элементовъ смуты и разложенїя, крайнее обостренїе взаимной вражды и неустанной борьбы народовъ, политическихъ партїй и культурныхъ теченїй, неустойчивость и шаткость правительственной политики и среди всего этого въ высшей степени затруднительное, щекотливое и фальшивое положенїе короны и династїи.

Особенно обострились австрїйскїя отношенїя въ эпоху антипапской политики Германїи и Бисмарка и пресловутаго Kulturkampf'a, но въ новѣйшее время эта послѣдняя смѣнилась болѣе дальновидной примирительной относительно Рима политикой Вильгельма II, ищущей



шаго сближенія съ католическимъ міромъ — въ сознаниі общности задачъ на греко-славянскомъ Востокѣ.

Однакожь, насколько еще велико могущество Римской церкви и папства, насколько еще крѣпки и прочны старыя связи съ ними Габсбургской династіи и Австріи, настолько же сильны и стойки свившія себѣ здѣсь гнѣздо прусско-германскія антипапскія стремленія „прочь отъ Рима“, а потому всѣ эти примирительныя теченія, равно какъ и временныя политическіе союзы (какъ „тройственный“ и сепаратный австро-германскій) не могутъ уничтожить или хоть сгладить то глубокое, внутреннее, духовное противорѣчіе и ту фальшь, которыя лежатъ въ одновременной службѣ Габсбурговъ, а слѣдовательно и ихъ монархіи, съ одной стороны — папству и римско-католической идеѣ, какъ своимъ историческимъ завѣтамъ, съ другой — протестантскому либеральному пангерманизму и идеѣ прусско-нѣмецкаго имперіализа. Этотъ разладъ между силами, которыхъ единеніе и совокупная дѣятельность такъ тяжело всегда отзывались на западномъ славянствѣ, оказывается, конечно, до нѣкоторой степени на руку славянамъ австрійскимъ въ ихъ борьбѣ съ германизационными и централизационными поползновеніями правительства, а равно и съ ультрамонтанствомъ и іезуитизмомъ воинствующей римской церкви, и они имъ пользуются, сколько можно; но при всемъ томъ ихъ современное положеніе, какъ и положеніе стонущихъ подъ мадьярскими насиліями угорскихъ славянъ, крайне тяжелое, и ихъ стойкая борьба за національныя права и за самое бытѣе свое противъ аномальнаго и несправедливаго мадьяро-нѣмецкаго режима привлекаетъ глу-



бокiя сочувствiя и нравственную поддержку всего славянскаго и даже отчасти неславянскаго мiра.

Въ послѣднiя десятилѣтiя, по мѣрѣ развитiя и роста наступающаго пангерманизма какъ въ средней Европѣ вообще, такъ и въ нѣдрахъ самой Австрiи, славянское движенiе въ ней и дѣятельныя стремленiя подавляемыхъ славянскихъ народностей (особенно чеховъ, словенцевъ, русскихъ въ Галицiи, хорватовъ и сербовъ) къ отвоеванiю себѣ политической равноправности, въ связи съ утвержденiемъ въ Австрiи конституцiоннаго строя, чрезвычайно усилились и до нѣкоторой степени умѣряютъ успѣхи мадьяризма въ Венгрии и особенно германизма въ Австрiи. Но къ сожалѣнiю этимъ стремленiямъ и этому славянскому отпору не достаетъ необходимаго единенiя, согласiя, сплоченности, опирающихся на сознанiя громадной важности національнаго единства и полной общности интересовъ и задачъ.

Исконный историческiй грѣхъ славянъ, выражавшiйся издавна въ безпрестанныхъ взаимныхъ счетахъ, усобицахъ и завистливомъ соперничествѣ и бывшiй причиной столькихъ бѣдствiй и частыхъ успѣховъ надъ ними то тѣхъ, то другихъ враговъ-насильниковъ, къ сожалѣнiю, и нынѣ еще мѣшаетъ имъ сплотиться, забывъ взаимную вражду, и общими силами завоевать себѣ въ томъ государствѣ, которое ихъ объединило, соответственное ихъ этническому мѣсту и историческимъ правамъ и преданiямъ правовое положенiе, рядомъ съ австрiйскими нѣмцами и мадьярами.

Разобщенность, разрозненность и слабость славянъ не только вредитъ имъ въ домашнихъ ихъ дѣлахъ, въ отстаиванiи ихъ народныхъ правъ, но и лишаетъ ихъ принадлежащаго имъ по существу дѣла и по исторiи



значенія и вліянія во внѣшней политикѣ Австро-Венгріи, особенно въ столь важномъ вопросѣ, каковъ балканскій или турецкій. Между тѣмъ огромный такъ называемый „восточный“ или общеславянскій вопросъ, какъ мы уже указывали, связываетъ ихъ собственную судьбу и ихъ будущность съ рѣшеніемъ исторической судьбы Балканскаго полуострова и Южнаго славянства.

Мы уже выше отмѣчали, что географическія и этническія связи и отношенія и историческое тяготѣніе въ задунайскія области, характеризовавшія жизнь и политику старой самостоятельной Угрии, были естественно унаслѣдованы и поглотившей ее новой Дунайской державой. Съ этой точки зрѣнія дѣятельная политика послѣдней на Балканскомъ полуостровѣ находитъ себѣ достаточное историческое объясненіе. Но вопросъ самый первый и важный—это ея сущность, ея характеръ. А послѣднія невольно опредѣляются, конечно, преобладающими въ Австро-Венгріи политическими факторами и силами. Если этой балканской политикѣ даютъ направленіе и вдохновляютъ ее съ одной стороны мадьярскія славянофобія, національный шовинизмъ и непомерная притязательность, а съ другой—внушаемая германской имперіей пангерманскія вождѣленія и историческій *Drang nach Osten*, воплощаемые самой династіей и современной государственной системой, какъ это на дѣлѣ и было по большей части въ наши дни (напр., съ окупаціей и затѣмъ аннекціей Босніи и Герцоговины и несчастнымъ для славянъ хозяйничаніемъ тамъ), то такая австрійская политика не можетъ конечно итти на пользу какъ заинтересованныхъ и постепенно освобождаемыхъ великой Россіей отъ турецкаго гнета балканскихъ народовъ, такъ и Карпато-ду-



найскаго славянства, да и вообще всего славянскаго міра.

Дѣятельная роль и исторически-законное вліяніе Дунайскихъ земель на судьбу и отношенія народовъ Балканскаго полуострова должны быть опредѣляемы лишь истинными, существенными интересами послѣднихъ и естественно связанными съ ними интересами и выгодами соплеменныхъ народовъ Австро-Венгрии, т. е. большинства ея населенія, въ соблюденіи которыхъ заключается и истинное благо и прочная будущность этого государства. Только при такихъ нормальныхъ условіяхъ можно было бы вполнѣ примириться съ предоставленіемъ Дунайской державѣ извѣстной роли и вліянія на полуостровѣ, съ осуществленіемъ здѣсь ея частныхъ, экономическихъ и культурныхъ—народныхъ, преимущественно западно-славянскихъ, а отнюдь не западно-европейскихъ, пангерманскихъ или римско-церковныхъ интересовъ, наконецъ съ нѣкоторымъ участіемъ ея въ окончательномъ рѣшеніи турецкаго и южно-славянскаго вопросовъ, въ которомъ первая и главная роль можетъ и должна принадлежать только Россіи.

Въ противномъ случаѣ, т. е. при настоящихъ неестественныхъ условіяхъ мадыаро-нѣмецкой государственной системы, направляющихъ и внѣшнюю политику Австро-Венгрии,—это ея вліяніе, интересы и участіе могутъ итти безусловно лишь ко вреду славянства, къ непрочному, неправильному, а потому лишь временному рѣшенію великаго „восточнаго“, т. е. славянскаго вопроса.

Все сказанное должно убѣдить всякаго безпристрастнаго судью въ томъ, что охарактеризованный нами современный искусственный и глубоко несправедливый строй Австро-Венгрии, основанный на отдачѣ



большинства ея народовъ въ жертву мадьяризму и воинствующимъ западно-европейскимъ стихіямъ (пан-германизму, католицизму и пр.), и приведшій нынѣ къ крайнему внутреннему хаосу, разладу, ожесточенной борьбѣ и смутѣ, не только не обезпечиваетъ государству правильнаго и прочнаго развитія и вообще сколько-нибудь вѣрнаго будущаго, но напротивъ, можетъ имѣть для него въ недалекомъ времени самыя трагическія послѣдствія, ибо для достиженія ихъ, т. е. распаденія и разложенія государства послѣдовательно работаютъ тѣ именно силы, которымъ роковымъ образомъ потакаютъ Австрія и ея династія, т. е. мадьяры и германскій „Drang“.

Между тѣмъ, самое существованіе Дунайской монархіи, объединяющей западное славянство вмѣстѣ съ нѣкоторыми, самой судьбой съ нимъ спаянными, народностями и могущей составить надежную опору (рядомъ съ великой восточной славянской имперіей) для народовъ Балканскаго полуострова, а съ другой стороны достаточно сильный противовѣсъ объединенной Германской имперіи съ ея всенѣмецкими задачами въ средней Европѣ, могло бы быть признано полезнымъ и нужнымъ не только для славянскаго міра, но и для политическаго равновѣсія съ общеевропейской точки зрѣнія и особенно въ интересахъ романской Европы, и въ частности—Франціи, которая хорошо понимаетъ это и не оставляетъ случая выказать<sup>1)</sup>.

<sup>1)</sup> Это выражалось не разъ въ политическихъ манифестаціяхъ, напр., чешско-французскихъ, высказывалось французскими политическими дѣятелями и писателями. Достаточно назвать хотя бы имена Леруа Больё, René Henry Шерадама etc. Оттуда сочувствія Франціи такому явленію, какъ „кельто-славянская лига“.



Но, чтобы Дунайская держава действительно выполняла свое историческое назначеніе и истинное призваніе, она должна быть внутренно-сильною; вполне самостоятельною, прочно стоящею на своихъ естественныхъ, историческихъ и народныхъ основаніяхъ, почерпающею свою силу и вліяніе не извнѣ, а изъ себя самой, изъ главныхъ элементовъ своего состава и организма.

Очевидно нынѣшняя Австро-Венгрія въ своемъ хаотическомъ, расшатанномъ состояніи, если ей вообще суждено еще существовать, должна будетъ въ скоромъ времени подвергнуться коренной перестройкѣ на вышеуказанныхъ началахъ. Такимъ образомъ Карпато-дунайскія земли должны, повидимому, скоро вступить въ новую историческую эру.

Если Австрія не доведетъ себя до катастрофы или полного распаденія, при извѣстныхъ условіяхъ желательнаго для объединительныхъ и завоевательныхъ стремленій германизма, или насильственного переворота во взаимномъ соотношеніи и распредѣленіи ея элементовъ и силъ, то внутреннее, мирное переустройство ея на новыхъ, естественныхъ основаніяхъ возможно лишь въ двойномъ смыслѣ или направленіи: при существенномъ измѣненіи взглядовъ и политики хотя бы одного изъ двухъ главныхъ политическихъ факторовъ современной Австро-Венгріи, т. е. или Габсбургской династіи, или привилегированной нынѣ мадьярской народности и ея вожаковъ.

Если Габсбурги и поддерживающія ихъ австрійскія католическія сферы въ состояніи понять, пока еще не поздно, къ чему ихъ приведутъ въ концѣ-концовъ съ одной стороны непрекращающіяся уступки мадьяризму и транслейтанскому сепаратизму, съ другой—въ самой



Цизлейтаніи потаканье пангерманскимъ теченіямъ и притязаніямъ, если въ старой австрійской династіи заговоритъ наконецъ сильнѣе и рѣшительнѣе чувство старой вѣковой гордости, уязвленнаго самолюбія, глубокой обиды, нанесенной ей молодымъ соперникомъ, Гогенцолернами посредствомъ позорнаго изгнанія ея изъ Германіи, и заставитъ ее отрѣшиться отъ служенія имъ и вообще пангерманской идеѣ, если, наконецъ, рядомъ съ этимъ чувство справедливости заставитъ династію услышать стоны и безпрестанныя жалобы жестоко подавляемыхъ мадьярскимъ шовинизмомъ и насиліями народностей и законныя требованія цизлейтанскихъ славянъ и взять ихъ подъ свою защиту,— въ такомъ случаѣ можетъ высшею имперскою или королевскою волею быть положенъ конецъ настоящему мадьярскому господству и безправію прочихъ народностей въ Венгріи, а въ Цизлейтаніи могутъ быть также восстановлены племенное равновѣсіе, равноправность и историческія права одной изъ главныхъ составныхъ частей Австріи, т. е. „земель Чешской короны“. А въ такой перемѣнѣ политики династія нашла бы могущественную поддержку всѣхъ славянскихъ племенъ Австро-Венгріи, румынъ и даже, по всей вѣроятности, трансильванскихъ нѣмцевъ (саксовъ), т. е. огромнаго большинства ея подданныхъ, при полной поддержкѣ и содѣйствіи остального славянства, что несомнѣнно ее усилило бы и подняло ея значеніе и престижъ, не говоря уже о достигаемомъ этимъ укрѣпленіи всей монархіи.

Но возможно ли ожидать отъ Габсбургской династіи, нѣмецкой по крови и по духу, такого постиженія истинныхъ современныхъ интересовъ своихъ и своего



государства, отрѣшенія отъ стародавнихъ германскихъ традицій и исторической роли въ германскомъ мірѣ, въ чемъ ее поддерживаютъ многочисленныя еще живыя ея связи съ нимъ, особенно съ нѣкоторыми его членами,—это безнадежный вопросъ, для рѣшенія котораго въ утвердительномъ смыслѣ мы не находимъ, къ сожалѣнію, ни въ исторіи, ни въ настоящемъ никакихъ данныхъ или основаній.

Другое возможное условіе благополучнаго рѣшенія наступающаго для Австріи кризиса есть перемѣна настроенія и политики другого историческаго фактора, искусственно поднятаго и надѣленнаго властью противоестественной австрійской политической системой, а именно мадьярской народности. Не представляется ли съ этой стороны нѣсколько болѣе надежды на благопріятное для будущаго Дунайской державы и всѣхъ ея народовъ внутреннее переустройство?

Надо сознаться, что настоящее настроеніе мадьяръ, ихъ народныхъ вождей и большинства ихъ политическихъ партій, которыхъ обуяла въ наши дни настоящая мадьяризаторская горячка и ослѣпилъ какой-то безотчетный страхъ передъ славянствомъ, не возбуждаетъ особенныхъ надеждъ на возможность перемѣны политики въ ближайшемъ будущемъ.

Но, хотѣлось бы думать, что тутъ отрезвленіе все же возможно и должно же наступить рано или поздно—подъ вліяніемъ все возрастающей угрозы завоеваній пангерманизма, одинаково опаснаго какъ для славянъ, такъ и для мадьяръ. Сила вещей и историческія событія должны, наконецъ, убѣдить и народную венгерскую массу и самыхъ предубѣжденных мадьярскихъ шовинистовъ, что будущность ихъ народа—въ прими-



реніи и сближеніи съ окружающими ихъ народностями, съ угорскими славянами въ частности и славянствомъ вообще, въ соединеніи ихъ силъ, ихъ труда и ихъ дарованій для совмѣстной борьбы съ общимъ наступающимъ врагомъ—германизмомъ, что въ этомъ союзѣ равноправныхъ и солидарныхъ другъ съ другомъ народностей заключаются жизненные интересы и самая надежная политическая опора, можно даже сказать, спасеніе самой Дунайской монархіи, которую коварно толкаетъ въ пропасть междоусобій и разложенія ея прусско-германскій союзникъ.

Если исторія, какъ мы замѣтили, не даетъ намъ никакихъ основаній для ожиданія какого-либо благоприятнаго славянской Австріи переворота въ образѣ мыслей и сочувствіяхъ нѣмецкой Габсбургской династіи, всегда остававшейся вѣрной своей исконной враждебности къ греко-славянскому міру, то относительно мадяро-славянскихъ отношеній и нашей еще не утраченной надежды на ихъ постепенное измѣненіе, мы, напротивъ, именно въ исторіи, какъ она насъ учитъ и какъ достаточно, надѣмся, выясняется и изъ нашего очерка, почерпаемъ и поучительныя указанія и существенную опору.

Въ самомъ дѣлѣ, если современный мадярскій племенной шовинизмъ, ни съ чѣмъ не сообразныя національныя притязанія и вождедѣнія мадяръ, безотчетный ихъ страхъ передъ призракомъ панславизма и взаимная враждебность этихъ народностей въ Угріи (особенно со стороны мадярской) представляютъ нѣчто сравнительно новое, искусственное и раздутое, плодъ противоестественной австрійско-нѣмецкой политической системы и агитаціи, главнымъ образомъ, за послѣднее



столѣтіе, если ничего подобнаго не было ни въ старой самостоятельной Угріи, ни въ эпоху турецкаго владычества и борьбы за историческія права и вольности угорскихъ народовъ при сляніи съ австро-габсбургской державой (съ половины XVI до половины XVIII вв.); если, напротивъ, жизненная сила славяно-мадьярской Угріи во всѣ вѣка (до конца XVIII в.) заключалась въ согласіи, въ общности земскихъ интересовъ и задачъ ея народовъ, въ стремленіяхъ центростремительныхъ при полной племенной равноправности, въ дружной борьбѣ съисконнымъ врагомъ, посягавшимъ издавна на ея самобытность и независимость, и, наконецъ, ее осилившимъ, если даже и въ наше время среди самихъ мадьяръ и ихъ представителей раздавались время отъ времени благородные голоса въ пользу примиренія и уступокъ національнымъ интересамъ и правамъ прочихъ венгерскихъ племенъ (вспомнимъ Деака, Этвеша, Салая, Мочари); то почему не предполагать возможности возврата къ такимъ же отношеніямъ въ современной Дунайской державѣ, угрожаемой въ бытіи своемъ все тѣмъ же западнымъ врагомъ и могущей сохранить свою цѣлость, самостоятельность и великодержавную роль лишь при правильномъ соотношеніи своихъ составныхъ частей, при справедливомъ удовлетвореніи историческихъ народныхъ правъ, лишь при внутреннемъ политическомъ равновѣсіи и гармоніи.

Если насъ спросятъ, какимъ путемъ можно бы ускорить этотъ внутренній переворотъ, эту перестройку національныхъ отношеній и силъ, какъ подготовку къ политическому преобразованію государства, съ которой придется поневолѣ считаться и династіи (если она доживетъ своей судьбой), то мы укажемъ, какъ на един-



ственно возможный, вѣрный и спасительный путь къ этой цѣли, на скорѣйшее прочное *взаимное сближеніе и союзъ* *всею уюфскаю и австрійскаю славянства*, на забвеніе славянскими племенами взаимныхъ счетовъ, ссоръ, мелкаго соперничества и узкихъ сепаратистическихъ тенденцій, на соединеніе ими воедино всѣхъ народныхъ силъ, стремленій и интересовъ, на общую неустанную дружную работу (каждый народъ въ своей политической сферѣ и сообразно своимъ условіямъ) и упорную борьбу за свои народныя права и за идею государственнаго единства и независимости Австріи противъ главнаго ихъ историческаго врага. Такое соединеніе славянскихъ силъ Австро-Венгрии вмѣстѣ съ примирительнымъ и безпристрастнымъ отношеніемъ къ старымъ сожителямъ и сподвижникамъ въ борьбѣ за свободу, къ мадьярамъ, могло бы образумить, отрезвить и послѣднихъ, отвлечь ихъ отъ пагубной идеи созданія самостоятельной „Мадьярии“ и привлечь къ общему дѣлу переустройства Дунайской славяно-австро-венгерской имперіи на новыхъ началахъ, къ дѣлу ея полнаго обновленія и укрѣпленія.

Въ такомъ процессѣ глубоко заинтересовано все славянство и, разумѣется, Россія, русскій народъ во главѣ его, ибо съ нимъ, съ этимъ австрійскимъ вопросомъ неразрывно связано желательное разрѣшеніе всего такъ называемаго „восточнаго“, т. е. западно- и южно-славянскаго вопроса, а, слѣдовательно, и дальнѣйшая судьба нашего греко-славянскаго міра. Карпато-дунайской монархіи, какъ державѣ, объединяющей на справедливыхъ началахъ всѣ народы этой территоріи, и представляющей частные интересы западнаго славянства, какъ могущественному оплоту греко-славянскаго Востока противъ пангерманскаго нашествія, какъ



самостоятельному звену между европейскимъ Западомъ и Востокомъ, Россія и славянство могли бы всегда сочувствовать, и первая охотно раздѣлила бы съ *такой* державой вліяніе на Балканскомъ полуостровѣ. Но когда это будетъ и будетъ ли?

Во всякомъ случаѣ, долгъ всего славянства и прежде всего Россіи всячески хотъ нравственно и духовно поддерживать австрійскихъ и угорскихъ славянъ и тѣ народы, которые примкнуть къ нимъ, въ ихъ великой задачѣ политическаго обновленія и возрожденія своего государства.

## IX.

### Карпато-дунайскія земли и Австро-Венгрія въ русскихъ историческихъ изученіяхъ.

Представленный нами здѣсь общій обзоръ историческаго прошлаго Карпато-дунайскихъ земель и политической судьбы ихъ народовъ, служитъ, какъ намъ кажется, достаточно прочнымъ обоснованіемъ высказаннаго нами выше положенія объ исключительно-важной роли этихъ земель въ исторической жизни славянства и вообще всего греко-славянскаго міра, особенно въ его отношеніяхъ къ міру западно-европейскому, а тѣмъ самымъ и въ общей политической и культурной исторіи всей Европы. Въ частности въ нашемъ изложеніи въ крупныхъ чертахъ выясняются и ближайшія историческія отношенія интересующихъ насъ земель къ отдѣльнымъ частямъ нашего славянскаго міра и, между прочимъ, отношенію къ Россіи, а равно и послѣдней къ нимъ, т. е. вопросъ наиболѣе намъ близкій и возбуждающій преимущественно наше вниманіе.



Если мы мысленно прослѣдимъ по вѣкамъ и эпохамъ эти взаимныя отношенія, то не затруднимся отмѣтить цѣлый рядъ крупныхъ и мелкихъ историческихъ явленій и событій, связывающихъ политическое, экономическое и культурное развитіе и судьбу этихъ главнѣйшихъ частей славянскаго міра и свидѣтельствующихъ о взаимномъ вліяніи и воздѣйствіи различныхъ явленій, силъ и факторовъ, въ разное время слагавшихся то на русско-славянскомъ Востокѣ, то на Карпато-дунайскомъ Западѣ. Перечислять здѣсь вновь эти факты и данныя было бы излишне, Но если нельзя отрицать почти непрерывающагося проявленія этихъ историческихъ связей и взаимодействій, то тѣмъ не менѣе не теряетъ своей силы и высказанное нами въ самомъ началѣ нашей статьи неоспоримое наблюдение, что, благодаря особымъ условіямъ сложенія и развитія нашего восточнаго русскаго міра, давшимъ и и особое направленіе его государственному росту и политическимъ стремленіямъ, всякія отношенія, государственныя и народныя влеченія и интересы этого міра именно къ сосѣднимъ землямъ Карпато-дунайскимъ, въ ихъ общемъ характерѣ и общемъ многовѣковомъ итогѣ, далеко не соотвѣтствуютъ тѣмъ установленнымъ нами значенію и важной роли, которыя принадлежатъ этимъ болѣе чѣмъ наполовину славянскимъ землямъ и ихъ трагической судьбѣ въ исторіи всего греко-славянства. Только этимъ нѣкоторымъ нашимъ историческимъ равнодушіемъ, пассивностью и сдержанностью въ эту сторону можно объяснить такія несообразныя и несомнѣнно прискорбныя для славянства явленія, какъ, напр., допущенное Россіей отлученіе и отчужденіе, а затѣмъ довольно безучастное пре-



доставленіе своей судьбѣ и произволу чуждой и враждебной власти—столь значительной и важной по старобытной роли вѣтви русскаго племени (въ Галиціи), какъ странное равнодушіе наше къ тяжелой судьбѣ и страданіямъ другихъ нашихъ Карпато-дунайскихъ соплеменниковъ, особенно въ Венгріи, какъ, далѣе, непростительныя ошибки наши въ Балканской политикѣ—по отношенію къ Австріи, подобныя предоставленію Босніи и Герцеговины мадыаро-нѣмецкой опека и захвату, а слѣдовательно и поглощенію, какъ, наконецъ, отсутствіе до сихъ поръ въ русскомъ обществѣ и въ русскихъ властвующихъ сферахъ истиннаго интереса къ внутреннимъ отношеніямъ, національной борьбѣ, культурной жизни и стремленіямъ славянъ въ Австро-венгерской монархіи и еще царствующіе у насъ по этой части поразительный туманъ или просто невѣжество.

Это отсутствіе должнаго интереса къ данному предмету, отсутствіе знаній и пониманія, этотъ важный, существенный пробѣлъ въ нашихъ географическихъ, этнографическихъ и историческихъ изученіяхъ мы подчеркнули уже въ началѣ нашего изложенія. Теперь намъ остается, въ заключеніе своей задачи, еще спеціально удѣлить этому вопросу нѣкоторое вниманіе.

Изъ всего изложеннаго нами легко видѣть, какое видное, большое мѣсто, *должны бы*, по природѣ вещей и по справедливости, занимать этнографія и исторія, древности, старина и современность Карпато-дунайскихъ земель какъ въ нашихъ научныхъ археологическихъ, этнографическихъ и историческихъ изысканіяхъ, такъ и въ школьныхъ изученіяхъ и въ популярной литературѣ, этихъ лучшихъ показателей общественныхъ интересовъ и народнаго самосознанія.



Что же оказывается въ дѣйствительности? Что находимъ мы, напр., въ нашей *ученой исторической литературѣ* по занимающему насъ предмету? Къ сожалѣнію, болѣе внимательное ея разсмотрѣніе заставляетъ признать наше утвержденіе о ея поразительной скудости отнюдь не преувеличеннымъ. Правда, можно назвать нѣсколько крупныхъ авторитетныхъ именъ нашей славистической науки, заявившихъ себя и въ этой области постановкой важныхъ вопросовъ ея изученія, самостоятельнымъ освѣщеніемъ нѣкоторыхъ ея сторонъ и даже разработкой нѣкоторыхъ частныхъ темъ и вопросовъ, но сколько-нибудь общихъ и цѣльныхъ, крупныхъ и капитальныхъ русскихъ изслѣдованій или обобщающихъ критическихъ работъ въ этой литературѣ мы указать не въ состояніи.

Не только нѣтъ общаго и цѣльнаго научнаго труда по исторіи Карпато-дунайскихъ земель въ ихъ совокупности, но нѣтъ даже и самостоятельнаго изображенія или исчерпывающей разработки какой-либо отдѣльной цѣльной эпохи или періода существованія той или другой дунайской политической организациі (Угрии, Австро-германской или Австрійской имперіи). Недостатокъ ученаго и общественнаго интереса въ этой области собенно ярко характеризуется тѣмъ, что не имѣется у насъ даже и хорошаго переводнаго сочиненія, т. е. русскаго *перевода* какого-нибудь выдающагося крупнаго общаго историческаго труда (нѣмецкаго, мадьярскаго или напр., чешскаго) по исторіи Угорской или Австрійской державы, а такихъ иностранныхъ, достойныхъ нашего вниманія трудовъ, существуетъ достаточно.

Между тѣмъ, другіе европейскіе народы, не говоря уже о нѣмцахъ, даже болѣе насъ удаленные отъ Австро-



Венгрии и географически, и судьбой, и интересами, напр., французы, имѣютъ основательные цѣльные труды по исторіи этой державы<sup>1)</sup>. Но и по изученію отдѣльныхъ, частныхъ вопросовъ изъ этой области, по части историческихъ монографій этотъ отдѣлъ исторіи представляетъ у насъ весьма мало сколько-нибудь крупныхъ, важныхъ и самостоятельныхъ работъ<sup>2)</sup>.

И, однако жъ, мы не можемъ сказать, чтобы въ ученой нашей литературѣ (главнымъ образомъ, по славистикѣ) на этотъ отдѣлъ, карпато-дунайскій или угро-австрійскій, не обращалось вовсе никакого вниманія. О великой важности изученія этой области, именно для насъ, русскихъ, говорилось давно и много разъ очень убѣдительно и авторитетно. Многіе выдающіеся наши историки и этнографы-слависты, начиная со старшаго поколѣнія (напр., Надеждинъ, Венелинъ, Срезневскій, Гильфердингъ, Н. Поповъ)<sup>3)</sup> вполне сознавали эту важность и въ своимъ ученыхъ трудахъ и статьяхъ касались вопросовъ разработки этой исторіи, удачно бросали свѣтъ на разныя ея особенности и уголки, будили и направляли въ эту сторону русскую мысль и научный интересъ и этимъ сколько-нибудь привлекали къ ней спеціальное вниманіе кое-кого изъ своихъ преемниковъ-славистовъ.

<sup>1)</sup> Хотя бы, Louis Leger, Histoire de l'Autriche-Hongrie, depuis les origines jusqu'à l'année 1894. Paris. 1895. Срав. Н. Попова, Критич. Обозрѣніе, 1897, № 12 (по поводу 1-го изд.). О Венгрии есть спеціальныя работы даже у англичанъ.

<sup>2)</sup> Нѣкоторое исключеніе представляетъ лишь Чехія и чешская исторія—благодаря своему обще-европейскому интересу и роли чеховъ въ исторіи нашей славистики.

<sup>3)</sup> Мы имѣемъ въ виду лишь отечественную науку, не включая сюда историковъ и славистовъ мѣстныхъ—галицко-русскихъ и угро-русскихъ.



Особенная заслуга въ этомъ отношеніи принадлежитъ ветерану и корифею русскаго славяновѣдѣнія вообще, и славянскихъ историческихъ изученій въ частности, глубокочтимому нашему академику Владимиру Ивановичу Ламанскому. Въ цѣломъ рядѣ своихъ трудовъ, статей и замѣтокъ, не говоря уже объ университетскихъ его чтеніяхъ (къ сожалѣнію, неизданныхъ), онъ, обнимая своимъ широкимъ взглядомъ историческую судьбу славянства и всего греко-славянскаго міра, выдвигаетъ истинное значеніе и роль Карпато-дунайскихъ земель, указываетъ на необходимость и важность разработки исторіи Угрии въ ея цѣломъ и ея составныхъ частей, проводитъ интересныя и поучительныя параллели, сближенія и аналогіи угорской исторіи съ исторіей (внѣшней и внутренней) сосѣднихъ славянскихъ державъ—Чехіи и Польши, мѣтко отмѣчаетъ интересные черты и вліянія въ исторіи взаимныхъ отношеній данныхъ земель и Россіи въ старое и новое время, наконецъ, разъясняетъ и доказываетъ настоятельную необходимость русскихъ археологическихъ, этнографическихъ и историческихъ изысканій въ этихъ областяхъ и старается привлечь общественный интересъ и участіе къ нашимъ, матеріально и духовно жестоко угнетаемымъ и подавляемымъ мадьярами и нѣмцами, соплеменникамъ<sup>1)</sup>).

<sup>1)</sup> См., напр., слѣдующіе его труды и статьи:

О Славянахъ въ Малой Азіи, въ Африкѣ и въ Испаніи. Спб. 1860.

„Рѣчь“ при защитѣ этой диссертациі. Рус. Бесѣда М. 1860, I. Объ историческомъ изученіи греко-славянскаго міра въ Европѣ. Спб. 1871.

Изученіе Славянства и русское самосознаніе (Чтеніе въ Императорскомъ Спбурск. университетѣ). 1867 Ж. М. Н. Пр., ч. СXXXIII.





По стопамъ В. И. Ламанскаго шли и нѣкоторые другіе наши слависты, которымъ изученіе судьбы и этнографіи Карпато-дунайскихъ земель, вопросовъ западно-славянскаго или „восточнаго“, и въ частности—австро-угорскаго, обязано также многими дѣльными и важными указаніями, руководящими соображеніями и замѣчаніями. Такое значеніе имѣютъ, напр., нѣкоторыя работы и статьи Нила Попова, А. А. Кочубинскаго, І. І. Первольфа и особенно А. С. Будиловича <sup>1)</sup>, а также

Видные дѣятели западно-славянской образованности въ XV, XVI и XVII вв. Слав. Сборникъ. 1875, т. I. Спб.

Историческая миссія Австро-Венгрии. „Новое Время“ 1878, № 907.

Могущество Турокъ-Османовъ въ Европѣ (рѣчь въ универс.) „Историч. Вѣстникъ“. 1880, т. I, т. II.

Secrets d'état de Venise, St.-Petersb. 1884.

Очерки Венгрии (Памяти Люд. Штура). „Извѣстія Слав. Благ. Общ.“ 1888, №№ 6—7.

Три міра Азійско-Европейскаго материка. „Слав. Обозрѣніе“ 1892, янв., февраль, мартъ и апрѣль.

и проч.

<sup>1)</sup> См. напр., его статьи:

Путевыя замѣтки о долинѣ средняго и нижняго Дуная. Ж. М. Н. Пр. 1874, декабрь.

Нѣсколько замѣчаній объ изученіи славянскаго міра. Спб., Слав. Сборн., т. II, 1878.

Новыя данныя вля исторіи восточнаго вопроса (разборъ изд. В. И. Ламанскаго Secrets d'état de Venise). Ж. М. Н. Пр. 1885, февраль, апрѣль, май и іюнь.

Нѣсколько данныхъ о научной постановкѣ славянской исторіи etc. Юрьевъ, 1898.

Тысячелѣтіе Мадьяръ. Спб. 1896.

Современный мадьяризмъ въ перспективахъ угро-славянской исторіи и жизни. „Изв. Слав. Благ. Общ.“ Спб. 1902 и проч.



въ новѣйшее время И. П. Филевича (съ точки зрѣнія древней русской исторіи) <sup>1)</sup>.

И, несмотря на все это постоянно проявлявшееся въ нашей научной славистической исторіографіи сознаніе важности этихъ изученій, она оставалась и остается до сихъ поръ такъ неимовѣрно бѣдною и тощею въ этомъ своемъ отдѣлѣ. Кромѣ коренныхъ, такъ сказать, внутреннихъ причинъ этого пробѣла, о которыхъ уже говорено нами выше, онъ можетъ быть въ извѣстной мѣрѣ объясненъ еще и тѣмъ, что въ то время, какъ наши спеціалисты по славянской исторіи удѣляютъ свое вниманіе и силы преимущественно разработкѣ исторіи отдѣльныхъ славянскихъ народовъ и ихъ государствъ (Чехіи, Польши, Южныхъ славянъ) и сравнительно мало затрагиваютъ при этомъ Венгрію и дунайскихъ славянъ, наши „всеобщіе“ историки, по большей части держащіе себя очень далеко отъ славянскихъ изученій и отъ національной русско-славянской точки зрѣнія, чуждаются занятій историческимъ прошлымъ старой Угрии и Австріи, вообще всѣхъ этихъ дунайскихъ земель, между прочимъ, конечно, и по той простой причинѣ, что основательное изученіе его источниковъ и всей литературы требуетъ знанія языковъ не только славянскихъ, но и мадьярскаго и даже румынскаго.

Результатъ этого явленія тотъ, что русская ученая литература по всеобщей Европейской исторіи насчитываетъ рядъ большихъ, самостоятельныхъ и даже довольно замѣчательныхъ трудовъ и монографій по исто-

<sup>1)</sup> Исторія Древней Руси. Т. I, Варш., 1896 и рядъ статей объ Угорской, вообще Карпатской Руси (см., напр., Варш. Унив. Изв. 1884, V и проч.). Срв. библиогр. его трудовъ. Ж. М. Н. Пр. 1913, май.



ріи Германіи, Франціи, Англіи, Італіи и проч., но почти вовсе не имѣетъ подобныхъ трудовъ (да и вообще историческихъ очерковъ, хотя бы компилятивныхъ) для Угріи и Австріи, ей, однако, несравненно болѣе близкихъ, родственныхъ и, казалось бы, привлекательныхъ.

Если мы ближе рассмотримъ содержаніе наличной столь скудной литературы нашего угро- и австровѣдѣнія, распредѣливъ его по отдѣламъ и историческимъ эпохамъ, то придемъ къ слѣдующимъ заключеніямъ, еще рѣзче подтверждающимъ нашъ общій выводъ.

Что касается изученія Карпато-дунайской территоріи въ современной и исторической этнографіи, этнологіи и археологіи, то эта область остается въ нашей наукѣ совершенно еще не разработанной и едва лишь затронутой (да и то главнымъ образомъ въ ея восточной, Карпатской окраинѣ) работами немногихъ русскихъ историковъ и филологовъ, между которыми выдѣляется нашъ проницательный Надеждинъ съ новѣйшими своими продолжателями и послѣдователями.

Въ разработкѣ собственно исторіи этихъ земель, судьбы и историческаго прошлаго тѣхъ политическихъ организацій и государствъ, въ которыя онѣ издревле и въ теченіе вѣковъ входили, трудно указать періодъ, который привлекалъ бы особенное вниманіе русской исторической науки и служилъ бы темой хоть нѣсколькихъ серьезныхъ ученыхъ работъ. Для каждой исторической эры можно пожалуй назвать кое-что: то монографію, то статью, то очеркъ, то замѣтку, имѣющіе несомнѣнно свою бѣольшую или меньшую цѣну и значеніе, но нельзя привести почти ничего болѣе крупнаго, цѣльнаго, капитальнаго.



Сравнительно болѣе другихъ эпохъ повезло у насъ все-таки *древнѣйшей* исторіи Карпато - дунайскихъ странъ—до образованія Угорской державы (до начала X в.). Этому способствовали съ одной стороны неразрывная связь древностей этихъ земель съ важнѣйшими и интереснѣйшими вопросами древностей общеславянскихъ, а также русскихъ и балканскихъ, а затѣмъ исключительные интересъ и вниманіе, которые возбуждались и у насъ издавна судьбой первой замѣчательной попытки политическаго объединенія у западныхъ славянъ, Велико-моравскимъ союзомъ, и ознаменовавшей его исторической плодотворной дѣятельностью великихъ славянскихъ просвѣтителей Свв. Кирилла и Меѳодія.

Благодаря этимъ вопросамъ, древне-исторической судьбѣ этой территоріи удѣлено значительное вниманіе и въ кирилло-меѳодіевской литературѣ (особенно въ отдѣлахъ, посвященныхъ панноно-моравской дѣятельности апостоловъ), и въ трудахъ по древностямъ общеславянскимъ, русскимъ и нижнедунайскимъ такихъ русскихъ ученыхъ, какъ Надеждинъ, Венелинъ. Ламанскій, Брунъ, Н. Барсовъ, Васильевскій, Качубинскій, Успенскій, Иловайскій, Будиловичъ, Филевичъ, Петровъ и друг. <sup>1)</sup>

Исторія старой Угрии, т. е. самостоятельной Угорской (мадьяро-славянской) державы (съ X в. по 1526 г.), при всемъ своемъ великомъ значеніи и интересѣ для исторіи славянскаго міра и для насъ, къ сожалѣнію, очень долго оставалась совсѣмъ безъ вниманія и безъ всякой разработки съ нашей стороны. Это—одинъ изъ

---

<sup>1)</sup> Позволю себѣ кстати упомянуть и о своихъ работахъ о поселеніи мадьяръ въ Дунайской равнинѣ и разрушеніи Великой Моравіи (кн. „Моравія и Мадьяры“, Спб., 1881 и разн. статьи).



самыхъ большихъ и поразительныхъ пробѣловъ въ нашихъ знаніяхъ и нашей исторической наукѣ. Только по необходимости, попутно, разрабатывая историческую судьбу сосѣднихъ государствъ и народовъ (Византіи, Южнаго славянства, Россіи и Польши), немногіе наши историки робко заглядывали въ эту темную, неизвѣданную область. Лишь въ новѣйшее время ею стали интересоваться нѣсколько болѣе, главнымъ образомъ, благодаря неустаннымъ указаніямъ все того же глубочайшаго нашего знатока славянской исторіи В. И. Ламанскаго, издавна удѣлявшаго исторіи Угріи большое вниманіе въ своихъ всегда пробивающихся путь для новыхъ ученыхъ пріобрѣтеній изслѣдованіяхъ, статьяхъ и замѣткахъ. Кромѣ того, можно назвать развѣ еще двухъ-трехъ русскихъ ученыхъ, не совсѣмъ чуждавшихся этой области и труды которыхъ, ей посвященные или ея касающіеся, на долго сохранятъ свое значеніе и могутъ послужить началомъ для дѣятельности будущихъ русскихъ историковъ Угріи<sup>1)</sup>.

Не больше, а пожалуй еще меньше сдѣлано и для изученія интереснѣйшаго періода турецкаго владычества на среднемъ Дунаѣ, завоеваній австро-герман-

<sup>1)</sup> Таковы, напр., статьи *В. Г. Васильевскаго*: „Византія и Печенѣги“, „Изъ исторіи Византіи въ XII в.“ (Слав. Сборн., т. II и III) и проч.; *Θ. Успенскаго* „Образованіе 2-го Болгарскаго царства“; *А. С. Будиловича* (Очерки изъ церк. ист. зап. Слав., Варш. 1880); *Н. Попова* „Мадьярскій историкъ Влад. Салай и исторія Венгріи отъ Арпада до Прагматической санкціи“; работы *И. П. Филевича* etc. Вспомнимъ очеркъ *Березина* „Политическое отношеніе Тріеди-наго кор. къ Венгріи (Ж. М. Н. Пр., 1873). Кстати будетъ упомянуть здѣсь и о нашей работѣ „Изъ исторіи Угріи и Славянства въ XII в.“, Варш., 1889, и о нѣсколькихъ другихъ нашихъ статьяхъ, касающихся исторіи Угріи.



скихъ и борьбы восточной Угрии (особ. Трансильваніи) за угорскую независимость и народныя права (съ 1526 по кон. XVII в.). Нѣсколько случайныхъ статей и очерковъ изъ этой эпохи—вотъ все содержаніе этого отдѣла.

Наконецъ, послѣдняя эпоха Австро-Габсбургская или мадяро-нѣмецкая (до и послѣ введенія дуализма), какъ болѣе новая, живѣе и прямѣе связанная съ разными вопросами нашей русской и славянской современности, не могла не привлекать къ себѣ нѣсколько болѣе вниманія нашего образованнаго общества и ученыхъ историковъ (по крайней мѣрѣ славистовъ). Но, несмотря на это, и тутъ мы не въ состояніи назвать ни одного сколько-нибудь значительнаго и крупнаго не только самостоятельнаго, но даже и компилятивнаго сочиненія. Вся наша литература объ Австріи (и Австро-Венгрии) съ начала XVIII в. ограничивается не очень длиннымъ рядомъ ученыхъ статей, этюдовъ и очерковъ, между которыми самая важная и цѣнная принадлежатъ все тѣмъ же русскимъ славистамъ разныхъ поколѣній, между которыми выдаются опять тѣ же знакомыя имена Ламанскаго, Гильфердига, Нила Попова, Первольфа, Будиловича, Флоринскаго, Филевича и др. <sup>1)</sup>

<sup>1)</sup> Вспомнимъ, напр., статьи: *Ламанскаго* „Сербы и южно-славянскія провинціи Австріи“ (Отеч. Зап. 1864), *Гильфердига* „Славянскіе народы въ Австріи и Турціи; Развитіе народности у западн. Славянъ; Венгрія и Славяне; Славянскія народности и польская партія въ Австріи“ и проч. (Сочин., т. II); *Н. Попова*, названная уже статья о Салаѣ, и „Австрійская публицистика передъ введеніемъ дуализма“ (Слав. Ежегодн. Кіев., III); *Первольфа*: „Австрійскіе славяне въ 1848/9 г.; Славянское движеніе въ 1848 г.; Мадьяры и восточный вопросъ“, и многія другія; *Будиловича*, кромѣ уже названныхъ статей о Мадьярахъ: „О зна-



Остается еще взглянуть на результаты нашего изучения занимающей насъ области въ границахъ *отдѣльныхъ народностей* или *племенъ*, населяющихъ Карпато-дунайскую территорію. Быть можетъ эти результаты окажутся болѣе утѣшительными?

Оставляя и здѣсь въ сторонѣ Чеховъ, которые, сообразно своему исключительному положенію и исторической роли въ далекомъ прошломъ и нынѣ, привлекали къ себѣ всегда и большій, болѣе постоянный и живой интересъ въ нашемъ обществѣ, и потому занимаютъ значительно болѣе мѣста въ русской научно-исторической литературѣ, изученіе жизни и судебъ другихъ народностей Карпато-дунайскихъ и Австрійскихъ<sup>1)</sup>, какъ ни печально въ этомъ признаться, не можетъ похвалиться своею содержательностью и крупными успѣхами.

Нечего говорить о томъ, что у насъ почти вовсе не знаютъ и не изучаютъ мадьярскую и румынскую (въ Трансильваніи, Буковинѣ, etc.) народности, столь же мало углубляются въ ихъ исторію, сколько въ ихъ языкъ, этнографію, словесность—вопреки несомнѣнной важности этихъ изученій. Особенно ощутительно отсутствіе у насъ науки мадьяровѣдѣнія и спеціалистовъ

---

ченіи русскаго похода 1849 г. для австро-угорскихъ народовъ“, etc. Къ нимъ можно бы прибавить еще рядъ статей и очерковъ, принадлежащихъ другимъ авторамъ, изъ русскихъ журналовъ и періодическихъ изданій второй половины прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія. Но такая библиографія не входитъ въ нашу задачу. Упомянемъ лишь болѣе извѣстныя имена: Кельсіева, Кустодіева, Де-Воллана, Спасовича, Фрейганга, Кулаковскаго, Филевича, Петрова, Ястребова и др. Вспомнимъ здѣсь еще новѣйшіе популярныя очерки Е. И. Де-Витте.

<sup>1)</sup> Австрійскихъ нѣмцевъ мы здѣсь совсѣмъ исключаемъ, такъ какъ есть кому заниматься и ими на Западѣ.



по этой части<sup>1)</sup>, въ виду возрастающей настоятельной потребности въ основательномъ знаніи мадьярщины для цѣлей историческихъ и филологическихъ, для усвое- нія себѣ прошлаго и настоящаго Венгріи во всѣхъ от- ношеніяхъ.

Естественно, что значительно больше вниманія съ нашей стороны должны были привлекать къ себѣ наши соплеменники, славянскія племена Австро-Венгріи: сербы, хорваты, словенцы, словаки и русскіе. Но на вопросъ, много ли сдѣлано нами по разработкѣ ихъ историческаго прошлаго, къ сожалѣнію, мы затрудни- лись бы отвѣтить утѣшительною ссылкой на богатую и содержательную литературу. Что касается сер- бовъ, хорватовъ и словенцевъ, принадлежащихъ соб- ственно къ южному, задунайскому славянству, то ихъ исторія естественно должна входить, какъ часть цѣ- лаго, въ область южно-славянскихъ изученій, и въ этомъ отдѣлѣ имъ дѣйствительно принадлежитъ свое мѣсто. Они не совсѣмъ забыты, слѣдовательно, и въ русской исторіографіи по славянству, поскольку въ нее входитъ исторія южныхъ балканскихъ славянъ. Но въ отдѣльности ихъ прошлымъ въ составѣ Австрійской монархіи и въ связи съ ея цѣлымъ—у насъ почти не занимались.

Въ такомъ же приблизительно положеніи, и во вся- комъ случаѣ, не въ лучшемъ находятся словаки и даже зарубежные русскіе, конечно, къ великому стыду наше- му. Если о современномъ бѣдственномъ состояніи и дѣ- лахъ словаковъ у насъ уже есть кое-какіе труды и

---

<sup>1)</sup> Большая часть славистовъ, занимавшихся исторіей Угрии, не были мадьяровѣдами въ настоящемъ смыслѣ слова.



статьи, между прочимъ, принадлежащія перу извѣстныхъ славистовъ <sup>1)</sup>, то напротивъ исторія ихъ, отчасти вслѣдствіе особыхъ историческихъ условій и скудости источниковъ, остается почти незатронутой.

Можно было бы ожидать, что особой привилегіей нашего вниманія и интереса пользуются братская намъ русская народность Галиціи и Венгріи, эта давно нами утраченная многострадальная часть нашего народа, ея судьба политическая, соціальная и культурная.

Однакожъ, какъ ни горько, приходится признаться что на дѣлѣ этого нѣтъ, что и тутъ мы очень и очень далеки отъ тѣхъ результатовъ, которые должны бы быть уже достигнуты нами, что и эта самая близкая намъ во всѣхъ отношеніяхъ область находилась до сихъ поръ въ неимовѣрномъ и непонятномъ запущеніи и пренебреженіи не только въ нашей общей исторіографіи и даже славистикѣ, но и у специалистовъ по русской исторіи, для которыхъ, казалось бы, она—своя, особенно нужна, неотдѣлима отъ ихъ круга изученія. Отчасти это продолжается и нынѣ, хотя и замѣтенъ уже нѣкоторый поворотъ къ лучшему, къ увеличенію интереса къ ней <sup>2)</sup>.

Въ этой области нѣсколько болѣе повезло живущимъ въ Карпатахъ и по ту сторону Карпатъ *Уиро-руссамъ*.

Эта маленькая вѣтвь великаго русскаго дерева, подавленная тяжелымъ гнетомъ мадяризма, отчасти благодаря голосамъ нѣсколькихъ своихъ выдающихся представителей (въ новое время А. И. Добрянскаго), стала

<sup>1)</sup> О нихъ писали Ламанскій, Кочубинскій, Будиловичъ, М. Д. Макушевъ, Пичъ (онъ впрочемъ чехъ, писавшій по-русски), Флоринскій и др.

<sup>2)</sup> Особенно въ послѣднее десятилѣтіе (1905—1914).



у насъ довольно рано предметомъ разносторонняго изученія славистовъ, между прочимъ, въ историческомъ отношеніи, и хотя и по этому предмету нѣтъ до-нынѣ спеціальнаго и крупнаго труда,—по крайней мѣрѣ, въ нашихъ ученыхъ изданіяхъ и журналахъ разбросано довольно много о немъ статей, очерковъ и замѣтокъ. Въ числѣ ихъ авторовъ есть имена ученыхъ и старыхъ и современныхъ намъ поколѣній, напр., Надеждина, Срезневскаго, Головацкаго, Добрянскаго, еп. Арсенія, Кустодіева, затѣмъ Кочубинскаго, Будиловича, Де-Воллана, Филевича, Флоринскаго, А. Л. Петрова, В. А. Францева <sup>1)</sup>, Э. Э. Аристова и др., хотя надо замѣтить, что собственно исторической судьбѣ угро-русовъ въ этихъ по большей части журнальныхъ статьяхъ посвящено сравнительно очень немного вниманія.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе нашей исторической ученой литературы объ Угріи, Австро-Венгріи и ея народахъ. Этотъ краткій общій обзоръ, достаточно обнаруживающій всю бѣдность этой области, можетъ послужить и нѣкоторымъ указаніемъ на наиболее существенныя и важныя пробѣлы ея, нуждающіеся въ пополненіи, на отдѣлы, заслуживающіе преимущественнаго вниманія русскихъ историковъ и славистовъ, а равно и русскихъ ученыхъ учрежденій <sup>2)</sup>.

<sup>1)</sup> Подробную библиографію можно найти въ работѣ *Вл. Францева*: „Обзоръ важнѣйшихъ изученій Угорской Руси“ (Рус. Фил. Вѣстн. Варш. 1901). Эта литература имѣетъ уже 100-лѣтнюю у насъ давность. Первый въ русской литературѣ трудъ, посвященный судьбамъ этого племени, принадлежит *Орлаю* „Исторія о Карпато-Россахъ“ въ „Сѣверномъ Вѣстн.“ въ 1804 г.

<sup>2)</sup> Въ виду этого большое сочувствіе и надежды вызываетъ поднятая не очень давно въ Этнографич. Отдѣленіи Рус. Географич. Общества мысль о сооруженіи ученой экспедиціи въ Венгрію



При такомъ состояніи нашего научнаго австро- и угровѣдѣнія и при охарактеризованномъ нами уровнѣ нашего общественнаго интереса и участія къ этой области знанія, становится довольно понятнымъ и столь поражающій насъ соотвѣтственный пробѣлъ и въ нашей общей *популярной литературѣ*, и въ особенности въ нашемъ *школьномъ* преподаваніи.

Мы уже выше, въ началѣ статьи, констатировали это прискорбное явленіе. Вопросъ учебный, вопросъ о нашихъ школьныхъ курсахъ и программахъ, въ которыхъ этотъ пробѣлъ слишкомъ очевиденъ и бьетъ въ глаза, заслуживаетъ особаго обстоятельнаго разсмотрѣнія въ связи съ критическимъ пересмотромъ нашихъ учебныхъ историческихъ программъ вообще. Но здѣсь онъ не входитъ въ нашъ планъ. Прибавимъ лишь два слова.

Неудовлетворительность нашихъ учебныхъ программъ, нашихъ школьныхъ руководствъ и пособій, особенно въ отношеніи къ направленію и точкамъ зрѣнія, есть вопросъ старый, слишкомъ знакомый, давно назрѣвшій, но, къ сожалѣнію, все еще не поддающійся счастливому разрѣшенію, безъ сомнѣнія, вслѣдствіе того, что здоровое, зрѣлое и крѣпкое національное самознаніе все еще не охватило одинаково всѣхъ слоевъ нашего общества, всей нашей жизни и нашей образованности. Дѣлались, правда, попытки къ улучшеніямъ

---

совокупными силами Общества и Академіи Наукъ для изысканій этнографическихъ, историко-археологическихъ, etc. и привлеченія въ нее лучшихъ нашихъ специалистовъ. О такомъ изученіи западно-слав. странъ Австріи и Турціи русскими учеными говорилось у насъ давно (напр. В. И. Ламанскимъ). Къ сожалѣнію, мысль эта до сихъ поръ не получила дальнѣйшаго развитія.



въ школьномъ дѣлѣ, въ учебныхъ планахъ и программахъ между прочимъ и историческихъ, но въ направленіи совершенно ложномъ, quasi-научномъ и скорѣе даже космополитическомъ, чѣмъ національно-русскомъ <sup>1)</sup>).

Еще въ 1860 г., чуть не полвѣка тому назадъ, В. И. Ламанскій, говоря о полномъ незнакомствѣ русскихъ образованныхъ людей съ сокровищами славянской литературы и народной поэзіи <sup>2)</sup>), замѣтилъ: „Впрочемъ, такія явленія не болѣе странны, чѣмъ наши географическіе и историческіе учебники, съ ихъ чуднымъ правописаніемъ мѣстныхъ и собственныхъ именъ славянскихъ, съ ихъ забавнымъ, простодушнымъ до глупости, незнаніемъ греко-славянскаго міра“. Онъ, впрочемъ, высказывалъ при этомъ надежду, что „намъ вскорѣ уяснятся всѣ эти странности нашего воспитанія, и лѣтъ черезъ тридцать на него всѣ стануть глядѣть такъ какъ глядятъ теперь на русское воспитаніе прошлаго и начала XIX столѣтія“. Однакожъ, эти надежды его, увы! еще не оправдались даже и теперь <sup>3)</sup>), а 32 года спустя (въ 1892 г.,) онъ не могъ опять не высказать подобнаго же сужденія, что „русская школа, какъ народная, такъ и средняя и высшая, находится еще въ положеніи далеко не благопріятномъ“, что „наша обра-

---

<sup>1)</sup> См. Примѣрныя программы и объяснительныя записки по исторіи (выработанныя Комиссіей при министрѣ ген. Ванновскомъ).—Нѣкоторое исключеніе въ этомъ отношеніи составляютъ историческія руководства по общей исторіи подъ редакціей такихъ ученыхъ, какъ Карѣевъ и Виноградовъ.

<sup>2)</sup> Въ своей Рѣчи при защитѣ маг. диссертациі. См. Русск. Бесѣда, М. 1860, I, Смѣсь, стр. 141.

<sup>3)</sup> Это было писано въ 1904 г.



зованность мало еще отвѣчаетъ потребностямъ и задачамъ Россіи, мало опознала духовныя и насущныя нужды славянства, всего нашего міра, гдѣ ей досталось первое мѣсто“<sup>1)</sup>).

Лучшимъ и краснорѣчивѣйшимъ подтвержденіемъ справедливости этихъ словъ и въ наши дни могутъ служить уже отмѣченныя нами „ученое“ направленіе и странное отношеніе къ славянству и нашему міру, обнаруженное въ вышеупомянутыхъ новѣйшихъ, составленныхъ нашими историками-спеціалистами,—примерныхъ средне-учебныхъ программахъ по исторіи и въ объяснительныхъ къ нимъ запискахъ.

Въ частности для иллюстраціи отношенія русской исторической науки и педагогіи къ изученію именно Карпато-дунайскихъ земель эти программы по средней и новой исторіи чрезвычайно любопытны и характерны, ибо въ нихъ, какъ было выше упомянуто, не только нѣтъ вовсе рѣчи о судьбѣ народовъ въ смѣнявшихся другъ друга дунайскихъ государствахъ, но въ первой (средневѣковой) нѣтъ даже упоминанія о существованіи Угорской державы, нѣтъ даже вовсе имени Угрии или Венгрии, а во второй (новой) исторіи Австрійской имперіи отведено самое незамѣтное, ничтожное мѣсто...

Наша скромная задача была привлечь хотя сколько-нибудь вниманіе русскаго образованнаго общества и молодыхъ ученыхъ силъ именно къ этой важной и интересной области. Указаніе такихъ существенныхъ пробѣловъ въ нашей русской литературѣ и образованности, чѣмъ чаще оно будетъ повторяться, тѣмъ ско-

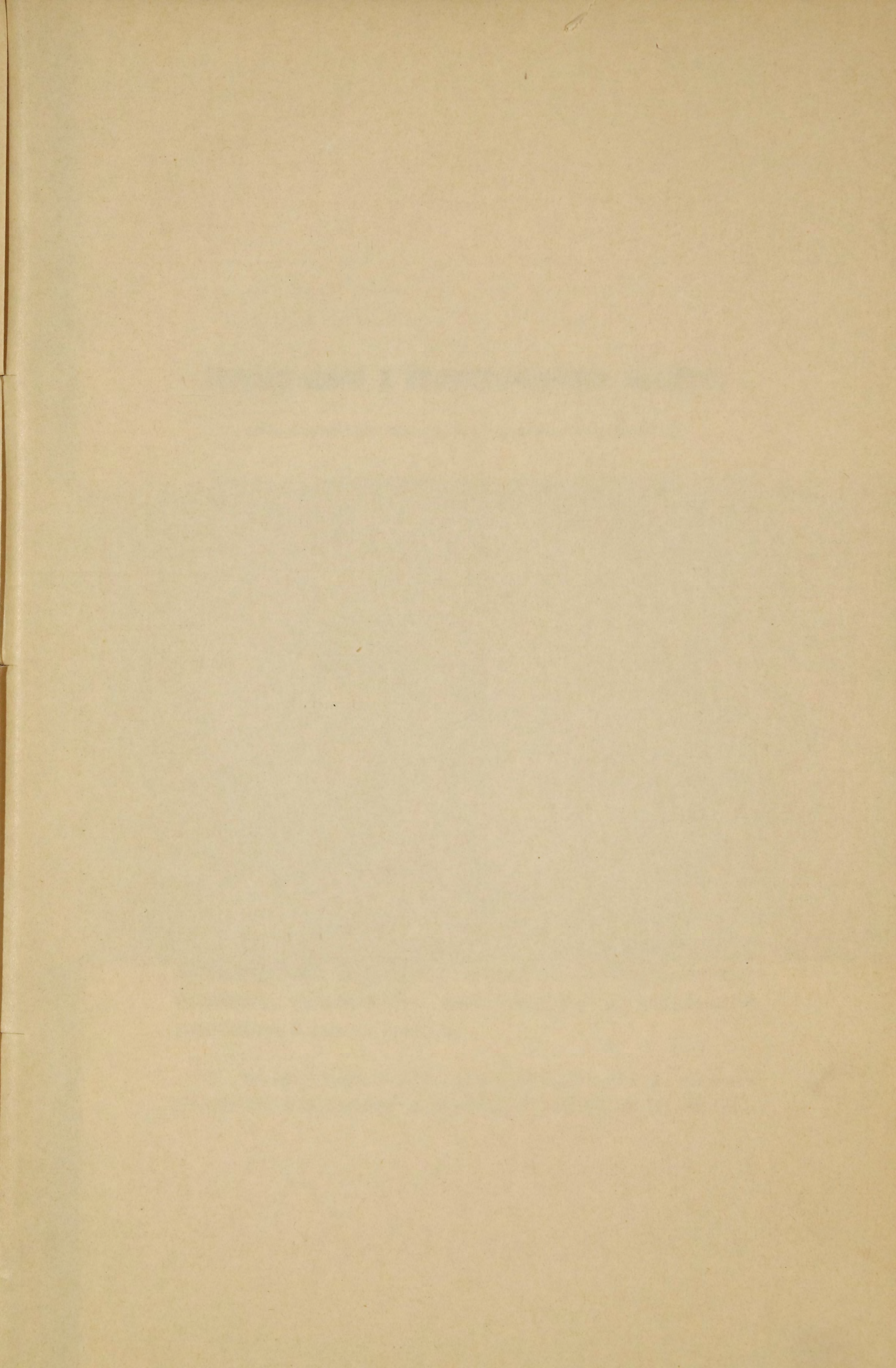
---

<sup>1)</sup> Три міра Азіяско-европейскаго материка. Слав. Обозрѣніе 1892, стр. 478 и 480.

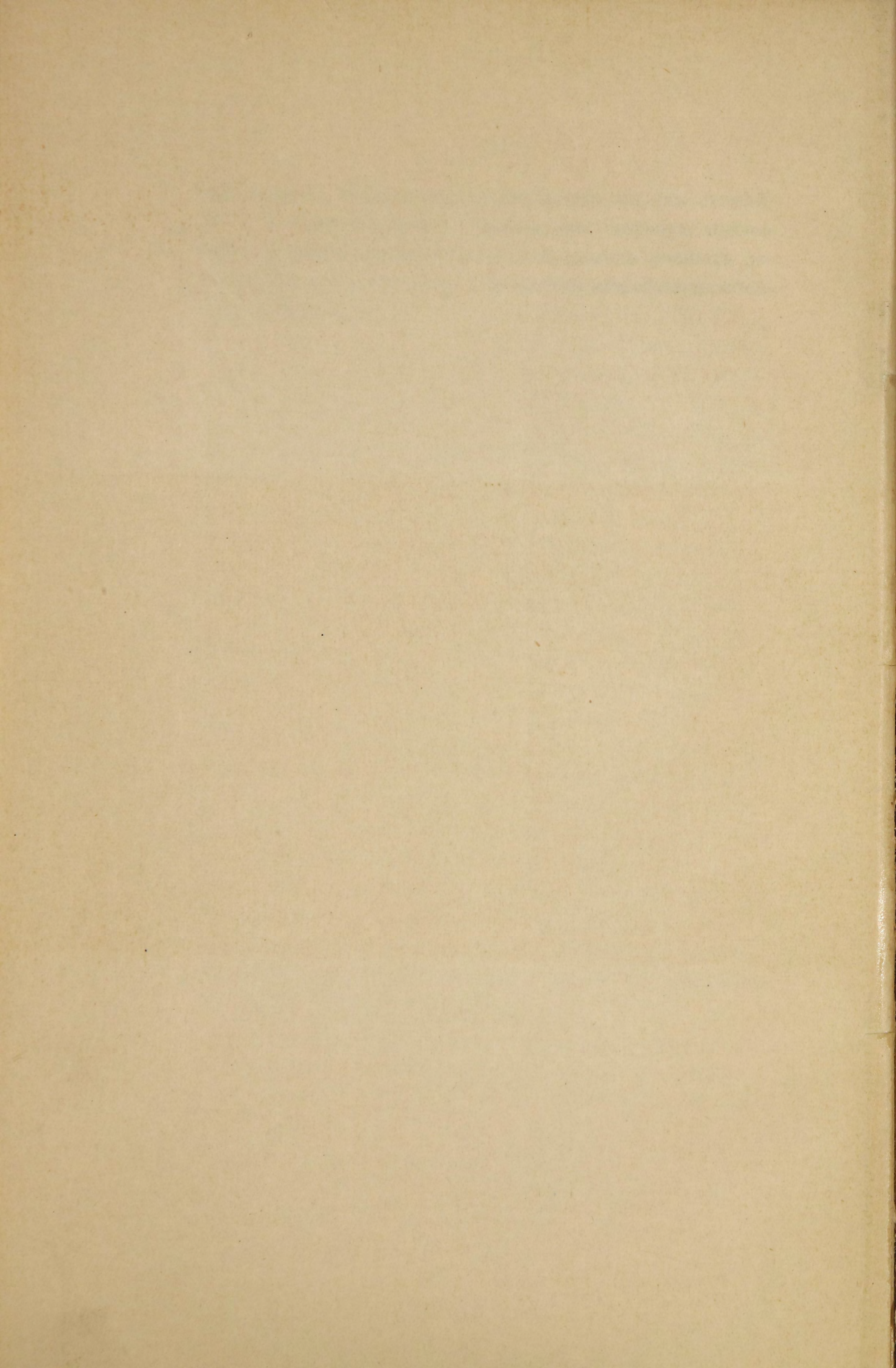


рѣе можетъ воодушевить и подвинуть къ ихъ скорѣйшему и основательному пополненію научную пылкость и рвеніе начинающихъ и будущихъ ученыхъ работниковъ на нивѣ русско-славянской или обще-европейской исторіи.











## Великая война и Карпато-дунайская монархія.

(Къ освѣщенію вопросовъ недалекаго будущаго).

Когда я высказывалъ въ нѣмцѣхъ переконаніе

воинствующей иезуитской политикой папства, безшабашнымъ мадьярскимъ шовинизмомъ и славянской разобщенностью и рознью.

---

\*) „Австро-Венгрія или Карпато-дунайскія земли въ судьбахъ Славянства и въ русскихъ историческихъ изученіяхъ“. Спб. 1914.







## Великая война и Карпато-дунайская монархія.

(Къ освѣщенію вопросовъ недалекаго будущаго).

Когда я высказывалъ въ нынѣ переиздаваемомъ очеркѣ \*), лѣтъ десять тому назадъ, свое заключеніе, что безнадежно-трагическое положеніе Австріи и ея династіи—вслѣдствіе пангерманскихъ и антиславянскихъ тяготѣній и внутреннихъ противорѣчій ихъ безпринципной и коварной политики—должно въ недалекомъ будущемъ завершиться катастрофой и полнымъ распаденіемъ государства, если оно во время не подвергнется коренной перестройкѣ на совершенно новыхъ началахъ,—я не думалъ, что эта катастрофа уже надвигается... Я не думалъ, что намъ, Россіи, суждено такъ скоро съ мечомъ въ рукахъ выступить орудіемъ Провидѣнія и высшей правды и разрубить тотъ сложный хаотическій узелъ, который въ теченіе вѣковъ завязывался и затягивался на Дунаѣ исконнымъ германскимъ завоевательнымъ натискомъ, австрійско-габсбургскими коварствомъ, предательствомъ и насиліемъ, воинствующей іезуитской политикой папства, безшабашнымъ мадьярскимъ шовинизмомъ и славянской разобщенностью и рознью.

---

\*) „Австро-Венгрія или Карпато-дунайскія земли въ судьбахъ Славянства и въ русскихъ историческихъ изученіяхъ“. Спб. 1914.



Не прошло и двухъ мѣсяцевъ съ начала настоящей войны, такъ легкомысленно и безразсудно начатой Австро-Германскимъ союзомъ, а уже совершились великіе событія и перевороты: австрійскія военныя силы терпятъ повсюду жестокія пораженія, а наши доблестныя войска заняли уже всю русскую Галицію, Буковину и проходы Карпатскіе, конечно, съ тѣмъ, чтобы навѣки слить съ великою Русью нѣкогда роковымъ образомъ отторженную исконную часть ея.

Разложеніе Австро-Венгріи началось и, надо думать, будетъ—на благо намъ и Славянству—неудержимо продолжаться, пока не дойдетъ до естественнаго конца, до окончательной ликвидаціи австрійскаго вопроса.

По всѣмъ признакамъ—дѣло идетъ къ такому результату, и мы должны всемѣрно готовиться къ тому, чтобы вполне сознательно, твердо и неуклонно итти къ намѣченной цѣли, съ основательнымъ знаніемъ и пониманіемъ дѣла, мочь принять рѣшающее и авторитетное участіе въ постановкѣ и разрѣшеніи тѣхъ нелегкихъ политическихъ вопросовъ или задачъ, которые въ ближайшемъ будущемъ могутъ быть поставлены на очередь ходомъ событій.

Читатель, ознакомившись съ представленнымъ мною его вниманію очеркомъ судьбы Карпато-дунайскихъ земель, можетъ естественно поинтересоваться взглядомъ его автора на предстоящую намъ великую задачу, если Провидѣніе призоветъ нынѣ же Россію къ ея рѣшенію, — задачу столь опредѣленно поставленную и ярко выраженную въ недавнемъ воззваніи



нашего Верховнаго Главнокомандующаго къ народамъ Австріи.

Я считаю, поэтому, своимъ долгомъ высказать здѣсь нѣсколько мыслей о томъ, въ какихъ желательныхъ общихъ контурахъ и формахъ обрисовывается для меня, какъ, думаю, и для многихъ—сколько-нибудь посвященныхъ въ сущность и исторію вопроса—русскихъ людей, быть можетъ, уже недалекое будущее Карпато-дунайскихъ земель.

Прежде всего надо твердо установить, что разложение и распаденіе Австріи есть вмѣстѣ съ тѣмъ полное упраздненіе самой австрійской идеи, т. е. той государственной идеи, которая въ свое время обуславливала и оправдывала бытіе Габсбургской монархіи и которая давно уже утратила свой смыслъ и свой *raison d'être*.

Я разумѣю идею сплоченія воедино Карпато-дунайскихъ областей и народовъ для борьбы съ восточнымъ „варварскимъ“ міромъ, въ новое время съ Турціей и исламомъ и для защиты отъ нихъ христіанской Европы; о той миссіи Австріи, которая была унаслѣдована ею отъ старой Германской имперіи и воспринята ею во всемъ объемѣ и блескѣ въ новѣйшій періодъ ея исторіи подъ давленіемъ прусскаго милитаризма и германскаго имперіализма нашихъ дней,—нечего и говорить. Она-то, являясь противоестественною и бессмысленною для государства, по этническому составу своему, болѣе чѣмъ на половину славянскаго, и привела его къ разложенію и гибели. Можно еще прибавить, что эта новѣйшая роль Австро-Венгріи обнаружила всю несостоятельность и наивность еще той идеи, которой полвѣка тому назадъ увлекались нѣкоторые западно-



славянскіе политики (напр., въ Чехіи), видѣвшіе въ существованіи Австрійской монархіи — защиту и спасеніе отъ германскаго захвата и оиѣмченья.

Итакъ, Габсбургская монархія-имперія только какъ искусственный конгломератъ разнородныхъ и враждебныхъ другъ-другу политическихъ и національныхъ группъ и стихій, несостоятельная въ своей системѣ и отжившая въ своей идеѣ и задачахъ, утратила всякое историческое оправданіе. Ея упраздненіе — естественно и необходимо, а съ нею и упраздненіе того фактора, который всего болѣе повиненъ въ ея роли и участи и которымъ она только и держалась такъ долго, именно — *Габсбургской династіи*.

Этого настоятельно требуютъ не только интересы всѣхъ народовъ Карпато-дунайскихъ (кромѣ нѣмцевъ) и всего Славянства, не только благо Европы, но и прямая историческая логика. Когда-то, во времена оны, на Габсбурговъ — этого стараго соперника Гогенцоллерновъ въ вопросѣ возглавленія Германской имперіи, смотрѣли какъ на нужный и полезный противовѣсъ властолюбивымъ пангерманскимъ притязаніямъ Гогенцоллерновъ и прусскимъ стремленіямъ къ гегемоніи, какъ на своего рода необходимое зло, но со времени обращенія Габсбургами Австріи въ покорное орудіе прусско-германскихъ политическихъ вождельнѣй и задачъ и полного ихъ, чуть не рабскаго, подчиненія авторитету и волѣ Гогенцоллерновъ — о такой ихъ роли, конечно, не можетъ быть и разговора.

Такимъ образомъ, въ этомъ вопросѣ не можетъ и не должно быть сомнѣній и колебаній. Между тѣмъ, можно быть увѣреннымъ, что какъ со стороны самого осужденнаго на политическую смерть, такъ и съ раз-



ныхъ заинтересованныхъ сторонъ, особенно со стороны руководящихъ силъ и вождей воинствующаго католицизма и іезуитовъ, будутъ пущены въ ходъ всѣ пружины, ухищренія и интриги, чтобы сохранить подъ Габсбургами—въ независимомъ объединенномъ государственномъ цѣломъ—хоть главныя историческія части Австро-Венгрии, и съ тѣмъ вмѣстѣ спасти хоть призракъ австрійской государственной идеи и новѣйшей миссіи Дунайской имперіи. Признаки такихъ стремленій и такой работы уже и замѣчаются.

На европейскомъ западѣ, а тѣмъ болѣе въ кругахъ „тройственнаго согласія“, уже никто не сомнѣвается въ неизбежности распадения Австріи и въ томъ, что Россія смотритъ на войну съ послѣдней—какъ на освободительную для всего западнаго и южнаго славянства, да и вообще для народностей Австро-Венгрии, что достаточно громко и ясно уже выражено ею, а потому едва-ли кто-нибудь изъ нашихъ союзниковъ вздумаетъ серьезно возражать противъ осуществленія самой первой задачи—естественнаго присоединенія окраинныхъ частей Австро-Венгрии: русской и польской, сербской, хорватской, словенской, итальянской (и румынской?) къ братскимъ зарубежнымъ державамъ, съ созданиемъ, въ мѣру необходимости, согласно историческимъ и національнымъ условіямъ, автономныхъ въ ихъ составѣ областей (напр. Польской подъ русской державой, хорватской и словенской подъ сербской). Но рядомъ съ этимъ замѣтно поползновеніе сохранить остовъ Австріи въ формѣ „триализма“, т. е. государственнаго объединенія подъ одной короной (очевидно, Габсбургской) ея трехъ основныхъ частей—нѣмецкой Австріи, Венгрии—Мадьярии и земель Чешской короны. Эта идея, могущая



исходить очевидно отъ самого погибающаго и хватающагося за соломинку насильника и отъ слугъ Римскаго престола, находятъ себѣ, какъ видно изъ иностранной печати, поддержку и приверженцевъ въ нѣкоторыхъ политическихъ кругахъ Англіи, все еще не отдѣланных отъ страха передъ усиленіемъ Россіи, и раздѣляется, быть можетъ, иными публицистами и политиками во Франціи. Въ виду этого она заслуживаетъ нашего вниманія—въ смыслѣ выясненія ея полной несостоятельности и пагубныхъ ея послѣдствій въ случаѣ осуществленія—съ точки зрѣнія не только нашихъ и общеславянскихъ интересовъ, но и вообще интересовъ европейскаго мира и національной идеи, для самаго рѣшительнаго и всемирнаго противодѣйствія ей со стороны Россіи.

Дѣйствительно, сохраненіе бытія такой, хотя бы и обкромсанной, умаленной и значительно обезсиленной Австріи, остающейся, однако же, вѣрной себѣ, своимъ исконнымъ завѣтамъ, притязаніямъ и стремленіямъ, совершенно противно благу и интересамъ славянскаго міра. Такая Австрія въ новомъ, исправленномъ изданіи продолжала бы быть источникомъ смутъ и раздоровъ, угрозой миру и равновѣсію въ Европѣ. Великая война закончилась бы лишь *полумѣрой*, которая вскорѣ могла бы вызвать новое кровопролитіе. Но это лишь общее, принципиальное, впрочемъ, весьма существенное и важное, основаніе въ такомъ взглядѣ на дѣло. Другія основанія, конечно, не менѣе важныя, касаются той славянской области и того народа, которые этой политической комбинаціей должны быть принесены въ жертву спасенному отъ заслуженной казни



австрійскому выродку, а именно дсблестной Чехіи и ея великаго народа.

Первое и главное основаніе для дарованія Чехіи самостоятельнаго государственнаго бытія заключается въ томъ, что мы пошли освобождать отъ австрійскаго плѣна не часть, а *все* западное славянство, въ которомъ Чехамъ, несомнѣнно, по ихъ исторической и культурной роли, принадлежитъ первенствующее мѣсто. Славянство въ долгу у Чеховъ: они, его передовые бойцы, въ теченіе долгихъ вѣковъ боролись мужественно и самоотверженно съ врагами Славянства и успѣшно отражали удары и натискъ германскаго міра, высоко держа знамя своей національной самообытности въ культурѣ, религіи и языкѣ. Велики и неисчислимы ихъ заслуги въ развитіи, ростѣ и расширеніи идеи славянской взаимности и братства, и если кто изъ славянъ въ полной мѣрѣ заслужилъ нынѣ пожать плоды этой упорной многовѣковой славянской работы, то это наши братья—Чехи. Насталъ, наконецъ, часъ вызволить ихъ изъ тисковъ вѣкового насильника и кровопійцы и дать имъ вождедѣнную свободу и независимость.

Вторымъ основаніемъ должно служить ихъ непрекаемое старое историческое право. Права чешской короны неоспоримы и коренятся въ глубинѣ вѣковъ: онѣ давнѣе правъ короны Австріи и Габсбурговъ нѣкогда лишь съ помощью Угрии осилившихъ Чехію и впоследствии сумѣвшихъ овладѣть ея короной. Чехія сыграла могущественную, поневолѣ фатальную для себя, роль въ развитіи и исторической карьерѣ Австріи, и въ награду была ею подло обманута (неисполненное донинѣ обѣщаніе Франца-Іосифа короноваться чешской короной!), унижена и задавлена.



Нынѣ насталь для нея часъ возмездія и удовлетворенія.

Нѣтъ, было бы величайшей несправедливостью допустить, чтобы Чехія осталась въ составѣ ампутированной Австрійской монархіи, хотя бы ей и обѣщана была широкая автономія. Если Габсбурги не считались и не церемонились со славянами и ихъ интересами, когда они составляли болѣе половины населенія монархіи, то каково будетъ ихъ отношеніе къ нимъ, когда они будутъ составлять лишь третью часть ея?!

Итакъ, политическое освобожденіе Чехіи и образованіе Чешскаго Королевства, въ составѣ земель чешской, моравской, австро-силезской и — вѣроятно — словацкой (съ гарантіей сохраненія народной самобытности), является настоятельной задачей и непремѣннымъ условіемъ переустройства и новой политической группировки земель и народностей карпато-дунайскихъ.

Такимъ образомъ, отъ дунайской монархіи остаются лишь двѣ центральныя составныя части—собственная, нѣмецкая Австрія и мадьярская или румыно-мадьярская Венгрія.

Въ какомъ же видѣ и политической формѣ представляется ихъ будущее возможное и желательное національно-политическое существованіе? Надо признаться, что будущая организація этого центрального остатка Австрійской монархіи представляется мнѣ наиболѣе неопредѣленною и допускающею, быть можетъ, не одно рѣшеніе. Въ виду взятаго мною въ основу принципа полного упраздненія Габсбургской державы и ея идеи, обѣ эти этнографическія области не должны представлять уже теперь ничего нераздѣльнаго и цѣльнаго, тѣмъ болѣе, что въ нихъ нѣтъ и взаимнаго



внутренняго тяготѣнія и общности политическихъ и національныхъ интересовъ. Можно бы, поѣтому, дать каждой изъ нихъ ту или другую особую самостоятельную организацію. Есть даже предположеніе о возможности раздѣленія ихъ полосой (со включеніемъ Вѣны), проведенной прямо на югъ отъ послѣдней и долженствующей служить мостомъ, соединяющимъ чеховъ съ южнымъ славянствомъ. Но тутъ можетъ явиться немало вопросовъ и сомнѣній.

Дать нѣмецкой Австріи слиться съ объединенной или даже разъединенной Германіей—немыслимо: это было бы только на руку послѣдней, которая такимъ путемъ изъ результатовъ великой войны получила бы новое приращеніе и почерпнула бы новыя силы... Но и не слитая съ Германіей, самобытно устроенная, эта область все-же всячески тяготѣла бы политически къ Германіи и въ такихъ условіяхъ дѣятельно продолжала бы играть роль и исполнять миссію проводника нѣмецкихъ вліяній и интересовъ на Дунаѣ и въ сосѣднихъ славянскихъ областяхъ... Соединеніе же упомянутымъ мостомъ чешской этнографической области и государства съ южнославянской державой—мысль конечно очень симпатичная, но ея практическое осуществленіе представить, думается, много затрудненій. Вотъ почему мнѣ приходитъ на мысль: не представляется ли болѣе рациональнымъ и цѣлесообразнымъ оставить нѣмецкія провинціи Австріи въ соединеніи съ мадьярской Венгріей, но такимъ образомъ, чтобы главенствующая и руководящая роль въ этомъ новомъ государственномъ организмѣ (въ той или другой государственной формѣ, хотя бы королевства) принадле-



жала уже обезвреженной, т. е. ампутированной Венгрии или Мадьярии, имѣющей на это несомнѣнно даже болѣе *историческихъ* правъ.

Мадьяры, измѣнивъ давно своей старинѣ и либеральнымъ принципамъ стараго славяно-угорскаго государства, своей политикой насилія, безправія и мадьяризаціи, окончательно оттолкнули отъ себя всѣ входившія въ составъ ихъ державы народности, которыя нынѣ съ радостью освободятся изъ-подъ ихъ гнета и поспѣшатъ въ объятія своихъ братьевъ... Мадьяры остаются одинокими. На ихъ народную самобытность и независимость никто однакожъ не думаетъ посягать. Быть можетъ, справедливымъ возмѣщеніемъ утраченнаго будетъ присоединеніе къ новой Мадьярии нѣмецкихъ областей Австріи? Вѣдь виновниками печальной и трагической участи ихъ старой державы и ихъ враждебнаго отношенія къ славянству были именно Австрія и нѣмцы... Пусть же они совмѣстно устраиваются и объединяются, дѣля другъ съ другомъ плоды своей несчастной и преступной политики... Окруженные со всѣхъ сторонъ самостоятельными государствами, какъ сплоченными національными организмами, они перестанутъ быть опасными для нихъ и не будутъ угрозою для европейскаго мира.

Настоящая брошюра, какъ приложеніе къ моей книжкѣ объ „Австро-Венгріи“, и высказанныя въ ней мысли вызвали въ нашей печати рядъ какъ сочувственныхъ, такъ и критическихъ отзывовъ. Оппонентомъ моимъ, отвергающимъ цѣлесообразность моего



проекта о созданіи новаго Дунайскаго государства (изъ неславянскихъ частей „лоскутной“ монархіи) съ господствующею ролью мадьяръ,—выступилъ въ своей, какъ всегда, интересной статьѣ М. О. Меншиковъ („Новое Время“, 27 сент., № 13845).

Здѣсь я хочу прибавить нѣсколько словъ къ изложенному мною выше не для того, чтобы вступать въ полемику съ почтеннымъ нашимъ публицистомъ, но для лучшаго выясненія своего отношенія къ поднятымъ вопросамъ и устраненія возможныхъ недоразумѣній \*).

Переиздавъ свой историческій этюдъ, написанный въ то время, когда можно было еще высказывать хоть слабую надежду на то, что властвующие и опредѣляющіе судьбу Австро-Венгріи факторы (Габсбурги и мадьяры) во-время увидятъ ту бездну, въ которую они влекутъ монархію, и рѣшатся на спасительное коренное измѣненіе курса, я не считалъ себя въ правѣ оставлять читателя моей книжки въ нѣкоторомъ недоумѣніи: что же я думаю теперь? Что можетъ сказать объективный историкъ дунайскихъ странъ въ виду поднимающихся сложныхъ вопросовъ и фатально назрѣвающихъ великихъ историческихъ событій? Я побуждался къ тому и тѣмъ, что меня не вполне удовлетворяло все то, что высказывалось съ разныхъ сторонъ о возможномъ будущемъ устройствѣ основныхъ земель австро-венгерской короны.

---

\*) Эта замѣтка моя была помѣщена въ „Новомъ Времени“, 7 окт. сего года, № 13855 („О Венгріи, Мадьярахъ и Австріи“).



Такимъ образомъ тѣ мысли, которыя были мною высказаны, и брошенная мною идея не являются плодомъ досужей изобрѣтательности или случайной игры воображенія: онѣ мнѣ подсказаны изученіемъ далекой и близкой исторіи этихъ земель, народовъ и государствъ дунайскихъ, и идея, показавшаяся многимъ очень своеобразной и неожиданной, — является только однимъ изъ историческихъ выводовъ, логически напрашивающихся при сопоставленіи настоящаго съ прошлымъ, къ сожалѣнію, у насъ столь мало изученнымъ и мало продуманнымъ.

Въ основѣ мысли о той роли, которую я счелъ болѣе цѣлесообразнымъ намѣтить для мадьярской народности въ будущемъ, Богъ дастъ, ампутированномъ дунайскомъ политическомъ организмѣ, отнюдь не лежатъ мои будто бы мадьярофильство и какія-то особыя симпатіи къ мадьярамъ, совершенно напрасно мнѣ приписываемыя М. О. Меньшиковымъ. Я достаточно ясно и рѣзко высказывался всегда, какъ и въ настоящемъ трудѣ, противъ *современнаго* натасканнаго германствомъ, зарвавшагося въ своей славянофобіи и тѣмъ ненавистнаго намъ мадьярства. Но я не могу забывать исторіи, старыхъ племенныхъ отношеній и судьбы старой Венгріи и не считаться съ тѣмъ фактомъ, что политика мадьяръ послѣдняго столѣтія есть политика габсбурго-австрійская и что именно ей обязана Венгрія своимъ распаденіемъ на составныя части. Въ основѣ моей мысли, что съ упраздненіемъ двуединой имперіи вмѣстѣ съ ея династіей (я считаю одно безусловно связаннымъ съ другимъ) — первое



мѣсто на среднемъ Дунаѣ должно бы быть предоставлено новой Венгріи и мадьярамъ, но отнюдь не австрійскимъ нѣмцамъ,—лежатъ соображенія какъ о первенствующихъ правахъ и государственной давности Венгріи, такъ и убѣжденіе въ томъ, что такая конструкція будущей Австро-Мадьяріи наиболѣе отвѣчаетъ интересамъ славянства, Россіи и всей Европы.

Не пускаясь въ подробную полемику по существу дѣла (я не хочу вдаваться въ чуждую мнѣ область практической политики), я сдѣлаю лишь одно замѣчаніе. Мнѣ говорятъ, что намъ не слѣдуетъ соединять нашихъ закоренѣлыхъ враговъ, а напротивъ слѣдуетъ разъединять, что лучше пусть они будутъ независимы другъ отъ друга. На первый взглядъ это какъ будто и наилучшее рѣшеніе. Но вникнемъ въ дѣло глубже. Во-первыхъ, мадьяры были нашими врагами, пока они угнетали подчиненныхъ имъ нашихъ братьевъ. Но разъ эти братья будутъ свободны, для взаимной вражды не будетъ и почвы. Новая Венгрія, какъ и Румынія, останется самостоятельной частью нашего греко-славянскаго міра, съ которымъ она глубоко связана этнологіей и исторіей. Но мадьяры—одни, обезсиленные, безъ политической роли, какъ сосѣди или независимой Австріи, или—что еще хуже—Австро-Германіи (если эти австрійскія провинціи будутъ подчинены или втянуты въ германскій союзъ или имперію), силою вещей легко могутъ быть увлечены на прежній антиславянскій путь и стать орудіемъ и игрушкой германской политики и притязаній. Если же вмѣсто того австрійскія провинціи войдутъ, какъ



часть, въ Венгрію и будутъ въ нѣкоторой зависимости отъ мадьярской государственности (трансильванскіе нѣмцы вѣдь были же до сихъ поръ подъ ихъ властью и режимомъ!), то мадьяры въ своей *державной* роли будутъ несомнѣнно отстаивать свою національно-политическую независимость и, уже испытавъ однажды нѣмецкую ферулу и всѣ фатальныя для нихъ послѣдствія службы германо-австрійской идеѣ, едва-ли опять захотятъ вернуться къ этой роли проводника германизма и орудія его натиска на Востокъ... Прибавимъ еще, что созданіе новой Венгріи поможетъ полному устраненію Габсбурговъ, которые иначе остались бы во главѣ маленькой Австріи.

Мнѣ говорятъ, что наша война—освободительная и что не подобаетъ закабалять однихъ враговъ—другимъ. Но едва-ли тутъ можно говорить о закабаленіи: мадьяры не станутъ *уинетать* нѣмцевъ, да и нѣмцы не дадутся. Это будетъ сожительство, но подъ знаменемъ не германизма и прежняго австрійства, а стародавней, славянству благопріятной, мадыро-венгерской политической независимости.

А если бы даже австрійскимъ нѣмцамъ не особенно сладко пришлось въ Венгріи, то едва-ли намъ и всему славянству слѣдуетъ особенно сокрушаться объ этомъ. Я согласенъ съ М. О. Меншиковымъ, что кромѣ политики есть еще «область болѣе высокая, есть религія съ ея вѣчными нравственными нормами». Но въ связи съ этимъ есть вѣдь и высшая правда и справедливость, есть божественное Провидѣніе или — если хотите — историческая Немезида,



какъ выразился А. А. Столыпинъ \*). И она-то трагически караетъ тѣхъ, кто никогда не признавалъ ни началъ справедливости, ни законовъ божественныхъ и человѣческихъ, ни нравственныхъ нормъ и основъ.

Не только каждый отдѣльный человѣкъ пожинаетъ въ жизни то, что онъ самъ посѣялъ, и является „кузнецомъ своего счастья“. Тому же закону неотвратимо подлежатъ и цѣлые народы и государства...

*К. Гротъ.*

---

\*) Въ своей статьѣ по поводу моей книжки, см. „Новое Время“ 25 сент. 1914, № 13843.





Типографія Министерства Путей Сообщенія  
(Товарищества И. Н. Кушнерева и К<sup>о</sup>), Фонтанка, 117.







Цѣна 60 коп.